
С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 10 МАРТ 1984

Один из многих новых домов района.

У НАС, В КУЙБЫ

После смены. Третий справа — Ю. И. Калинин.

4 МАРТА—
ВСЕ
НА ВЫБОРЫ!

А. Г. Морозов, комбриг «Неуловимых».

О. К. Корякова: «Вот этот сапожок пользуется успехом».

Татьяна Кашицына будет голосовать впервые.

ШЕВСКОМ...

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото И. ГАВРИЛОВА

Избирательный округ № 11 города Москвы, один из 1500 округов по выборам в Верховный Совет СССР. В честь выдающегося партийного и государственного деятеля, соратника Владимира Ильича, как и район столицы, ему соответствующий, он назван Куйбышевским. Здесь кандидатом в депутаты высшего органа государственной власти трудовые коллективы единодушно назвали товарища Константина Устиновича Черненко.

По итогам соревнования в третьем году одиннадцатой пятилетки району недавно было вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Сегодня мы рассказываем о куйбышевцах и их делах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ окружной избирательной комиссии Юрий Иванович Калинин работает в объединении «Моспромэлектроконструкция». Мы едем к нему, постигая одновременно в пути масштабы района. Куйбышевский — один из крупнейших в столице. Почти на пятьдесят квадратных километров привольно раскинулся от Яузы до кольцевой автострады, от Гольянова до Северянина, вобрав в себя зеленое сокровище Лосиного острова. Однако не менее богат он и промышленностью.

В морозном искрящемся тумане беглым штрихом прорисовались очертания современных многоэтажий по Большой Черкизовской улице, овал пруда у стадиона и вот уже, живописуя высокое мартовское небо, клубятся паром трубы... Некогда была деревня Колошино — ныне густо населенная заводами и фабриками промышленная зона. Их в районе 58. Среди них такие знаменитые, как объединение МЭЛЗ, первое в стране предприятие, удостоенное ордена Ленина; объединение «Электрозавод» имени В. В. Куйбышева, поставляющий трансформаторы различных систем в более чем сорок стран мира; объединения «Красный богатырь», «Вулкан», «Колосс»... На многих предприятиях идет или завершилось техническое перевооружение с самым широким применением автоматики и роботизации. На эту особенность, рассказывал нам Ю. А. Прокофьев, первый секретарь РК КПСС, обратил внимание во время своего недавнего пребывания в Москве Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл. И был крайне удивлен, когда рабочие «Хроматрона» (это предприятие станет первым в отрасли заводом-автоматом) с восторгом отзывались о роботах. У них, в США, роботы вызывают у рабочего ужас, потому что там техника вытесняет человека, лишает заработка. У Гэса Холла давние связи с МЭЛЗом. Он был на нем в тридцатые годы, в свой первый приезд в Советский Союз, и вместе с рабочими электролампового завода участвовал в первомайской демонстрации на Красной площади.

Отдача индустрии Куйбышевского района — 6,7 процента от вклада всей Москвы. Свыше сорока процентов промышленной продукции — товары народного потребления. Популярны, нравятся покупателям резиновые сапоги и сапожки, телевизоры и электрокофемолки, искусственные меха и шелка, электроутюги и носки, одежда и игрушки, изделия пищевой промышленности и глобусы...

ЗАВОД, на котором работает Ю. И. Калинин,— головной объединения «Моспромэлектроконструкция» и производит трансформаторные подстанции, распределительные устройства, пульты и щиты для лифтов и электросчетчиков — без них не может обойтись ни одна новостройка, ни один жилой дом. Еще несколько лет назад предприятие было притчей во языцех: низкая производительность труда, рекламации, штурмовщина в конце года, высокая текучесть. А сегодня оно в четверке предприятий района, отмеченных за победу в 1983 году переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Кроме этого предприятия — завод «Микромашина», АТЭ № 1 и трест «Мостелефонстрой».

— Как же вам это удалось?— спросила я у Юрия Ивановича. Кому, как не ему, председателю совета бригадиров объединения, это лучше знать?

— Была реконструкция, потом началось внедрение прогрессивных форм организации труда. Происходило все так, как в свое время у знаменитых строителей Серикова и Злобина, как у калужан: создание бригад на подряде, работающих на один наряд.

Помолчал. Добавил:

— И, конечно, строжайшая дисциплина. Без этого никак нельзя. Очень верно сказал по этому поводу на внеочередном, февральском (1984 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Черненко. Он подчеркнул, что разболтанность и безответственность причиняют не только материальные издержки, но и нравственный, социальный ущерб. Совет бригады никому не дает поблажек, действует коэффициент трудового участия. Проблемы кадров теперь не существует. Текучесть в два раза ниже, чем средняя по району: 4,2 процента, и только за счет тех, кто уходит на пенсию или временно на службу в армию.

— Какое событие лично для вас самое значительное?

— Присуждение Государственной премии СССР.

Теперь, пожалуй, можно спросить у председателя избирательной комиссии и про предвыборные дела: «Все ли готово к торжественному дню»?

— Думается, что все готово. Все 112 участков хорошо оформлены, списки избирателей проверены. 4 марта придут голосовать впервые семь тысяч юношей и девушек. Особенно много молодежи на МЭЛЗе. Там и агитаторы хорошие. К избирательным урнам придут тысячи людей пенсионного возраста. Многие из них продолжают трудиться. Я, например, восхищаюсь Морозовым. Человек из легенды. Гордость нашего района.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ, невысокий и сухонький, в белом докторском халате сидел за письменным столом и менее всего напоминал в эту минуту бесстрашного комбрига. А на вешалке у шкафа мерцал орденами и медалями голубой парадный китель с полковничьими погонами.

Пока Анатолия Григорьевича фотографировали с будущими медсестрами и фельдшерами, я изучала в зале стенды, повествующие о боевом пути «Неуловимых». Так называлось партизанское соединение — бригада, которая выросла из группы, направленной в глубокий тыл врага. Она действительно была неуловимой, не стояла на месте, постоянно передвигалась: Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Прибалтика... И неизменно фашисты чувствовали силу ее сокрушительных ударов. Только с января по июль 1944 года было взорвано 103 эшелона, десять мостов, уничтожено до пяти тысяч гитлеровцев, взято в плен 253 солдата и офицера.

Военная биография Морозова началась намного раньше. В 1920 году комсомол направил паренька с Тульского оружейного завода в органы ЧК. Он участвовал в разгроме кулацких банд и подавлении мятежей в Тульской губернии. 30 января 1924 года был принят в партию большевиков. Учеба в высшей пограничной школе. В сорок первом — бои под Москвой... Уволился из рядов вооруженных сил только в 1960-м.

Райком партии направил ветерана в медицинское училище. Коммунисты избрали его секретарем парторганизации, а районный совет ветеранов партии и труда — своим председателем.

...Парадный китель, в который облачился Анатолий Григорьевич, как он выразился «для объектива», придал ему бравый вид.

— У коммуниста нет и не может быть пенсионного возраста,— говорит он.— Стремлюсь передать свой опыт и коммунистическую убежденность молодым. Встречаюсь с учащимися, рабочими, недавно проводил беседу в Центральной школе милиции. Наша партия и правительство все делают для того, чтоб сохранить и упрочить мир. Опуская в урну в день выборов бюллетень, я, прошедший войну, буду голосовать за то, чтобы ее не было.

ОБЪЕДИНЕНИЕ «КРАСНЫЙ БОГАТЫРЬ» выпускает в год тридцать миллионов пар различной обуви, за десятилетие ею можно обеспечить каждого жителя страны. Кажется, немало. И все же спрос на краснобогатырские изделия очень велик.

За время от выборов до выборов пущена первая в стране отечественная линия по изготовлению обуви методом коагулянтного формования. Осваивается роботизированный комплекс по производству формовых сапог, быстродействующая лазерная установка, дающая большую экономию материала при раскрое.

— Посмотрите на этот сапог!— предлагает Ольга Константиновна Корякова, заместитель начальника отдела конструирования. Всем хорош и красив! Но его яркое красное голенище простегивать долго и трудно. Пришлось от этого модного «лунохода» отказаться. Но мы нашли выход из положения.

Перед нами другой сапог, с синим голенищем и без простежки. Подошвы и союзки из нового материала — полипеноуритана, а верх из синтетической ткани.

— Этот не уступит ни в чем красному. Легкий и прочный. За последнее время мы освоили новые модели из пластизоля с меховым вкладышем и надставной манжетой. Это стало возможно благодаря пуску первой в стране автоматизированной линии. В прошлом году нами было разработано тридцать новых моделей, восемнадцать утверждены, семь уже внедрены.

...Процесс рождения обуви хорошо знаком Ольге Константиновне. Она потомственная резинщица. Отец всю жизнь проработал на «Вулкане». Мать здесь, на «Красном богатыре»,— 44 года. Только недавно ушла на заслуженный отдых. Оля еще школьницей приходила к ней в цех. После десятилетки сама стала к конвейеру. Через несколько лет завод послал молодую работницу учиться в химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Окончила — назначили заместителем, а потом и начальником цеха. И вот уже семь лет в отделе конструирования. Работает увлеченно.

ТАНЕ КАШИЦЫНОЙ 18 лет. Вся жизнь ее впереди. Все только начинается. Впрочем...

— В 82-м году я окончила школу. Лето было очень трудное: готовилась поступить в институт и на работу. 26 июля меня приняли ученицей на МЭЛЗ, а позже выдержала конкурс и меня зачислили на вечернее отделение института электронного машиностроения. Теперь я уже на втором курсе. Занятия четыре раза в неделю.

— Трудно?

— Конечно. Институт у Павелецкого вокзала. На дорогу уходит много времени.

— Как называется твоя работа?

— Юстировка. Другими словами, я занимаюсь подгонкой резисторов на ультразвуковой установке.

Мы видели, какую поистине ювелирную операцию выполняет Таня. Это напомнило мне действия хирурга-офтальмолога, производится операция под микроскопом. В руках две иглы. Работница — сама сосредоточенность и внимание.

— Норма большая?

— Справляемся. Наша бригада собиралась выполнить план двух с половиной месяцев к 4 марта, но мы свое слово сдержали на неделю раньше.

— Ты комсомолка?

— Конечно. В 1983 году избрали меня групкомсоргом. Работы очень много: соревнование, шефство над инвалидом войны, субботники. Весной работали на уборке нового кинотеатра имени Моссовета перед его открытием. А с декабря мы агитаторы. У нас свой избирательный участок, совсем недалеко от дома, в котором я живу.

— О чем же ты рассказываешь своим избирателям?

— О нашем районе. Мне кажется, что он самый красивый в Москве. Вот наша Красноярская улица. Широкая, прямая, почти до самого леса. Воздух чистый, мы все равно как на даче живем. За кольцевой дорогой снова леса до самых Мытищ. У нас нередко можно видеть лосей, переходящих шоссе... А сколько в Куйбышевском районе за время после прошлых выборов открылось школ, ателье, столовых, магазинов! Только в нашем Гольянове — «Спорттовары», «Ганга», «Дары Молдавии». К нам теперь из других районов Москвы покупатели приезжают. По наказам избирателей построены огромный «Универсам», «Детский мир», художественная школа, дом технического творчества, скоро откроется новая поликлиника для взрослых. Будет продолжена, тоже по наказам избирателей, Кировско-Фрунзенская линия метро от станции «Преображенская площадь» к стадиону «Локомотив» и детскому парку в Черкизове. Там же и Дом пионеров будет.

Таня рассказывала об этом с такой уверенностью, что у нас не возникало и тени сомнения. Так и будет!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

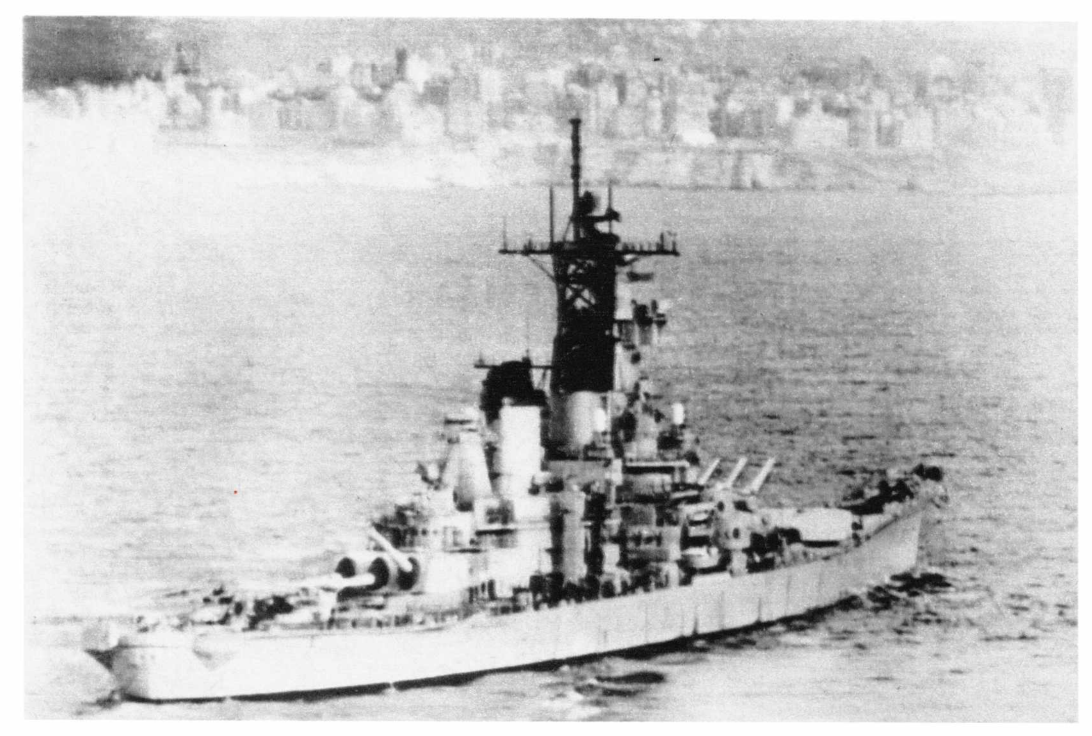
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2955)

3 МАРТА 1984

В НОМЕРЕ:

Орудия американского крейсера «Нью-Джерси» направлены на Ливан.

Фото АП—ЮПИ—ТАСС

ИЗРАНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

На истерзанной земле Ливана льется кровь. Братоубийственная гражданская война в этой стране продолжается вот уже несколько лет, то затихая, то вновь вспыхивая с необыкновенной силой.

Ливанский кризис является результатом империалистических провокаций Вашингтона и израильских сионистов. Орудийные жерла американского шестого флота направлены на мирные поселения ливанцев, и взрывы их снарядов подтверждают неуклонное стремление администрации США военной силой диктовать свои условия ливанскому народу.

Не прекращаются бомбовые налеты израильских стервятников на ливанские города и села. С очередной угрозой в адрес Ливана выступил израильский премьер-министр Шамир. Израиль, заявил он, «никогда не признает» отмену израильско-ливанского соглашения от 17 мая 1983 года. Как известно, это кабальное соглашение было навязано Ливану Соединенными Штатами и является одним из главных препятствий на пути нормализации обстановки в этой стране.

Действия США, приведшие к резкой эскалации напряженности в Ливане, осуждаются всеми миролюбивыми силами. «Агрессивный курс США в Ливане — свидетельство того, что Вашингтон действует заодно с Тель-Авивом, ставя целью не только поработить эту страну, но и превратить ее в плацдарм для распространения американо-израильского диктата на весь регион», — пишет египетская газета «Аль-Ахали».

Политика Вашингтона «уйти, чтобы остаться» продолжается. Об этом еще раз напомнил президент Рейган в своем интервью в Белом доме, где он сказал: «В настоящее время мы осуществляем передислокацию сил. Учтите, что мы не уходим, мы просто переходим на другие позиции, которые немного легче оборонять». Рейган не исключил возможности новой высадки морской пехоты на ливанский берег, указав, что это может быть предпринято, если их присутствие сможет повысить шансы на достижение целей США. И это несмотря на то, что число американских военнослужащих, погибших в Ливане, достигло 263 человек.

В южной части Ливана, оккупированной Израилем, нарастает борьба ливанских патриотов против вооруженной до зубов израильской армии. Сионисты установили здесь режим осадного положения: перекрыли все дороги и подступы, ведущие к городам и поселкам Южного Ливана, установили комендантский час, проводят повальные обыски и аресты, свобода передвижения по улицам сведена к минимуму. Однако силы ливанского сопротивления ежедневно наносят чувствительные удары оккупантам, которые несут значительные потери в живой силе.

Накаленная обстановка в Ливане создает напряженность не только в этом регионе, но и угрожает миру в целом. Поэтому положение на Ближнем Востоке должно быть как можно скорее урегулировано, чтобы земля древнего Ливана не содрогалась от взрывов снарядов, чтобы люди там могли без страха выходить из своего дома, чтобы наконец наступил долгожданный мир.

Лишившиеся крова жительницы Бейрута.

Похороны М. А. Шолохова. Траурный митинг в станице Вешенской. Телефото Ю. Лизунова, Е. Недери (ТАСС)

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ПРОЩАНИЕ

Самолет ЯК-40, следовавший специальным рейсом из Москвы, приземлился в Вешенской и, пробежав по бетонке, остановился так, что взору Шолохова открылась панорама на заснеженное поле, по которому резкий степняк гнал сухую поземку.

Високосный год только начал отсчитывать последние дни января.

Перед вылетом ночь спал тревожно,— вспоминает Мария Петровна, верная спутница всей его жизни.— С рассветом начал приглядываться к небу в надежде, что погода будет летной. А когда узнал, что вылет состоится,— чуть ли не через каждые десять минут поглядывал на часы, то и дело поторапливая нас с дочерью.

...Жизнь в доме на крутом донском берегу потекла согласно строгому распорядку. Утром Михаил Александрович просматривал газеты, интересовался поступившей почтой, подписывал многочисленные письма с ходатайствами: о выделении перекрытий для моста, об оборудовании для сельской школы, о трубах для газопровода. С его легкой руки и при его поддержке станица начала газифицироваться, вешенцы нарадоваться не могли, что отныне им не придется топить печи, истребляя с трудом добываемый в этих краях лес.

Он знал, что «стоит одной ногой в ладье Харона». По глазам окружавших его людей, которые изо всех сил пытались утаить от него эту страшную правду, видел, что смерть обрывает последние листки на отведенном ему календаре жизни. Но, удивительная вещь, смерти он не боялся. Она не раз подстерегала М. Шолохова — и на войне и в мирное время. И они с избытком успели наглядеться в глаза друг другу. Однако он был мудрец, а «смерть мудреца есть смерть без страха смерти».

До последнего дня никто из родных и близких его так и не смог понять, знает ли он о непоправимом. Столь мужественно и стойко держался он, так безмятежно шутил и улыбался в ответ на хорошую шутку.

А болезнь с каждым днем становилась все безжалостней и невыносимей. Теперь уже было трудно выпить не то что стакан чая — дышать было все трудней и трудней. Боль мучила и преследовала ежеминутно, точно пыталась заставить капитулировать перед собой. Капитулировать — значит прибегнуть к помощи обезболивающих средств.

— Он был категорически против наркотиков,— рассказывает лечащий врач М. Шолохова, кандидат медицинских наук В. Карнаушенко.— За четверть века работы я не видел более терпеливого пациента. Ни одного укола с болеутоляющим веществом не позволил он себе сделать. И можно по пальцам пересчитать таблетки промидола, которые были им добровольно приняты и которые всего-то на час снимали адскую боль.

— До последнего дня он был точен и обязателен, как всегда,— глядя на бесконечный людской поток, вливающийся во Дворец культуры, чтобы проститься со своим великим земляком, говорит помощник М. Шолохова М. Коньшин.— Буквально за несколько дней до смерти Михаил Александрович напомнил мне, что обещал прислать в одну из сельских библиотек Волгоградской области «Тихий Дон» с автографом. А 12 февраля у нас состоялся еще один разговор. Как только я появился в тот день у него в кабинете, он тотчас поинтересовался уплатой партвзносов за текущий месяц. «Еще есть время»,— попытался возразить я, взглянув Шолохову в глаза, и тут же мысленно выругал себя почем зря. Взгляд Михаила Александровича был неподвижен и суров. Не спеша, вынув изо рта мундштук, он проговорил негромко, но четко: «Уплатить завтра же. До обеда!»

Солнце все чаще заглядывало в его рабочий кабинет, день заметно набирал в силе, а ему хронически не хватало светлого времени суток.

— Почти до самого последнего дня отец старался не расставаться с книгой,— едва сдерживая слезы, говорит Светлана Михайловна — старшая дочь писателя.— Любимым чтением его были воспоминания маршала Жукова. Он мог возвращаться к ним неоднократно и всегда находил для себя что-то новое, неузнанное. Главным достоинством книги считал ее правдивость, доверительность и профессиональное знание предмета повествования. Когда его спрашивали: «Сколько можно читать одну и ту же книгу?» — отвечал не задумываясь: «Хорошую книгу можно перечитывать бесконечно». Это были его слова.

По натуре своей однолюб, по-казачьи сдержанный в выражении чувств, он до последней минуты жизни был предан той, которую однажды избрал своей спутницей жизни и с которой прожил душа в душу свыше шестидесяти лет...

— Все эти дни, прежде чем уснуть, Миша брал мою руку в свою и только после этого начинал дремать,— говорит исстрадавшаяся Мария Петровна.— А еще чаще просто лежал тихо, чтобы не беспокоить меня. Он терпеть не мог быть кому-то в обузу. Нуждаясь в медицинской помощи, категорически возражал, чтобы в доме дежурил врач или медсестра. Всегда говорил одно и то же: «Ведь их ждут дома, а со мной и так ничего не случится».

Измучившись и потеряв все силы, Шолохов не любил, когда кто-то пытался ему помочь надеть рубашку или дотянуться до кружки с чаем.

...Звуки Шестой симфонии П. Чайковского, усиленные мощными динамиками, наполняют зал, где установлен гроб с телом покойного. Вдоль стен — венки: от Центрального Комитета КПСС, от Президиума Верховного Совета СССР, от советских и общественных организаций, тружеников предприятий, колхозов и совхозов донского края. Венки от родных и близких Михаила Александровича Шолохова и от совсем незнакомых ему людей.

В почетный караул встают члены комиссии по организации похорон М. В. Зимянин, И. А. Бондаренко, А. А. Епишев, Г. М. Марков, В. Ф. Шауро, Т. Н. Ментешашвили, С. В. Михалков, Ю. В. Бондарев, Ю. Н. Верченко, А. В. Калинин, Н. А. Булавин. А людская река все продолжает и продолжает прибивать свои волны к берегу скорби. Идут рабочие, колхозники, студенты, представители интеллигенции. Для всех М. А. Шолохов и дорог и понятен.

Я стою у выхода из зала, внимательно вглядываюсь в скорбные лица людей и вспоминаю свою последнюю встречу с Шолоховым на Дону. В тот раз, разглядывая обложку привезенного из Москвы «Огонька» (по неоглядному полю навстречу хлебной стене двигались могучие «Нивы»), Михаил Александрович, как бы комментируя снимок, признался:

— Всю жизнь я не устаю преклоняться перед трудом землепашца. Видеть, как человек приходит к земле, чтобы взрастить на ней хлеб,— какое это радующее душу зрелище.— И тут же, на мгновение задумавшись, добавил: — Для меня всегда было ясно: пахать и сеять хлеб не менее почетно, чем писать романы.

Причастность ко всему, чем живут люди труда, была всегда самой яркой чертой шолоховского характера. Вот почему так бесконечен людской поток в эти скорбные минуты.

Немногим больше года не дожил Михаил Александрович до своего восьмидесятилетия. Смерть наступила 21 февраля в час сорок ночи. Приблизив руку Марии Петровны к губам и беззвучно поцеловав ее, он умер, не произнеся больше ни слова. М. Коньшин тотчас остановил маятник часов в рабочем кабинете. Остановил навечно.

Последний поклон. **Фото автора**

...Через час траурный кортеж двинется в последний путь. У входа в зал встречаюсь взглядом с писателем Анатолием Калининым. Много лет дружил он с Михаилом Александровичем, хорошо знал душу его и творчество.

— В Шолохове было все: огромный талант, всеобъемлющий ум, бесстрашие, нежность,— с болью в голосе говорит Калинин.— И над всем этим у него преобладала любовь. К человечеству. К земле. Ко всему живому и сущему. Так что станица Вешенская навсегда останется тем очагом и центром русской, советской культуры, к которому будут обращать свои взоры и тянуться миллионы людей со всех окраин нашей планеты. Я никогда и не смогу говорить о Михаиле Александровиче в прошедшем времени. Ибо он есть и всегда будет...

В разговор о Шолохове включается ростовский писатель Петр Лебеденко.

— Все мы смертны, но не каждому дано бессмертие. Оно принадлежит только тому, кто светлым умом, любовью к людям, всей жизнью своей прославил свое Отечество. Именно таким человеком был Михаил Александрович Шолохов, и все мы знаем, что ему уготовано это бессмертие. Я уверен — никогда не зарастет тропа к его последнему прибежищу.

— Умер один человек на земле — Шолохов,— говорит Егор Исаев,— но как в эти мгновения стало вдруг одиноко всему народу, всей стране. Шолохов и при жизни был больше история, чем биография, сейчас, после смерти, на века он уже как символ. Жизнь его слова, его таланта в слове — бессмертна, как сам народ.

Недалеко от меня стоит Юрий Бондарев. Я знаю, писатель не очень-то любит давать интервью, и все же прошу сказать несколько слов для «Огонька». Бондарев берет блокнот и пишет: «Художественное слово Михаила Шолохова, великого писателя XX столетия — да пребудет вечно!»

...23 февраля. Площадь перед зданием Дворца культуры заполнена до отказа. Гроб с телом М. А. Шолохова выносится на улицу и устанавливается на артиллерийский лафет. По улице Северной кортеж медленно направляется к центральной площади станицы. Через двести тридцать шагов лафет поравняется с мемориалом, воздвигнутым в станице в честь павших в Великой Отечественной войне защитников Родины, и взметнувшийся в стременах бронзовый казак как бы отдаст честь великому писателю донского казачества. На триста восемьдесят пятом шагу траурная процессия повернет на улицу Розы Люксембург и устремится к центру. А спустя тысячу шагов лафет выйдет на улицу имени Шолохова и свернет направо, чтобы еще через сто девяносто шагов оказаться у места проведения траурного митинга.

10 часов. Холодное солнце полыхает над площадью.

Начинается траурный митинг, посвященный памяти выдающегося писателя века, дважды Героя Социалистического Труда, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, лауреата Нобелевской премии, действительного члена Академии наук СССР, секретаря правления Союза писателей СССР.

Митинг открывает секретарь ЦК КПСС Михаил Васильевич Зимянин.

— Советская страна, социалистическая культура понесли тягчайшую утрату,— говорит он.— Ушел из жизни гениальный советский писатель, великий сын русского народа Михаил Александрович Шолохов.

Умер художник, который давно уже признан классиком отечественной и мировой литературы.

Михаил Шолохов — писатель-коммунист — гордость и любовь нашего народа. Его произведения глубоко и вдохновенно запечатлели борьбу за торжество Великого Октября, становление социалистического строя, героику борьбы трудовых масс нашей Родины за новую жизнь, непревзойденный воинский подвиг советского народа в суровые годы Великой Отечественной войны, с которым Шолохов прошел эту войну.

М. В. Зимянин объявляет траурный митинг, посвященный памяти Михаила Александровича Шолохова, открытым. У микрофона первого секретаря Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко сменяет первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков, председателя правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалкова — первый секретарь Вешенского райкома КПСС Н. А. Булавин, бригадира совхоза «Кружилинский» Вешенского района Героя Социалистического Труда Х. А. Бокову — слесарь-сборщик цеха комбайнового производственного объединения «Ростсельмаш» Герой Социалистического Труда К. Е. Уланов.

На трибуну поднимается старейший писатель Дона Виталий Закруткин.

— Горячо любимую родную землю, берега реки, с которой он был кровно связан с мальчишеских лет, нас всех, внезапно осиротевших, покинул великий, неповторимый художник, чьи творения перешагнули все рубежи планеты, стали достоянием человечества...

Навеки останется с нами, с миром, со всеми грядущими поколениями гениальный художник. И мы, прощаясь с ним, с человеком, высоко поднимем и понесем в будущее не подверженные тлену и забвению сияющие его творения.

Траурный митинг закончен.

Последние шаги по земле предстоит пройти великому сыну великого народа.

12 часов 46 минут. Гроб с телом М. А. Шолохова предается земле в родном саду, на крутом берегу Тихого Дона, в тени серебристых тополей и белоствольных берез. Сквозь ослабевшие пальцы на крышку падает желтый песок Придонья, который Шолохов так любил и в пору безветрия и в пору ненастья.

Гремит оружейный салют. Звучит Государственный гимн СССР. Отдаются последние почести великому советскому писателю, и Вешенская остается без Шолохова.

— Да разве только Вешенская? — говорит мне известный горнопроходчик Краснодона, Герой Социалистического Труда Александр Павлович Макарцов.— Вся Россия ныне осталась без Шолохова, весь мир без него остался...

ВСЕМ СЕРДЦЕМ СКОРБЛЮ

Умер Шолохов!

Знал, что он тяжело болен, неизлечимо... И все же неожиданно, как молния в чистом небе,— умер! Нет больше того, кто более сорока лет был моей путеводной звездой в писательском деле. Кто только одним своим присутствием определял нравственный уровень современной литературы. Он мог и не вмешиваться. Нам было достаточно того, что он ЕСТЬ. Теперь его нет. И заменить его некем.

Передо мной на стене две фотографии Михаила Александровича. Молодой, только что закончивший «Тихий Дон». Настольная лампа, курительная трубка на столе. В руке вставочка. Не пишет, а уже правит рукопись. Громадный, светящийся, внимательный взгляд больших, по-мужски красивых глаз... И другая фотография, где Михаил Александрович в зрелых годах, но тот же великолепный лоб, тот же орлиный взор.

Я видел его. Знал его. Сидел за одним столом. Слушал. Испытал рукопожатие его небольшой крепкой руки.

«У меня средний рост»,— говорил он.—«Все шлют, шлют книги с дарственными надписями, а нет чтобы прислать рукопись, тогда смог бы чем-то помочь, посоветовать». «Никаких скидок на молодость». «Литература не бывает маленькой». «Отпели мои соловьи»...

Три раза был я в Вешенской, встречался с Михаилом Александровичем в Москве, в Ленинграде. Как было с ним легко и как ответственно. Всегда помнил, что он из тех редчайших писателей, творчество которых отображает жизнь народа в самый критический час Родины. Гражданская война. Коллективизация. Великая Отечественная.

Более современного писателя, чем он, не было и нет. По книгам Шолохова можно изучать жизнь народа: нравы, психологию, быт, характеры, труд. Шолоховская школа — самая трудная. Форме, слову, интонации учиться у него нельзя: он слишком самобытен. В глубине содержания вряд ли кому доступен.

...Теперь уже никогда не увижу его. Не услышу его голос, не скажет «родненький».

Знаю, с каждым днем, месяцем, годом все больше будут осознавать горечь потери.

Сергей ВОРОНИН

Ленинград.

* * *

Все прощаются с Вами,
а я не могу,
Не способен представить такую
потерю.
И хоть слышу об этом на каждом
шагу,
А не верю
и снова: не верю,
не верю!
Исповедую,
чту аксиому одну,
Что бессмертен накал трудового
настроя,
И владычат везде, как на тихом
Дону,
Порожденные
Вашим гореньем
герои!

* * *

Какая мощь заключена
В томах про наши времена!
Их глубина
и новизна
С годами не снижаются.
Война
С Отчизны сметена.
Резервы сил не знают дна.
И плодоносит «Целина»,
А «Тихий Дон» сражается!

Сергей СМИРНОВ

«ПОКАЖИТЕ МНЕ МОЕГО НАГУЛЬНОВА»

Так сказал Михаил Александрович Шолохов после того, как впервые посмотрел картину «Поднятая целина», сделанную на «Ленфильме».

Только что законченную эту картину показывали тогда в Доме кино. Народу собралось очень много. И все мы, кто имел отношение к созданию фильма, очень волновались. Я почти не смотрел на экран, смотрел на Шолохова: как-то он отнесется к нашим героям, примет ли их? Шолохов, слегка прищурившись, словно с каким-то недоверием, внимательно глядел на экран. Я уже решил: «Все! Не показался я ему Нагульновым. Не сумел стать «похожим» на такого человека, каким был, а значит, и должен быть шолоховский Нагульнов!..»

Но жизнь на экране шла и шла все дальше. Но вот уже и финал... В зале зажегся свет, а я все еще сидел в смятении. И вот тут Шолохов встал и сказал требовательно:

— Покажите-ка мне теперь моего Нагульнова!..

Михаил Александрович обнял меня. Мы поцеловались. Теперь я не помнил себя от счастья.

Была и еще одна такая же добрая встреча с Михаилом Александровичем, когда я сыграл непримиримого врага кулаков в фильме по рассказу «Смертный враг». И снова Шолохов сказал коротко: «У тебя получилось».

Эти встречи и определили мою творческую судьбу в кино.

Евг. МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ

В Советском комитете ветеранов войны состоялась встреча участников исторических событий, которые происходили 40 лет назад на земле Югославии. Встречу открыл первый заместитель председателя комитета Алексей Петрович Маресьев. Перед присутствующими выступил посол СФРЮ в СССР М. Друлович, в прошлом участник партизанского парада в Ужицкой республике — одном из освобожденных районов Югославии. Он поблагодарил советских ветеранов за память о тех славных днях.

Февраль 1944 года. Советская военная миссия на пути в Дрвар.

Совсем недавно видели мы на телеэкранах утопающие в снегу окрестности Сараево. Вот так же была завалена снегом и крохотная долина в тех краях близ городка Босански Петровац. Здесь, на Медыно Поле, сорок лет назад, в феврале 44-го, приземлились три планера, стартовавшие из итальянского порта Бари. Они доставили в Югославию советскую военную миссию. Она стала не только военным, но и дипломатическим представительством СССР при органах нового югославского государства, которое родилось 29 ноября 1943 года в древнем боснийском городе Яйце. К тому времени освобожденные районы составляли почти половину территории страны. Кровопролитные бои с гитлеровцами продолжались. Югославы сражались в исключительно трудных условиях: не хватало оружия, патронов, снаряжения, медикаментов, продовольствия.

Советское правительство в составе миссии направило опытных военных специалистов, чтобы на месте координировать организацию конкретной помощи мужественным югославским патриотам. Возглавлял миссию генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, участник гражданской войны, вместе с ним прибыл и Анатолий Петрович Горшков, опытный партизанский командир, заместитель начальника штаба партизанского движения на Брянщине.

— Мы долго не могли вылететь. Погода не позволяла, да и подготовить аэродром, который мог бы принять самолет, не удавалось,— вспоминает Анатолий Петрович.— Тогда и решили: полетим на планерах. Эту штуку и машиной-то не назовешь — каркас, обтянутый материей. Тут не только пули, спички достаточно... А над Адриатикой нас обстреливали гитлеровцы. Когда мы наконец увидели костры на снегу, поняли — долетели.

Они сразу же попали в объятия югославов. Все население Босанского Петроваца вышло встречать посланцев Советского Союза. А вечером их пригласили на торжество по случаю дня Красной Армии с докладом и концертом самодеятельности.

— На следующий день мы отправились в Дрвар, это километров тридцать от Босанского Петроваца,— рассказывает Анатолий Петрович.— Там находился Верховный штаб Народно-освободительной армии, руководство компартии и первое правительство новой Югославии — Национальный комитет освобождения во главе с маршалом Тито. В здании лесопилки был устроен ужин, на котором присутствовал товарищ Тито.

Почти каждую ночь Горшков и его товарищи выходили в горы зажигать костры на аэродромах для самолетов, на которых советские летчики доставляли боеприпасы, оружие, лекарства, а обратно увозили раненых. Были доставлены две радиостанции. Прибыл отряд советских медиков — хирурги и медсестры. Полеты становились все более регулярными.

Стремясь обезглавить югославское национальное освободительное движение, гитлеровцы высадили в Дрваре десант — более 600 парашютистов. Им удалось занять город. Члены Верховного штаба, Политбюро КПЮ и НКОЮ совершили 80-километровый переход и вышли в район Купрешко Поле. Сюда начальник советской военной миссии вызвал советский самолет, на котором югославские руководители были доставлены в Бари. Экипажу этого самолета — Шорникову, Калинкину и Якимову за выполнение боевого задания были присвоены звания Героев Советского Союза и Народных Героев Югославии.

Работа миссии продолжалась на острове Вис, в 40 километрах от югославского побережья Адриатики. Когда в конце сентября 1944 года Советская Армия вышла на болгаро-югославскую границу, через советскую военную миссию была передана просьба маршала И. Тито о вступлении Красной Армии в Югославию.

20 октября 1944 года Москва салютовала воинам Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии, которые, сражаясь плечом к плечу, освободили Белград. Медалью за освобождение этого города был награжден и Анатолий Петрович Горшков. Есть среди наград заместителя начальника советской военной миссии и орден Партизанской звезды I степени с золотым венком. Его вручил советскому генералу маршал Тито.

Н. КРЫЛОВА

РЫЦАРЬ НЕБА

Как-то в редакцию журнала «Огонек» приехали иностранные журналисты, пишущие об авиации. Они прежде всего попросили помочь им встретиться с летчиком Михаилом Громовым.

Имя Героя Советского Союза, заслуженного летчика СССР Михаила Михайловича Громова широко известно и за пределами нашей Родины. Международная авиационная федерация наградила его, первого из советских авиаторов, своей высшей наградой — медалью Анри де Лаво (вторым летчиком, удостоившимся этой награды был Юрий Гагарин).

Всемирную славу советскому летчику принес его перелет из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки. Им был установлен новый рекорд дальности полета без посадки. В то время это был подвиг. Его совершили, когда в помине не было

компьютеров и других совершенных приборов, облегчающих самолетовождение, когда обледенение в облаках, выше которых порой было и не подняться, таило в себе смертельную опасность, когда от напряжения и кислородного голодания туманилось сознание и из ушей сочилась кровь, когда пилот в борьбе с грозными силами стихии мог рассчитывать только на свое профессиональное мастерство, мужество, выдержку.

В послужном списке Михаила Михайловича Громова, в его летной книжке как бы отражена целая эпоха отечественной авиации. Он летал почти на всех типах самолетов доreактивной эры. Был летчиком-испытателем экстра-класса, шеф-пилотом прославленного конструкторского бюро А. Н. Туполева, и Генеральный конструктор всегда учитывал его замечания, советовался с ним.

М. М. Громов — генерал-полковник авиации. Вся его жизнь связана с армией. Был красвоенлетом, участвовал в гражданской войне. В Великую Отечественную войну командовал ВВС Калининского фронта, 3-й и 1-й воздушными армиями, возглавлял Главное управление боевой подготовки фронтовой авиации. За руководство полком Нормандия—Неман, который входил в состав его армии, правительство Франции удостоило Громова высшей награды — ордена Почетного легиона.

Многое из этой летной биографии Громова было известно иностранным журналистам. Но при встрече с ним их поразила его эрудиция, разносторонняя одаренность. В гостиной висят пейзажи, написанные летчиком, стоит рояль, на котором он превосходно играет, и книги, много книг.

Громов увлекается психологией, философией, искусством и еще спортом. Участвовал в скачках, фехтовал, в 1923 году стал чемпионом СССР по тяжелой атлетике.

— Но главным в моей жизни была и остается авиация,— говорит Михаил Михайлович.— Развивая себя физически, духовно, закаляя силу воли, я все это делал в конечном счете для того, чтобы хорошо летать.

А. ГОЛИКОВ

Редакция «Огонька» и читатели журнала поздравляют Михаила Михайловича с его 85-летием и высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

На снимке: Герой Советского Союза М. М. Громов.

Фото М. Наппельбаума (снимок 30-х годов).

ДВА ВЕСЕННИХ ВОПРОСА

Незнакомка! Вспомните, мужчины, взгляд, устремленный на вас с холста Крамского. А взгляд Джоконды!.. Испытующий, насмешливый, не одно столетие ждущий ответа на вопросы, обращенные к представителям сильного пола: кто ты? Рыцарь? Спутник надолго? Эпизод или судьба, опора в жизни? Не каждый отважится на честный ответ. Но сегодня — праздник! Женщины труда, наши матери и подруги заслужили его по праву. Сегодня более, чем когда-либо, уместны шутки и добрые улыбки. Именно поэтому не без тайной мысли заглянуть в душу, столь загадочную, мы задали некоторым женщинам встречные вопросы:

— Каким вам представляется мужчина если и не идеальный, то хотя бы настоящий?

— Что бы вы хотели пожелать знакомым и для вас небезразличным мужчинам?

Татьяна Федоровна ГРОМОВА, старшая медсестра Московского городского врачебно-физкультурного диспансера № 1

— Каждый день мы по роду своей работы видим сильных, красивых, волевых, отлично сложенных и великолепно тренированных мужчин — тех самых знаменитых спортсменов, которыми любуются тысячи зрителей на стадионах и спортивных площадках. Ну чем не идеал мужчины! А если к этому еще прибавить ум, интеллект, душевный такт, нежность, великодушие, доброту...— кому же такой вот муж достанется?!

Так не будем, дорогие женщины, искушать себя несбыточными мечтами и спустимся с неба на землю. В моем представлении идеальный мужчина — тот, с кем тебе легко, радостно, спокойно и надежно, без кого ты не мыслишь своего счастья, кого принимаешь со всеми недостатками — более того, желаешь видеть его именно таким.

Настало время от девиза «Берегите мужчин» перейти к другому: «Не бойтесь нас, мужчины!» Женщины до того вас дооберегали, что вы понемногу стали забывать о своих мужских достоинствах. Мы с удовольствием были бы чуточку слабее (говорят, в этом наша сила!), но при условии, что вы, мужчины, перестанете уповать на нашу эмансипацию и станете активнее, решительнее и самостоятельнее. Украсьте нашу жизнь мужским вниманием, вдохните в наш быт хотя бы элементы рыцарства, напомните нам о тех временах, когда мужчины умели и смели любить!

Валентина КАЧУРИНА, актриса Челябинского драмтеатра имени С. Цвиллинга, заслуженная артистка РСФСР

— Лирик в душе и физик в жизни. Иными словами, человек, которому присущи: хорошее настроение в плохую погоду, мудрость и терпение во время эксперимента с семейным бюджетом, осуществляемого женой, стремление к самоусовершенствованию по принципу «стань таким, как я хочу» и, конечно же, тяга к прекрасному. Однако не к прекрасному полу, а к искусству: музыке, живописи, балету (кроме кордебалета), театру, цирку и даже варьете.

В идеале хотелось бы, чтобы он никогда не опаздывал на свидания и всегда (даже зимой) приходил с цветами, с вечера брился, любил по утрам молочные продукты, следил за чистотой помыслов и никогда в жизни не бегал трусцой... в гардероб за пальто, пока не смолк заключительный аккорд симфонического произведения в концертном зале или последняя реплика в театре. Впрочем, без всего этого можно прожить до «золотой свадьбы», но ведь речь шла об идеале. Поэтому...

Что касается пожеланий, то здесь двух мнений быть не может: любви, взаимопонимания и длинной очереди в цветочный магазин, где продают живые гвоздики. Это для того, чтобы обладание прекрасным букетом было вдвойне приятней и дороже.

Татьяна Борисовна КОРОЛЕВА, работник школы № 13 Невского района Ленинграда

В школьном расписании есть много уроков, но нет специального урока доброты.

В штатном расписании школы значится немало профессий, но нет профессии нянечки. Есть технический работник...

Вспомним детство: оторванные пуговицы, расквашенные носы, мелкие неурядицы юной жизни. С пуговицами, царапинами, огорчениями и радостями бежали мы в перемену не куда-нибудь, а к нянечке. Первой советчице, утешительнице, «скорой помощи» во всех наших детских заботах и переживаниях. Не к техническому работнику — к нянечке, потому что всем нам в эти школьные часы заменяла она и мать и бабушку, заботливо опекала, помогала и нитками и советами. Одним словом, нянчилась.

Когда Татьяна Борисовна возвращается после уроков домой, с ней здороваются очень многие. Сами у нее учились или дети их учатся. И в школу нет-нет да и забегут вчерашние сорванцы, а сегодня — слесари, инженеры, переводчики, научные работники. Забегут, чтобы узнать последние новости, как прежде, поделиться радостями, заботами. И как прежде, невзирая на высоту нынешней своей мудрости, услышать добрый житейский совет нянечки.

За плечами Татьяны Борисовны нелегкая жизнь. Начинала в колхозе, потом работала, заменив ушедшего на фронт мужа, после войны трудилась на заводе и вот последние восемь лет — здесь, в школе. К вопросам «Огонька» отнеслась очень серьезно:

— Каким я представляю идеального мужчину? Смелым, честным и добрым. Таким был мой муж Георгий Кузьмич Королев. Он 33 года прослужил в милиции, в войну был дважды тяжело ранен.

Что пожелать мужчинам к 8 Марта? И к Восьмому и на все времена: любить Родину, верно служить ей,— подумала и добавила: — Как мой муж...

●

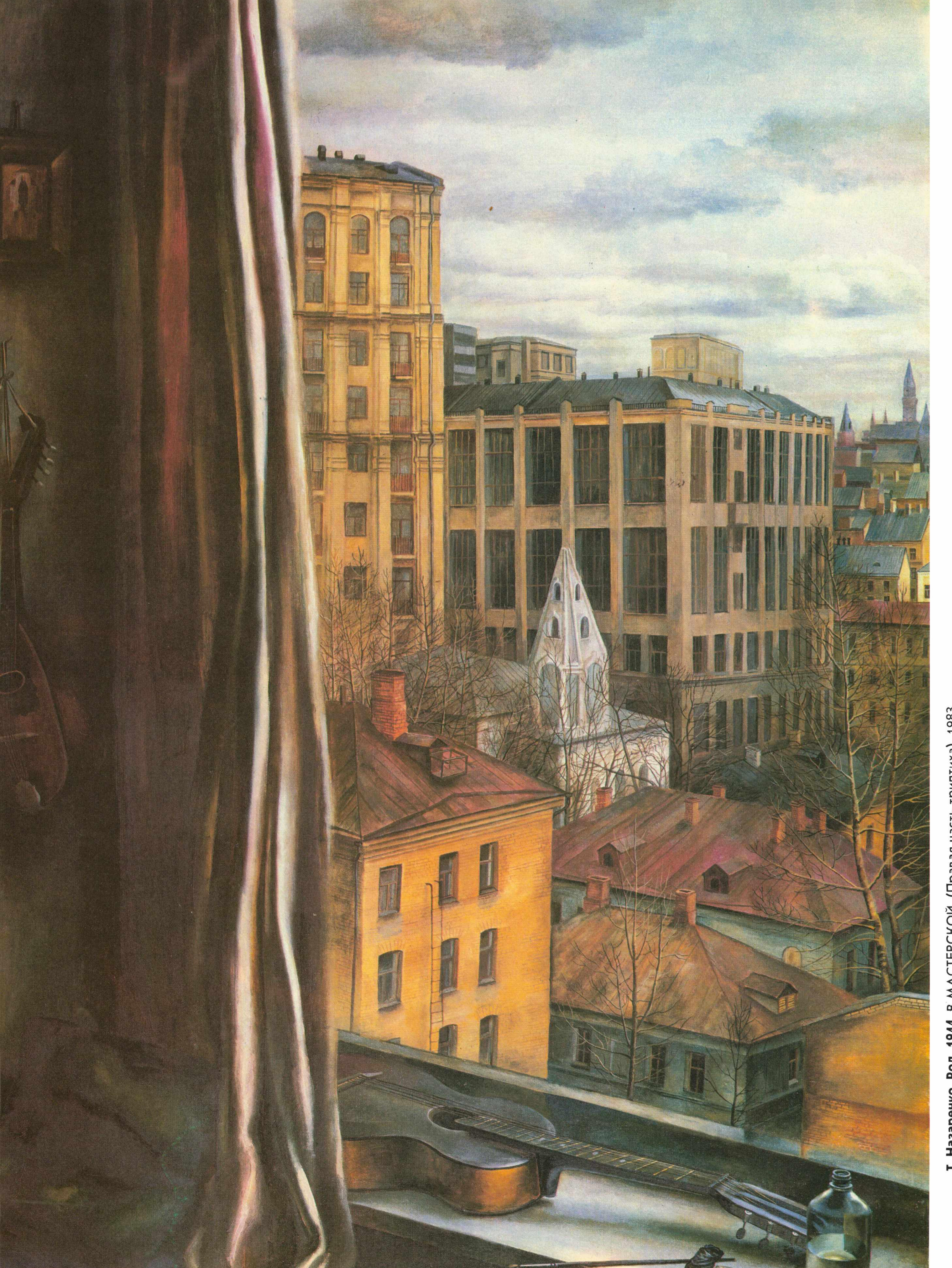
Наталья МЕЛЬНИК, продавец универмага поселка Рышканы Молдавской ССР

— На первое место я поставлю доброту. Если к этому прекрасному дару прибавятся ум, выдержка и мужественное отношение к житейским трудностям, то я буду считать, что идеал отвечает моему представлению.

А мои пожелания останутся теми же, что и в день свадьбы: чтобы не забывал, что женщина любит, когда ее носят на руках (хотя бы изредка), когда берегут ее достоинство и домой приходят с цветами не только по праздникам.

Т. Афанасьева. Род. 1959. БОЕЦ СТРОЙОТРЯДА. 1982.

Т. Назаренко. Род. 1944. В МАСТЕРСКОЙ. (Правая часть триптиха). 1983.

МИР ОЧАГУ — МИР ДОМУ ТВОЕМУ

Валентина САAКОВА

* * *

Мир очагу —
Мир дому твоему,
Добром и миром век стоять ему:
Да полнится он добрым духом хлеба,
И входит гость не с камнем и мечом,
И пусть спокойно в окна смотрит небо
С ночной звездой и утренним лучом.
Мир очагу —
Мир дому твоему,
Не сотвори в нем злого никому:
Пусть время в нем звучит светло и веще,
Не умолкают голоса друзей
И к памяти твоей взывают вещи —
Свидетели немые давних дней.
Наполни дом
Стараньем и трудом,
Пусть все, что нужно людям, будет в нем:
И блики радуги — хрусталь и кафель,
И ласковый устойчивый уют,
И смотрят лики старых фотографий
Со стен —
Родства утратить не дают.
А в жизни нет дороже ничего —
Лишь детство бы тем домом освещалось
И, словно в сердце, Родина вмещалась
В объятье тесном дома твоего.
Мир очагу —
Мир дому твоему,
Добром и миром век стоять ему:
Мир материнской песне колыбельной,
Мир смеху детскому и пенью птиц,
Мир музыке и шелесту страниц,
И свет любви до той поры предельной
Пусть не погаснет у тебя в дому...
Мир очагу —
Мир дому твоему!

БАЛЛАДА О ПЕЧИ

От хаты оставалась только печь...
Стояла средь обломков раскорякой,
И жалась к ней бездомная собака,
Привыкшая с рожденья
Дом беречь.
Потом из леса бабка приплелась,
Щекой к печи прижалась ошалело:
— Родимая, да как ты уцелела,
Печник, должно, сумел на совесть складь!
Был бабкин лик
Иконописно строг,
А руки занимались древним делом:
Нашли в золе пожара уголек —
И скоро пламя в печке заалело.
Курился дым седой
над пепелищем,
И, словно ждался в дом желанный гость,
Варилась в котелке солдатском пища:
Две свеклы
И муки прогорклой горсть.
И щедрое нежаркое тепло
Печь, как тепло живое, излучала,
И женщина
Вздыхала тяжело:
Ей жизнь от печки начинать сначала.
И так
Во мгле пугливой тишины,
Всем четырем ветрам дорог открыта,
Топилась печь
Посереди войны
И мирным дымом пахла домовито!

Сочи.

Гульфия ЮНУСОВА

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Лежат цветы на строгом пьедестале,
Горит огонь под небом голубым.
И голову в задумчивой печали
Склоняем мы сегодня перед ним.
Лежат цветы на строгом пьедестале,
Огнем просвечен розовый гранит.
Он имена солдат, что в битвах пали,
Безмолвно и торжественно хранит.
Но здесь не просто высечены даты,
Означены не просто имена,—
Встают пред нами павшие солдаты,
Чьим мужеством Отчизна спасена.
Горячие, не взятые смертями,
Живым, непотухающим огнем
Пылают их сердца —
Не это ль пламя
По праву Вечным мы огнем зовем?

* * *

К нам опоздала в этот год весна.
Но час настал — и снег сошел глубокий,
И солнце вновь колдует дотемна
Над ветками, наверстывая сроки,
И почки раскрываются, спеша,
И теплый ветер к нам ладони тянет.
И кажется: раскроется душа —
И лист зеленый из нее проглянет.

* * *

К исходу ночь.
Деревья посветлели,
Спит сын мой, щечку подперев рукой.
А я опять стою у колыбели
И берегу его земной покой.
Настанет срок. И, словно виноватый,
Простясь со мной, он скроется вдали.
Ему мужчиной быть и быть солдатом,
Ему хранить покой своей земли.
И вновь гляжу то ласково,
То строго
И в нем черты родные узнаю...
Отдам ему я в дальнюю дорогу
Святую материнскую тревогу
И бдительность бессонную мою.

Перевел с башкирского Яков СЕРПИН.

Софья СОЛУНОВА

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

У тротуара, врезавшись в забор
Корой шершавой, в жестяных заплатах,
Над улицею тополь распростер
Натруженные ветки узловатые.
Как уцелеть он в тесноте сумел,
Минувшего теперь живой свидетель?
Его, знать, архитектор пожалел,
На плане стройки звездочкой отметив.
Ему мешали вечно этажи,
И потому ценил он солнце вдвое;
В туман и в зной боролся, верил, жил
И цвел упорно каждою весною.
Он быстро рос, утраты не считал,
Был сердцем щедр и с детворою дружен,
Ей летом плечи пухом осыпал.
Зимою сам сутулился от стужи.
В дыму фугасном робкую листву
Он нам берег в глухие дни блокады.
Так пусть его по праву назовут
Почетным старожилом Ленинграда.

КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ

Кленовые листья, как чьи-то ладони,
На мокром асфальте покорно лежат.
Подошвой безжалостной, друг мой, не тронь их:
В них память о лете недавнем свежа.
Их высушит к вечеру ветер с залива,
Любуясь причудливо тонкой резьбой.
Они еще дышат, они еще живы,
Они еще могут почувствовать боль...

* * *

Не бойтесь слово теплое сказать —
Оно порою так необходимо.
С ним легче приступ боли нестерпимой,
Не так крупна, не так горька слеза.
Не бойтесь слово теплое сказать!

Ленинград.

Анна АРЕФЬЕВА

* * *

И к рассветам этим и к закатам —
мы с тобой причастны ко всему:
к судьбам мира и тревогам брата,
к совести эпохи и уму,
к тайнам приозерного тумана,
к горечи недобранных хлебов,
к неприятью фальши и обмана,
к доброте невысказанных слов.
Мы идем по кромке над обрывом,
дружбою отмечены навек.
Потому и смелым и счастливым
должен быть и будет человек.

ПРОБУЖДЕНЬЕ

Хорошо просыпаться под шорох страниц,
что листает тихонько любимый.
Хорошо улыбаться под трепет ресниц,
узнавая дыхание сына.
Хорошо просыпаться под пение птиц,
под бессонного трактора рокот,
под ворчанье моторов, под крики возниц
и коров ненавязчивый топот.
Даже утро в Москве, где проспекты гудят,
днем и ночью покоя не зная,
где за стенкой соседи привычно галдят,
я с улыбкой счастливой встречаю.
Пусть шумит по утрам многозвучье страны,
пусть поют нашей жизни страницы,
только б не было так, чтоб под звуки войны
довелось нам опять пробудиться.

Москва.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. А. ГАГАРИНА

СЛОВО О ГАГАРИНЕ

Евгений **РЯБЧИКОВ**

После легендарных 108 минут космического полета Юрия Гагарина, когда человечество восторженно приветствовало первопроходца Вселенной, на одной из многочисленных пресс-конференций некий американский журналист предпринял дотошную попытку выяснить у своих советских коллег: «Почему именно Гагарин полетел первым? Где нашли Гагарина?»

— Я могу допустить, что вы рассчитали свой космический корабль и космическую орбиту,— возбужденно говорил американский журналист.— Но как вы рассчитали человека? Как рассчитали своего Колумба Вселенной?

И он стал перечислять, загибая пальцы, достоинства первого космонавта:

— Красив, умен, мил, обаятелен, образован, спортсмен, летчик, храбрец... И к тому же русская княжеская фамилия и... классическая «красная биография». Как вам удалось «добыть» такого уникума, как Гагарин? — недоумевал он.

...После старта первого в мире искусственного спутника Земли и рейса к звездам четвероногого разведчика Вселенной собаки Лайки советская наука вышла на новый рубеж века: осуществить вековые мечты поколений о полете человека в космическое пространство.

Научно-техническая база уже была испытана в полетах спутников и первых беспилотных космических кораблей. Пробил час полета человека.

Тогда-то и разразилась дискуссия — одни ученые утверждали: будущих космонавтов нужно искать среди мужественных и смелых альпинистов, хорошо знакомых с головокружительными высотами и кислородным голоданием. Другие, возражая, рекомендовали вести поиск среди подводников, привыкших во время длительных походов в глубинах вод к тесноте стальных помещений своих субмарин. Рекомендовались в полет и полярники, и водолазы, и строители-верхолазы. А сошлись на том, что первым космонавтом должен быть летчик. «Военный летчик-истребитель — универсал,—сказал по этому поводу С. П. Королев,— и для него выполнение сложных и рискованных заданий — привычная служебная обязанность».

В авиационных гарнизонах по всей стране начался «просмотр» тысяч и тысяч летчиков. Из их среды отбирали лишь самых достойных, самых опытных мастеров.

В первом полете важно было решить задачу задач: выяснить, может ли жить и работать человек в космосе. Огромную работу по отбору летчиков возглавил будущий первый начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов. Вспоминая, как проходило знакомство с тысячами и тысячами летчиков, он отмечает, что строгим критерием в этой работе являлись требования, которые выдвинул С. П. Королев: любознательность, трудолюбие, выраженное стремление добровольно посвятить себя космонавтике. Летом 1959 года С. П. Королев просил отправлявшихся в летные части авиационных врачей отбирать только молодежь (не старше 25—30 лет) и не приглашать пока в число кандидатов рослых и крупных (рост до 170—175 сантиметров, вес до 70—72 килограммов).

Ограничения по весу и росту объяснялись небольшими, по сравнению с современными, размерами космического корабля «Восток».

«Первые космонавты — это обязательно дерзающая молодежь, у которой в космонавтике огромное будущее»,— говорил С. П. Королев.

Из тысяч и тысяч летчиков, желающих стать космонавтами, были отобраны сотни. В авиационном госпитале, где завершался отбор в космонавты, я видел одетых в белые халаты красивых, сильных и смелых летчиков — красу и гордость лучших авиационных частей,— которые с грустью собирали чемоданы, возвращались в свои части продолжать полеты. Но... не в космосе.

После тщательного отбора осталось лишь 20 претендентов на звание космонавта. Но и из «двадцатки» выделилась «ударная шестерка». В ней были все, как на подбор, и отвечали они самым высоким требованиям Главного конструктора. Он говорил им: «Первым может стать любой». А на старт вышел Юрий Гагарин.

Почему именно Гагарин?

Гагарина «рассчитал» социализм.

«Добыли» его в глухомани Смоленщины, в затерянном среди лесов и топей сельце Клушино. В мартовскую вьюжную пору 1934 года, когда избенки еще стояли по крыши в снегу, колхозник Алексей Иванович Гагарин, встревоженный состоянием беременной жены Анны Тимофеевны, отвез ее на колхозной лошаденке в гжатскую больницу. 9 марта 1934 года у него родился сын.

«Хорошо, что не на день раньше,— шутил счастливый отец.— Негоже парню в женский праздник на свет появляться».

Что касается времени — того 1934 года, то младенец появился на свет очень удачно: тогда шел штурм неба. 30 января стартовал стратостат «Осоавиахим-1»,— впервые в мире он достиг рекордной высоты — 22 тысячи метров. Пробыв в полете 424 минуты, герои-стратонавты Павел Федосеенко, участник боев за Каховку и Перекоп, молодые ученые Илья Усыскин и Андрей Васенко при возвращении на землю погибли. Горе не сломило волю тех, кто посвятил свою жизнь познанию тайн неба. В апреле открылась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. На ней выступил С. П. Королев с ошеломившим всех докладом «Полет реактивных аппаратов в стратосфере». Заканчивая свое выступление, он сказал: «Работа над реактивными летательными аппаратами трудна, но необычайно интересна и многообещающа».

В тот год в тихой Калуге Константин Эдуардович Циолковский рассматривал полученные из Москвы, изданные еще по указанию Ленина тома своих Избранных трудов. В них решались зада-

Встреча на заводе «Станколит». ▶

чи исследования мировых пространств реактивными приборами. В том же 1934 году К. Э. Циолковский пишет письмо в редакцию газеты «Кино» по поводу постановки художественно-научного фильма «Космический рейс» (режиссер В. Н. Журавлев), в создании которого он принимал самое активное участие — был главным научным консультантом. Журнал «Вокруг света» опубликовал статью К. Э. Циолковского, в которой он изложил ряд идей по технике полетов в мировое пространство и развивал мысли о средствах обеспечения жизнедеятельности человека в космическом пространстве.

Гагарин был еще в люльке, а Циолковский уже заботился о скафандре для него, о питании в полете, о борьбе с невесомостью.

Полеты в космос оставались еще уделом фантастов и пылких мечтателей. На самой земле героилетчики только учили летать самолеты. В сентябрьские дни 1934 года летчик Михаил Михайлович Громов на самолете «АНТ-25» конструкции А. Н. Туполева за 75 часов пролетел 12 411 километров и установил мировой рекорд беспосадочного полета по замкнутой кривой. В тот год Валерий Павлович Чкалов с риском для жизни провел испытания нового скоростного самолета «И-16» и вопреки мнению некоторых авиаспециалистов доказал его высокую боеспособность.

В горячую пору жизни молодой советской авиации родился Юрий Гагарин.

Слушал Юра с детства и о звездах. Брат отца, дядя Паша, Павел Иванович, доморощенный философ и астроном, был любимцем детворы. Бывало, постелет он рядно на сено, ляжет сам, а рядом — Юра с братом Валентином. Лежали они с раскрытыми глазами и смотрели в небо. Над ними сияли созвездия. Валентин допытывался: «Дядя Паш, а живут ли там, на звездах, люди?»

«Кто его знает... — Дядя Паша долго молчал, а потом высказал свое предположение: — Но думаю, жизнь на звездах есть. Не может быть, чтобы из миллионов планет посчастливилось одной Земле».

Послушав дядю Пашу, малыш теребил маму: «Смотри, какие звезды! Мама, но почему они такие красивые?..»

Хорошо, когда дитя тянется к звездам, значит, в нем душа чистая и красивая, рассуждали родители, но они хотели, чтобы их сын прочно стоял на земле, знал все, умел жить в труде.

Уже потом, через много лет, Гагарин скажет о своей маме Анне Тимофеевне: «Всем, что есть, я обязан тебе, мама». «Всем обязан...» Уж нет ли какого секрета в воспитании, «тайны» «дома Гагариных», как «рассчитывать» героя?

На мой вопрос о «секрете», о «тайне» Анна Тимофеевна, улыбаясь, сказала:

— Всей своей жизнью родителям нужно пример детям показывать. Пусть всерьез наши малыши к жизни относятся, тут-то и весь «секрет». Работать надо. Труд — всему голова.

А дядя Паша, любивший философствовать, говорил свое:

— Звезды делу не помеха. Звезда душу будит, свет дает, человека поднимает.

В доме Гагариных под одной крышей воедино слились Труд и Мечта.

Но Мечту и Труд застила черными дымами пожарищ война. Горели леса. В Клушино доносились раскаты артиллерийского грома. В один из тревожных дней, после воздушного боя, над самой крышей избы Гагариных, едва не задев печную трубу, с ревом пронесся подбитый краснозвездный истребитель и упал в соседнее болото. С ватагой мальчишек Юра прибежал к самолету и стал показывать летчику — он назвал себя Ларцевым, — как удобнее выбраться ему из кабины на твердую землю. Вскоре прилетел другой истребитель, стал кружить, выбирая место для посадки. Летчик Ларцев поднял на руки Юру, снял с его головы кепку и принялся махать, показывая направление, где есть сухое место.

Когда летчики встретились, Ларцев усадил Юру в кабине на место пилота и объяснил ему назначение приборов. Ночью летчики сожгли разбитый истребитель и на рассвете улетели вдвоем на одном самолете.

Исчез он в небе, но в детском сердце оставил глубокий след. В черные годы оккупации, когда Гагарины, выброшенные из своей избы, жили в сырой землянке и голодали, Юра вспоминал Ларцева и как сидел он в его кабине, и его неудержимо потянуло в небо. Детишки учились счету с помощью винтовочных патронов, писали на старых газетах и читали «подпольным классом» одну книгу. А Юра мечтал о времени, когда будет читать книги про самолеты.

Жизнь была тогда неслыханно трудной, голодной, в набале у захватчиков. Зою и Валентина угнали в неметчину. Они сбежали и тайком вернулись в родное сельцо. Характер Юры испытывался «на излом», но он сдюжил, все перенес, показал прочность. И, как бы ни жестоко было время, Юра сохранил взволнованную любовь к поэзии. После Победы в его полевой сумке, заменявшей ранец, вместе с учебниками заняли место книги Пушкина, Лермонтова и Гайдара. В долгие зимние вечера, когда бесновалась за стенами вьюга, в избе Гагариных было тепло от пышущей жаром печи и оттого, что вся семья вместе, и звенел голос Юры:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужаласгением Петра.

Дыхание захватило у всей школы, когда на вечере Юрий выступил с чтением отрывка из романа «Молодая гвардия» А. Фадеева: «Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя...»

В зале сидела мама Гагарина и плакала. Она думала о бедах войны, как спасала от голода и пуль своих и чужих детей, как растила Юру. Он видел слезы мамы и почувствовал горячий след от скатившейся по его щеке слезинки. Но читать не перестал. И зал оценил его самообладание бурей аплодисментов.

Время стремительно. Позади — школа рабочей молодежи, Люберецкое ремесленное училище, давшее Юрию профессию литейщика, и вот уже Саратовский индустриальный техникум. А мечта о небе не давала покоя и привела в Саратовский аэроклуб. С зеленого аэродрома на Лысой горе Юрий впервые покинул Землю и там, в небе, увидел, как все стало иным, непривычным, — облака оказались внизу, под крылом, а Волга превратилась в сверкающий ручеек, Саратов предстал скоплением кубиков. Но важнее всего было то, что, взлетев, Гагарин почувствовал себя в небе, как в родной стихии. Тогда он понял: без неба нет ему жизни. Ну, а как с плавкой стали? Как с металлургическими гигантами, где ждали его, молодого техника? Победило небо. А тут появилась на столе «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, и Юрия потряс подвиг летчика Алексея Маресьева.

«Но "перевернул" мне всю душу Циолковский», — записал в дневнике Юрий Гагарин. На занятиях физического кружка он выбрал для своего доклада тему «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». Юноше пришлось прочитать много книг о великом ученом и его труды, чтобы получить ясное представление о планах проникновения человека в космос.

Доклад прошел с большим успехом.

— Именно с того дня у меня появилась новая «болезнь», которой нет названия в медицине, — рассказывал Юрий Алексеевич автору этих строк, — то была неудержимая тяга в космос. Чувство это было новое, неосознанное, но оно уже жило во мне, тревожило, не давало покоя.

Еще смутно, неясно, но цель жизни уже определялась с такой силой, что Гагарин простился с профессией металлурга и целиком отдался небу. Он с отличием окончил Саратовский аэроклуб и по путевке отправился в Оренбургское военно-авиационное училище. На смену учебному биплану пришли мощные реактивные самолеты. Опаляя землю потоками ревущего огня, они уносили курсантов в небо над степью и мгновенно набирали большую высоту, о которой и не мечталось в аэроклубе. А Юрий Гагарин думал уже тогда о таинственном космосе, куда еще не залетал человек.

И здесь, в училище, случилось так, что Гагарину привелось выступить перед курсантами с докладом об учении К. Э. Циолковского и будущих полетах человека в космос. Доклад он сделал до 4 октября 1957 года! А когда радио оповестило о запуске первого в мире искусственного спутника Земли, курсанты, возбужденные сообщением ТАСС, стали допытываться у Гагарина, будто он все знал и молчал только до времени: «Что же будет дальше?» Юрий сказал: «Должен полететь человек».

В тот же вечер он сделал в тетради зарисовки космического корабля, каким он его себе представлял, а в дневнике записал: вновь почувствовал уже знакомое болезненное и еще не осознанное томление, все ту же тягу в космос...

Космос звал его властно. Но воинская судьба поначалу распорядилась иначе. Гагарин улетел служить на Север, в край полярных сияний и снежных бурь. Летал он в любую погоду, бдительно охраняя воздушные рубежи Отечества. На земле создавал семейное гнездо, встретил приехавшую за ним из Оренбурга жену Валю.

Когда же, по его предположениям, пришло время полета человека в космос, в октябре 1959 года Гагарин подал рапорт на имя командования воинской части. Рапорт был лаконичен, точен и ясен: «В связи с расширением космических исследований, которые проводятся в Советском Союзе, могут понадобиться люди для научных полетов в космос. Прошу учесть мое горячее желание и, если будет возможность, направить меня для специальной подготовки».

Гагарина направили...

На аэродроме, где в маленьком, желтого цвета здании разместился первый отряд космонавтов, и на стройке Звездного городка, а затем и в самом Центре подготовки космонавтов Юрий Алексеевич Гагарин был первым во всем — и в терпеливом освоении новых для него наук, и на баскетбольной площадке, и в работах по благоустройству самого городка, только что выросшего среди лесов и лугов Подмосковья, и на сложных и трудных тренировках — будь то полеты на невесомость, парашютные прыжки, долгие часы в сурдокамере или головокружительное вращение на центрифуге. Он стремился брать на себя наиболее трудные задания. Иначе не мог, такова была отличительная черта его характера: скромно и просто быть впереди.

Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин, руководивший в ту пору подготовкой космонавтов, говорил мне, что Гагарин сразу произвел на него большое впечатление обаятельной улыбкой, общительностью, доброжелательным отношением к товарищам и неизменным чувством юмора. Он стал «духовным центром» отряда. Без него не обходилось ни одно начинание. И было просто удивительно, когда он успевал много читать, вести общественную работу, отдавать время семье. Его все называли: наш Юра. В этом проявлялась общая симпатия.

Главный конструктор сразу обратил внимание на востроглазого, смекалистого Гагарина. Дело, конечно, случая, но все же знаменательно, что во время знакомства с космическим кораблем «Восток» как-то само собой получилось, что первым в пилотское кресло сел Гагарин.

«Хорошая примета...» — загадочно улыбнулся Сергей Павлович.

Когда подошло время старта, выделена была «ударная шестерка», в которую, конечно, вошел Юрий Гагарин. Предстояло решить: кто же полетит первым?

Сколько раз щемило мое сердце, когда во время монтажа большого фильма о жизни и подвиге Юрия Алексеевича Гагарина я просматривал снятый эпизод «Заседание Государственной комиссии». Он включен в фильм «Первый рейс к звездам» — зрители видят, как поднимается статный, бельшелобый, с красивым властным лицом Герой Советского Союза Н. П. Каманин и, представив членам комиссии космонавтов, говорит: «Все космонавты готовы к полету. Трудно из шести выделить когонибудь одного. Но такое решение нужно было принять, и мы рекомендуем первым для выполнения космического полета назначить старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича. Запасным пилотом назначить Титова Германа Степановича».

Первый!

Гагарин сам говорил: два барьера возвела природа на пути человека к звездам: первый — земное тяготение. Второй барьер — сам космос. Ему предстояло преодолеть эти барьеры.

И вот он на космодроме, где все заняты подготовкой ракеты и корабля к старту. В свободный от тренировок час Юрий Гагарин пошел к ракете. Там его и встретил Сергей Павлович Королев. Позвал за собой к лифту, поднял на верхнюю площадку — к кораблю «Восток». Они молча стояли на металлической площадке, опершись на ее поручни, каждый погруженный в свои мысли. Перед ними расстилалась пустынная равнина в зеленых и желтых пятнах, по которой, словно великаны, шагали мачты высоковольтных линий.

Гагарин посмотрел в небо. Сергей Павлович, уловив его взгляд, прервал молчание:

«Наверное, из космоса Земля наша очень красива. — И, повернувшись к Гагарину, улыбнулся. — Счастливец! Увидите ее с такой высоты... Старт и полет не будут легкими, Юрий Алексеевич. Предстоит испытать и перегрузки, и невесомость, и, возможно, что-то еще, нам неизвестное. Об этом мы много говорили, и тем не менее я хочу еще раз напомнить, что в завтрашнем полете есть доля риска. Это для вас тоже не новость. — Королев положил свои сильные руки на плечи космонавта и помолчал. Потом, перейдя с официального «вы» на «ты», поотцовски сказал: — Все может быть, Юра. Но помни: что бы ни случилось, все силы нашего разу-

Жизнь Гагарина была озарена светом дружбы с Королевым.

Фото Дм. Бальтерманца, С. Гурария и ТАСС

Человек, впервые шагнувший к звездам, и звезда экрана Любовь Орлова.

ма немедленно будут отданы тебе».

А потом сквозь рев и гул космического старта послышался ликующий, захватывающий душу голос Гагарина:

— Поехали!

Не полетели. Не стартовали. Поехали! В этом чисто русском, раздольном, пожалуй, крестьянском восклицании Гагарина проявилось его доброе и душевное отношение к ракете, как к живому существу. Так в старину относились к любимому коню.

Поэтическая душа Гагарина проявилась и в первых его сообщениях с орбиты: «Красота-то какая!»

Главный конструктор заулыбался. Психологи пришли в восторг: смертельно опасный космос, полный тайн и загадок, не подавил в Гагарине эмоциональное восприятие Земли и точность бесценных научных наблюдений.

XX век богат великими открытиями в естествознании, коренным образом изменившими многие представления и основные понятия в науке. Полет Гагарина прибавил к ним величайшее открытие: человек может жить и работать в космосе.

Полет Гагарина продолжался 30... 50... 60 минут. За каждой из них — века мечтаний и дерзновенных замыслов, борьбы, труда и поисков, века упорной работы тысяч лучших умов и рук человечества. Наступила 108-я минута... Гагаринский корабль, охваченный бушующим огнем, раскаленный пролетом в атмосфере, оказался над Волгой, в районе Саратова, где первый космонавт планеты впервые поднялся на аэроклубном самолете в небо. Еще горячий, в темной окалине, корабль опустился на пахотную землю, оставив в ней вмятину. Колхозный механик, прибежавший после радостной встречи с Гагариным, поспешно вбил лом во вмятину. А вскоре на том месте поставили охранный столбик: «Не трогать! 12.04.61. — 10 ч. 55 м. Моск. время».

Подводя итоги своей работы в космосе, Гагарин написал: «Первый в истории полет в космическое пространство, который мне было поручено осуществить, позволил сделать вывод о практической возможности полетов человека в космос. Полет корабля «Восток» казался чудом века, но чуда не было, была реальная действительность».

И далее: «Полеты в космос остановить нельзя. Это не занятие одного какого-то человека или даже группы людей. Это исторический процесс, к которому закономерно подошло человечество в своем развитии... Шаг за шагом космонавты и ученые открывают новые тайны, а следовательно, вносят свой вклад в развитие науки о Земле и о Вселенной, пополняют сокровищницу человеческих знаний».

Полный веры в осуществимость грандиозных проектов исследования и освоения космоса, Гагарин вновь стал готовиться к полету к звездам. И погиб... погиб вблизи Киржача, под Москвой...

Думаешь о короткой, но яркой жизни коммуниста, первого гражданина Вселенной, и перед мысленным взором открываются картины былой глухомани — бревенчатые домишки Клушина и Гжатска, леса и топи, затем — раздольное гагаринское поле на Волге. Россия издавна славилась своими знаменитыми полями — Куликово, Бородино. То поля битв, кровавых схваток с вражьей силой. А поле Гагарина — поле Мира, победы не оружия, а победы Разума, осуществления тысячелетней Мечты человечества. Обелиск, венчающий гагаринское поле, — застывшая в полете ракета. Она устремлена ввысь, в небо, к звездам, куда ведет человеческий род тропа Гагарина, проторенная им во имя счастья людей на Земле.

Ирина
ФРОЛОВА

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Кто кого?

Зине некогда ходить по гостям. Ее дочери-двойняшки окончили нынче восьмилетку, и теперь за ними нужен глаз да глаз. Придя с работы, Зина «отдыхает» на садовом участке, где у нее произрастает все, что только нужно для жизни. Да и что может быть лучше, как вместе с дочками полоть, поливать и окучивать, когда рядом копошатся куры и цыплята, а с неба смотрит солнышко? В выходные дни они здесь загорают, пьют чай под яблоней или по очереди читают вслух. Зимой у Зины больше времени. Тогда она шьет, вяжет и даже прядет (шерсть ей присылает из деревни мать). Дочерей она воспитывает лаской и трудом, в доме у них ни помады, ни пудры, но волосы всех троих блестят и благоухают ромашкой, ногти вычищены, но розовеют собственной кровью, и дочери во всем равняются на свою мать — сильную, стройную, с гордо поднятой головой.

Если соседке Вале удалось затащить Зину к себе в гости, то только потому, что между их дверями всего один шаг. И еще... очень уж Зине хотелось взглянуть на Валину золовку Раису, жену Орлова, новую секретаршу генерального. Ведь чего только про нее не плели! Будто без подарков мимо нее никто не ходит, будто мужу и сыну она пишет записки на покрытом пылью пианино, намекая на то, как они плохо ведут дом; будто... (этого, правда, никто не решался произнести вслух — очень уж все уважали Орлова) будто... она все же... изменяет ему. Зина не больно-то верила этим басням, любила все «взять на зуб» и оценить — она и сама все умела, все могла, все старалась понять. Ремонт своей квартиры она сделала лучше маляров, только ее посылали от цеха в «верха», а однажды она даже выступила в суде и выиграла дело. И уж если ей попала в руки гжельская посуда, то она все про нее прочитала и рассказала дочерям, чтобы они уважали эту посуду и не били.

Валя отмечала восемнадцатилетие сына Мишки, и по заведенной ею традиции на столе стояло восемнадцать бутылок шампанского. Раиса не пришла, и, хоть в гостях было весело (молодые плясали под тяжелый рок, а сидящих за столом телевизор баловал то Зыкиной, то Пугачевой), Зине жаль было потерянного времени. Но перед самым чаем Раиса вдруг появилась (она всегда опаздывала) и застыла в проеме двери, давая налюбоваться собой. Платье на ней было самое модное, туфли — тоже, но зачесанные кверху кудряшки напомнили Зине лукошко с грибами лисичками, и поза ее — с поданным вперед животом — тоже очень ей не понравилась. Тем не менее Зина подвинулась, и Раиса села. Одну руку с тремя золотыми перстнями «забыла» на столе, а другой подперлась по-бабьи и, сердечно улыбаясь, начала вникать в здоровье каждого и в прочие житейские дела. «Артистка,— сразу решила Зина,— и вообще ничего особенного. Вот только цвет лица... Диво дивное! У сорокалетней женщины и щеки и губы, как у новорожденного младенца, даже покрыты испариной, и нигде ни морщинки! Зато небольшие зеленые глаза, как у кошки... Упаси бог сцепиться с ней!»

Однако разговор у них получился самый простой.

— Орлов не придет? — спросила Зина.

— А вы знаете моего Орлова?

— Он же мой начальник... А когда-то был и женихом!

— Да ну?! Тогда поцелуемся?

— Можно...— Женщины поцеловались.

— Ну, и кто кого бросил?—спросила Раиса.

— А вот я его! — задорно ответила Зина.— Приехал мой бывший неотразимый муж и...— Она махнула рукой.— В общем, я бросила Орлова, а муж за это (наказал господь) — меня и двух дочек! — Она помолчала и спросила: — А вы хорошо живете с ним?

— Му-чаюсь! — воскликнула Раиса.— Ведь он не пьет, не курит и даже, как видите, в гости не ходит. Не человек, а сплошной плюс!

— Выходит, чем лучше, тем хуже, да?

— Ага! — обрадовалась Раиса.

Тут Валя попросила:

— Скажите, что ли, какой-нибудь тост и давайте допьем это шампанское—его же нельзя оставлять...

Но все молчали — уже за все пили: и за «новорожденного», и за мир, и за женщин, и даже за детей (а, говорят, за них пить нельзя). И тогда над столом поднялась Зина. Разговор стих, и она провозгласила:

— За мужчин!..— Помолчала и разъяснила: — Только теперь, когда уже сорок, я поняла, что они лучше нас, женщин.— Мужчины захлопали.— Плохо, конечно, что они у нас под пятой, но тут уж не их вина. Только ведь природу не переспоришь... Мужчины как были, так и остались сами по себе, а мы, женщины, хоть и командуем, все равно ими живем. В общем, дай бог им здоровья и всякой силы... и физической и моральной!

— И мужской!!! — хором подхватили женщины.

Зина понесла бокал ко рту, но Раиса схватила ее за руку.

— Не пей! — страстно зашептала она.— Ну, за кого ты пьешь? Кого жалеешь?! Ох, какие же вы, бабы, глу-пы-е!..— С огорчения она залпом выпила бокал шампанского, снова наполнила его и крикнула: — Лю-ди, а-у-у!..— Все повернулись к ней, и она, словно бросая вызов, начала: — А я пью... вот за эту развратную традицию... с шампанским! Ну, во-первых, это очень накладная традиция... Ведь не успеем мы и оглянуться — Мишке будет двадцать пять, а потом и тридцать и сорок... И что тогда запоют его предки?.. Но это не наш вопрос. Мы будем пить, тренироваться и разорять их! А, во-вторых, это все-таки оч-чень шикарная традиция... Шампанское рекой!.. Чего вы улыбаетесь?.. Красиво жить не запретишь! Ура!! — Она снова залпом осушила свой бокал, облизнула розовые губы розовым острым языком и принялась за торт «наполеон». Съев кусок, она тихонько ткнула Зину в бок: — Дай-ка мне еще во-о-он тот кусок!..— Через минуту: — Положи еще, уж больно вкусно! — Съела третий и опять: — Клади уж сразу два, чтобы мне не беспокоить тебя... Ну, что ты на меня так смотришь? Мне с тела спадать нельзя! — И, потягиваясь, она прошлась руками по своим бокам.

«Эх, Орлов, Орлов!..» — вздохнула Зина и решила незаметно уйти. Но только взялась за ручку двери, за спиной раздался Раисин возглас:

— Возьми меня с собой!..

А на улице Зине почему-то снова стало с ней легко.

— Ты мне нравишься! — просто объявила Раиса и так же искренно продолжала: — Какой вечер!.. Люблю бродить... Иногда та-а-кое увидишь!.. Или просто побудешь с деревьями и травой... Во-о-он мои окна!.. Орлов не спит, все ждет меня, а я все вечера хожу по бабам. Доконал он меня своей любовью и лаской...

Зину эти слова кольнули в самое сердце. Она шла, слушала и не понимала: ну что у них может быть общего? Почему Орлов когда-то отличил их обеих?..

Было уже половина одиннадцатого, когда Раиса нажала кнопку звонка.

— Ты посмотри, кого я привела! — воскликнула она.

— А-а, Зина,— улыбнулся Орлов и пошел к плите — он жарил мясо. Он и дома был, одним словом, орел! Спортивный костюм красиво обтягивал его поджарую сильную фигуру, и у плиты он стоял, как у кульмана. Зато Раису сразу как подменили: она стала вся расслабленная, беспомощная, готовая растаять на ходу.

— Где же ты бродишь? — спросил Орлов.— Сын лежит больной, голодный...

Раиса прервала упреки поцелуем и утонула взглядом в его глазах:

— Орлов, напои нас чаем!.. А я пока покажу Зине квартиру...

— Чего ее показывать? — усмехнулся Орлов, но струя воды уже лилась в чайник.

Раиса приоткрыла дверь в маленькую комнату, где с завязанным горлом лежал ее сын, помахала ему, послала воздушный поцелуй и потащила Зину в свое царство — в спальню. Здесь на сдвинутых кроватях, заполняющих собой почти всю комнату, лежало нежно-зеленое покрывало в цветах и райских птицах; кружевная занавесь была откинута на балконную дверь, из-за которой тянуло прохладой; Раиса включила ночник-сову, и все потонуло в красном полумраке. Зине стало не по себе, и она вышла в большую комнату. Здесь она увидела «стенку», наверное, тысяч в пять, серое от пыли пианино (на нем, видно, Раиса и слала «приветы» мужу и сыну) и два огромных ковра — во весь пол и во всю стену.

— Каждый по-своему с ума сходит,— виновато сказала Раиса и подвела Зину к стеклянным шкафам, в которых обычно стоят книги: они были забиты сотнями хорошеньких импортных кукольных головок — с ноготь, с грецкий орех и с кулак.— Не суди! — жалобно попросила она.— Ну, такая я! Ну, нравятся!..

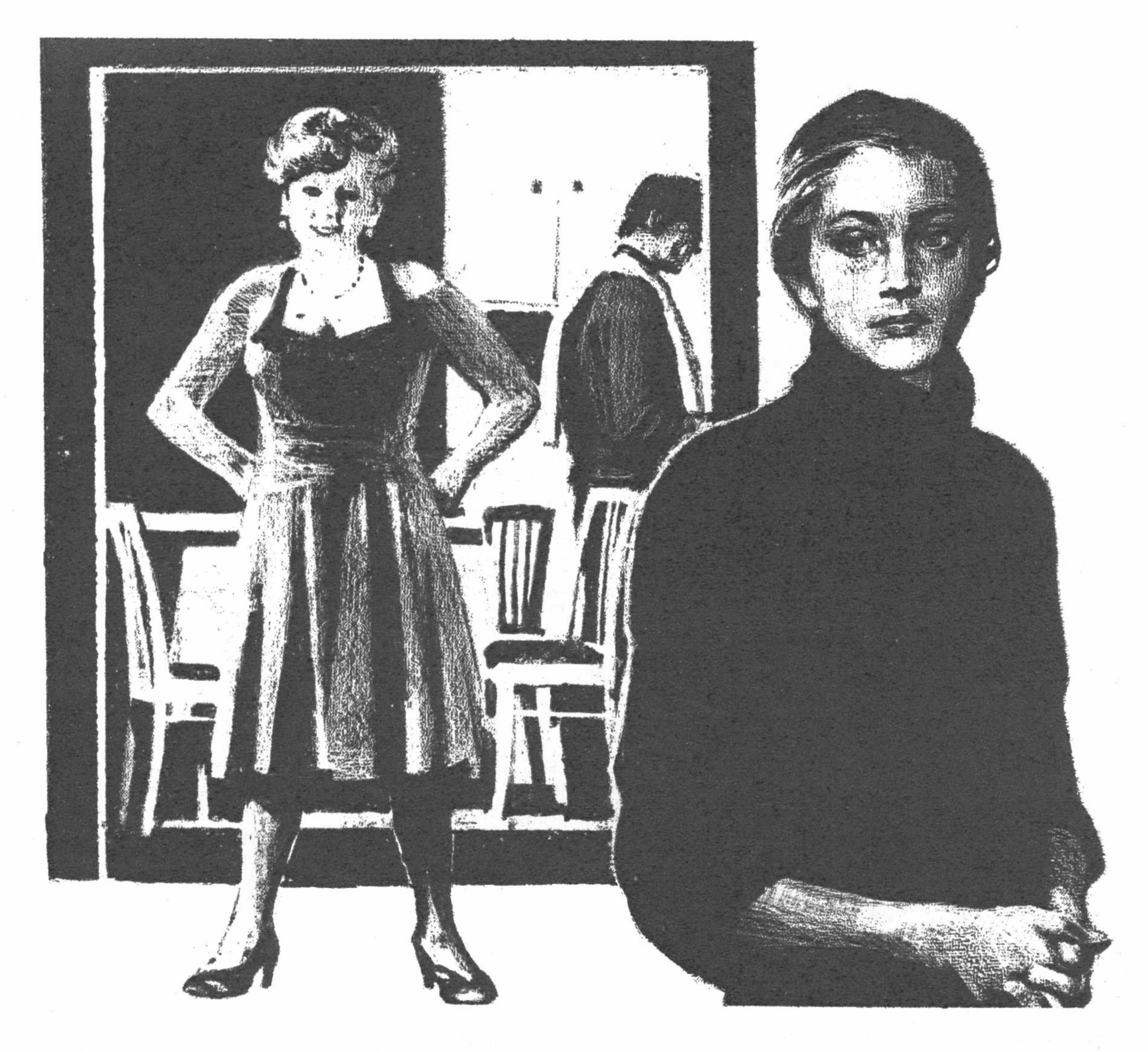
— Чай готов! — крикнул Орлов, и женщины вернулись в кухню. Зина встала в дверях, с интересом рассматривая ее.

— А я не догадалась так повесить занавеску,— сказала она.— Уютно... и кухня кажется больше.— Орлов улыбнулся.— А где вы добыли такую панель? — Она потрогала светло-голубые плитки с темно-лиловыми швами и вдруг догадалась: — Сам?! Ну как рейсфедером на ватмане! И это сам?..— не веря, спрашивала она, показывая на устройство дневного света.— И эти часы?..

— Орлов у нас все делает сам! — с гордостью ответила Раиса, обволакивая мужа томным взглядом.— Он и машину сам чинит, и на садовом участке сам, и банки сам закатывает...

Зина села на табурет и с открытым восхищением и болью стала смотреть Орлову в спину. А он вдруг двинул сковороду, процедил: «Сделай салат!» — и вышел из кухни. Зина дернулась на своем месте, а Раиса будто и не слышала.

— Из какой будешь пить? — ласково спра-

шивала она, ставя перед ней чашки одна лучше другой.— Какое любишь варенье?.. У нас вся-а-кое есть!

Вернулся Орлов, взглянул, в минуту сделал салат и поставил его на стол.

— Ешьте! Мясо будете? Не хотите — не надо! — Он сел за стол, низко наклонил голову и начал быстро есть.

Зине захотелось уйти — так тяжко стало за их столом, но Раиса уже снова налила ей чаю:

— Попей с медком... Он с Украины!

Тут в кухню вошел сын, подсел боком к столу. Отец поднялся — поставил перед ним тарелку с мясом. Сын покачал головой, и отец вывалил все обратно в кастрюлю и подал ему стакан горячего молока:

— Пей маленькими глотками!

— Сыночек мой миленький! — ласково сказала Раиса и закурила.— И когда только она отвяжется от нас — эта ангина?..

— Ты бы лучше не дымила ему в нос! — сказал Орлов.

— Господи, как я от вас устала! — с сердцем вскричала Раиса.

— Бедняжка,— заметил сын.

— Не груби матери! — обрезал Орлов.

— Сыночек, сыграй нам с тетей Зиной что-нибудь!..

— Еще чего!..

— Сыграй, раз мать просит!..— жестко сказал Орлов.

Сын встал и пошел за гитарой. А Зина заспешила. Орлов взглянул на нее, и она увидела наконец его глаза. Сердце ее сжалось, и она сказала:

— Орлов, я так хорошо побыла у вас... Ей-богу! В каждом доме баба командует, а у вас — настоящий глава семьи! К вам можно экскурсии водить... Ну, а если уж невмоготу станет... приходи ко мне! Я накормлю тебя, напою, и ты отдохнешь душой.

Раиса слушала с открытым ртом. С таким же выражением лица проколыхалась к двери и выдавила: — Заходи...

Зина шла домой и всю дорогу качала головой, как над покойником: «Вот она, селяви... Плюй на другого — и царствуй! А я-то, я... Всю жизнь как ломовая лошадь! Проучить бы ее... отнять Орлова!.. Куда?.. У такой сахарной бабоньки...»

Прошло месяца четыре. Была уже осень, и однажды, часу в девятом вечера, вдруг пришел Орлов. Достал из кармана бутылку вина.

— Прости, не нашел ни торта, ни цветов...

В растерянности Зина провела его на кухню и усадила на бывший дочкин диванчик:

— А хочешь — ложись... отдыхай! Ты с работы?

— Из дома. Пришел, а там ни ее, ни сына... Вспомнил, что ты приглашала...— И он низко опустил голову.

— Ты пойми, я ведь без всяких-яких...— заторопилась Зина объяснить.— Просто жалко мне тогда тебя стало. Мы ведь с тобой не чужие...

Она выставила на стол все свои соленья, нарезала сало, открыла шпроты. Орлов откупорил бутылку вина и наполнил один стакан. Потом обвел взглядом кухню:

— Твоя не хуже...

— Ну, что ты! Куда мне до тебя!.. Я ведь все сама, сама...

— Василий не просился назад?

— Просился. Да ведь из склеенного стакана лучше не пить...

— Подожди, я тебе все сделаю... Ты только подожди немного!

— Не надо!..— испугалась Зина.— У тебя сын. А нам и так хорошо. Все у нас есть. Верчусь, конечно... Зато все свое — на рынок не ходим. В общем, живу, как королева!

Орлов усмехнулся:

— Ну, тогда налей и мне глоток — королю!

Он пробыл немного — часа два, а потом, по выходным, засиживался и по полдня. Однажды он целый день мастерил девочкам ящик для пластинок и пленок. Зина ходила счастливая — хоть кто-то подумал об ее дочках! Мысль — сокрушить Раиску,— конечно, мелькнула в ее голове, но не задержалась: хватит с нее и своей разбитой жизни!

Как-то в погожий денек Орлов позвал их в лес. Девочкам было некогда — уже собрались в Москву, и Зина снова оказалась с ним одна, в «их лесу». Только двадцать лет назад они ходили туда пешком, а теперь приехали на машине. В лесу Орлов не прикоснулся к ней и даже никак не глядел — просто бросил для нее на землю свою дорогую куртку, сорвал ей красивую ветку, а потом все разрезал яблоки, вычищал сердцевинки и подавал ей. Так они и отдыхали друг возле друга, как брат с сестрой.

Когда они подъехали к дому, со скамьи у входа в подъезд поднялась заплаканная Раиса:

— Прости, что пришла. Ты же только его приглашала...

В молчаливой тесноте лифта всем троим стало невыносимо тяжело, но дома, в светлой хорошей кухне, это прошло.

— Это все тебе Орлов понаделал? — жалко оглядываясь, спросила Раиса.

Глаза Зины взметнулись, как ножи, и Раиса осеклась.

— Это я сама себе понаделала! Да дочки немного помогали... А как поживают твои... ну, как их... куклины головы?

— Не смейся надо мной! Я и так столько пережила...— Раиса заплакала.— Мы же пропадем без него!

— Что ты все «я» да «мы»? А он?! Почему ты его-то не жалеешь? За что не любишь?! Что он за мученик такой? За какие грехи подрядился к тебе на вечное рабство?!.

Орлов не выдержал:

— Бабы!.. Вы совсем обнаглели. Я же еще живой стою тут с вами!

— Так скажи что-нибудь! — взмолилась Раиса.— Что ты решил?..

— Ладно, пошли отсюда... Скоро девочки приедут.

— Девочки... Хоть бы про сына спросил! Вот какой ты стал!..

— Он еще не стал...— вмешалась Зина.— Но может стать! Это очень скоро делается... Р-раз — и все! Так что смотри... Корми его, пои... Стирай, гладь, обшивай... И дай бог вам вечного счастья!

— И ты не будешь?..

— Ну, зачем же...— перебила Зина ее,— если ты будешь?! У меня и своих дел полно.

Орлов смотрел на них, и ему казалось, что все это происходит не в жизни, а на сцене. Неужели это его Раиса плачет?.. Неужели все-таки она сможет взяться за ум?..

ТОВАР — ПРИЛАВОК — ПОКУПАТЕЛЬ

МОСКОВСКАЯ МОДА

К. БАРЫКИН

фото И. ТУНКЕЛЯ

По одежке встречают. Так, говорят, повелось... А здесь — провожают с одежкой. Магазин — торговый цех «Салюта», а на «Салюте» шьют одежду. Шьют и посылают в первую очередь на фирменный прилавок. К спросу присмотреться, посоветоваться с покупателем, ощутить: пойдет модель или застрянет, будет пылиться в торговом зале иного универмага. Скажут тамошние: не идет пальто! И не поспоришь... Не разумнее ли, рассудили швейники, проверить то же пальто не на стороне, а в своем магазине. Купят — не купят. Эта формула-задачка включает ныне так много составляющих, что разобраться в них нелегко, но необходимо. Рынок одежды осложнен противоречиями: предложение выше спроса, а спрос между тем не удовлетворяется; покупатель приходит в забитый костюмами и пальто магазин, но уходит, ничего не выбрав... Вводятся и сезонные распродажи и прямые уценки неходового товара. Но выручат ли они, если все еще бытует практика, о которой недавно рассказал экономический обозреватель «Известий»: «В сентябре—декабре 1983 года продано уцененных пальто на 130 миллионов рублей, и за это же время в торговлю вновь поступило практически таких же изделий на 150 миллионов».

Ситуация...

«Салют» в ней отражен менее всего, я видел, с какой охотой покупается здешняя продукция в лучших столичных магазинах. Это так, но со стопроцентной уверенностью сказать, что горизонт безоблачен, не могу.

...Эка невидаль — пальто. Ткань с подкладкой да портновское мастерство. Но с каждым годом все важнее вклад, который делают в то же пальто кадровики и снабженцы, плановый отдел, технологи — прошли времена, когда все зависело только от мастера-умельца. Хотя мастерство почитаемо на «Салюте», есть в его рядах и швеи, отмеченные высокими правительственными наградами, есть депутат Моссовета и депутаты Свердловского районного Совета народных депутатов.

На «Салюте» нет конвейера в привычном представлении. Не скажу, что тем самым каждое пальто идет в режиме индивидуального благоприятствования, но все же оно находится в зоне очерченного внимания. Однако «массовка» есть «массовка» — тут тебе и план (более трех тысяч пальто ежедневно), тут тебе и вал, а также другие общие показатели. Разглядишь ли за ними каждую строчку-вытачку? Вот пример из последнего дня месяца, когда план закрывали. Вообще-то штурмовщина на «Салюте» не приветствуется. Если в первую неделю работал неторопко, вразвалочку, а наверстал упущенное лишь в последние дни месяца, никто тебе аплодировать не станет. И все же тридцатое число — оно и есть тридцатое... Ткань хорошая, цвет, линия, модель из тех, мимо которой и модница не пройдет, вслед не посмотрев. И все же... Нет-нет да натолкнешься на аляповатые, грубые пуговицы. Поискать бы другие!

Поискать бы другие пуговицы, но месяц на исходе, вот и ставят те, которым по чести и по совести надо бы дать поворот от фабричных ворот. Какое там! Берут почти все, что присылают. Прежде хлопот с пуговицами не было. Их примитивность соответствовала уровню самих пальто. Однако за несколько лет швейники ушли вперед, а подкладка, приклад, пряжки-пуговицы пребывают в том же состоянии, отнюдь не удовлетворяющем покупателя. Как только не исхитрялись салютовцы, чего только не делали: писали и звонили поставщикам, угрожали им и умоляли — все едино. Заключили прямое соглашение с теми, кто пуговицы делает, но то ли тамошние конструкторы ходят в пальто без пуговиц, то ли вкус у них с изъяном.

В женской моде отделка играет все большую роль. Фурнитура придает пальто завершенность и интонационную окраску, но она же может изуродовать вещь, искажая замысел модельера и нанося ущерб мастерству швеи. И если не навалиться всем миром на это хозяйство, на фурнитуру для пальто, костюмов, платьев, то не жди элегантности и изящества изделий. Взять бы Минлегпрому под особый контроль все — от пуговиц и отделочных материалов до обычных вешалок, которые тоже вносят свой вклад в то, чтобы пальто выглядели хуже, чем они есть на самом деле.

«Салют» — фирма солидная, тут стараются воспитать и закрепить уважение к выпускаемой продукции, тут воспитывают и привычку к работе ответственной, тут хотели бы видеть за каждым сделанным пальто человека, который придет в магазин, примерит это пальто и купит его. Но понимание такой ответственности пока не исключает появления той или иной неудачной модели или неаккуратно сшитого пальто. В одном из месяцев девяносто восемь процентов всех сделанных пальто — первый сорт и высшая категория качества. Но два-то процента — второй сорт, а это при объемах объединения... Не будем упрощать дело, но скажем, что и швейники не все свои резервы исчерпали. Однако прежде всего надо говорить о смежниках. Когда приходится выбивать какую-то новую ткань, когда небольшие вопросы решаются неделями, перепиской, — всегда ли останется время на то, чтобы проанализировать сбои производства? «Салют» пришел к пониманию того, что массовый пошив, серия не имеет права находиться в противоречии с естественным желанием покупательницы быть одетой не только красиво, но и непохоже. Тысяча одинаковых пальто — это, пожалуй, не мода; скорее, это униформа. Пусть с песцовым воротником. Серия и непохожесть? И сейчас, на просмотре новых разработок, идет речь о тираже. Модель претендует на высокую оценку, она оригинальна, но и не выпадает из общего стиля «Салюта» (а то, что такой стиль создается, — это факт). Она будет продаваться по договорной цене — несколько выше, чем пальто массового пошива.

Пришедшие на художественный совет знакомятся с калькуляцией, со стоимостью ткани и отделки. Обсуждается и главный вопрос: сколько таких пальто шить? Решено: пятьсот штук. «Направим их в фирменный магазин», — предлагает кто-то.

— Разумно ли это? — спрашивает заглянувшая на заседание художественного совета генеральный директор «Салюта» Нина Егоровна Покорская. Она не входит в состав совета, не имеет здесь решающего голоса, она может только посоветовать или таким вот вопросом предложить еще раз оценить как само изделие, так и рекомендацию. Все пятьсот пальто — в один магазин? Почему же не использовать прилавок ЦУМа, деловое партнерство с которым на «Салюте» ценят, и не передать несколько десятков пальто туда? И еще часть — магазину молодежной моды. А еще... Чтобы покупательница знала: едва ли она встретит соседку в таком же, как у нее, пальто. Направленные в разные концы огромного города, они попадут и к его гостям.

Спрос, конъюнктура — оселки, на которых оттачивается коммерческая служба предприятия. На них иногда и обжигаются производственники. Барометр спроса подчас барахлит, не дает четкого показателя и однозначных рекомендаций. Нередко представители промышленности рассчитывают только на механизм торгового изучения спроса. И полностью, без оглядки доверяют тому, что говорят работники торговли. Конечно, к торговым рекомендациям прислушиваться следует, но истина в том, что промышленность уже не может обойтись и без своего изучения рынка. Для того и создан институт фирменных магазинов, есть такой и у «Салюта».

— Наши надежды в области одежды? — повторяет мой вопрос главный художник-модельер Софья Аттуловна Хайретдинова. — Не поддаваться капризам моды, но следовать ее главному направлению. Сейчас мода тяготеет к классическому стилю. Мода вернула себе право на простоту, практичность, удобство в сочетании с красотой и элегантностью.

Это слагаемые, на которые опирается ежегодная коллекция «Салюта». Тут надобно отметить, что многие модели созданы художниками предприятия и разработаны его конструкторами. Понятно, «Салют» и из домов моды приобретает лучшие образцы. Но основные запросы удовлетворяются своими моделями.

И это тоже понятно. Фабричный модельер обладает такими же знаниями и умением, как и его коллега из Дома моды, но при этом он ближе и к технологии и к покупателю...

Домам моды кажется, что они диктуют моду. А все значительно проще. Моду определяют экономика и статистика. В журнале «Текстильная промышленность» несколько лет тому назад была напечатана интересная статья. Мода повторяется через определенные промежутки времени, говорилось в публикации. Наблюдается довольно строгая цикличность. Наиболее ощутимы сорокавосьми- и двенадцатилетние циклы. «Каждые 3—4 года изменяются лишь внешние признаки — цвет, ткань, детали отделки». А один из зарубежных исследователей доказывал, что длина одежды находится в прямой зависимости от общего состояния экономики.

— Что такое «Салют» завтра? — спрашиваю я генерального директора объединения Н. Е. Покорскую.

— Ритмичность, выполнение планов, четкая перспектива, новые модели и разработки. То есть то же, что «Салют» сегодня. Но мы не можем идти нахоженной дорогой — это предполагает отставание. Мы стремимся быть более требовательными к себе, хотели бы, чтобы эту требовательность разделили и наши поставщики и смежники. С каждым днем повышается цена деловым отношениям, подлинному партнерству. Скажем, Купавинская тонкосуконная фабрика стала давать прекрасные камвольные ткани новых структур, но достойной подкладки пока нет. О фурнитуре уже шел разговор...

Объемы увеличиваются, требования к качеству растут, а производственные площади пока не расширяются. И тем не менее мы добиваемся повышения производительности труда. Один дополнительный процент повышения производительности труда даст около восьми тысяч пальто в год. Резерв, который трудно использовать без повышения ответственности, роста мастерства, без создания лучших условий труда.

Наш коллектив идет к своему семидесятилетию. Готовясь к нему, мы с большей ответственностью смотрим на сделанное, определяем очередные задачи.

* * *

...Скоро «Салюту» исполнится семьдесят лет. Почтенный возраст. И хороший повод для того, чтобы, опираясь на опыт и традиции, еще внимательнее присмотреться к тому, что приходит сейчас в швейную промышленность. И для того, чтобы не потерять взятый темп, и с тем, чтобы ремесло приблизить к искусству, без этого сейчас элегантное пальто не сделать...

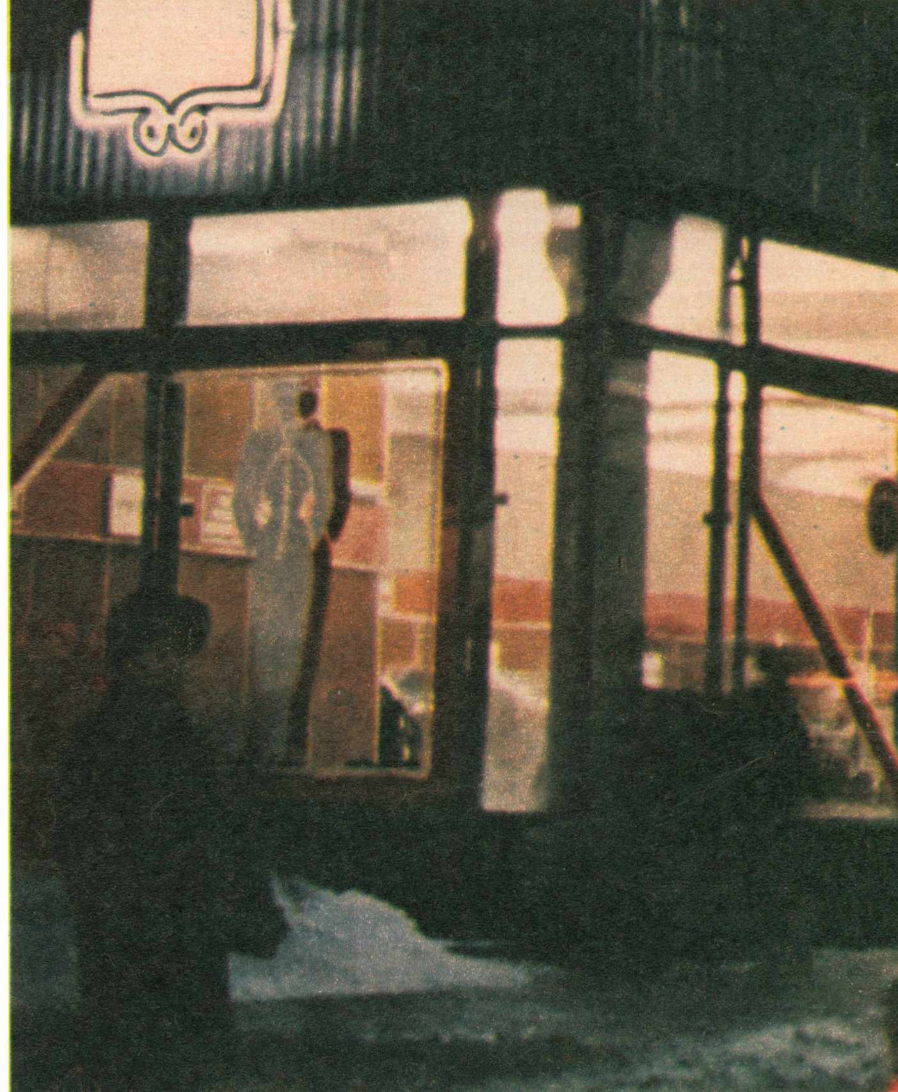
Словом, задачи перед коллективом непростые. Но кто сказал, что «Салют» ищет легкую жизнь?

Нина Егоровна Покорская с учащимися ПТУ * Ясли-сад объединения «Салют»

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В экспериментальном цехе * Модели сезона демонстрируют работницы объединения: конструктор Т. Левкина, манекенщица Е. Попова, инженер Л. Максакова, контролер ОТК О. Гузь, портниха Ю. Зарипова, контролер ОТК Т. Илюшина, заместитель начальника цеха Т. Гуляева * Вечером около магазина «Салют».

ТЕХН
98
ВО
ХСЯ

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА
Салют

Не так уж это мало — быть матерью...

Н. АЛЕКСЕЕВА

Она будто искони жила в Сростках. Во всяком случае, жительницам алтайского села так уже начало казаться, когда они что ни день встречались с этой стройной ясноглазой женщиной, повязанной платочком по-ихнему, говорящей так же, как и они, и даже думающей так же. В деревне испокон веков повелось: не то что дела — мысли каждого известны. Да и как их скроешь, если от зари до зари вместе, не разгибая спины, в поле, на огороде, дома на вечерних посиделках... А Людмила-то, гляди, работы не боится, все у нее ловко да быстро получается, ровно всю жизнь в поле провела. Словом, решили женщины, своя. Ну, а что касается мужчин... На улице как-то ее остановил местный шофер: «Баба, тебе уголь надо?»

Заслуженную артистку РСФСР Людмилу Зайцеву с самого первого дня здесь как актрису не восприняли. «Вроде как знакомая»,— говорили. И немало удивились, когда узнали, что «знакомая» приехала сюда из Москвы сниматься в фильме «Праздники детства» — по рассказам знаменитого земляка Василия Шукшина. Создателям художественной киноленты Рените и Юрию Григорьевым хотелось как можно достовернее передать атмосферу воспоминаний писателя о своем детстве, военном лихолетье, об односельчанах, о матери. Вот это стремление к предельной подлинности и привело постановщиков в родное село Василия Макаровича, навело на мысль занять в съемках и самих жителей Сростков... На роль матери непросто было найти актрису — такую, которая, ничем вроде бы не выделяясь среди «неактеров», не царапая глаз и слух зрителя игрой, тем не менее смогла бы сыграть Марию так, чтобы ни у кого не возникло сомнения в том, что она е с т ь Мария на самом деле. Фильму требовалась актриса, чья душа — не условно, а истинно — могла прожить чувствами и помыслами героини; актриса, чей облик не мыслился б иначе как рожденным и одухотворенным именно этой землей, могучей, щедрой...

Когда после долгих поисков режиссер познакомил с Зайцевой сестру Шукшина, та сказала: «Конечно, это она».

Она — та самая, русская мать, что, как и многие другие бабы, с плачем провожала мужа на войну, вынесла холод и голод военных и послевоенных лет, испытала немало горя и непосильного труда, стараясь поставить на ноги детей...

О фильме «Праздники детства» много и хорошо писали. Напомним: создатели картины были удостоены Государственной премии СССР за 1983 год. Одним из лауреатов стала Людмила Зайцева. За исполнение главной роли. А вот как, по-своему, оценили труд артистки жители села, видевшие, сколько души, таланта, любви вложила она в образ матери,— люди назвали ее «алтайской мадонной».

Самой Зайцевой не очень бы понравилось здесь слово «образ», потому что в Сростках как-то не думала она об образе, своей актерской принадлежности, профессиональных задачах. Она действительно по-настоящему жила — не «жизнью героини», как говорят, а вроде своей собственной, только эта ее жизнь оказалась всецело и жизнью Марии. Недаром ребятишки, которым пришлось в фильме играть ее детей, после окончания съемочного дня продолжали звать Зайцеву мамой. Только мамой Людой.

Стоит ли долго толковать, что такой феномен слияния актерского и человеческого существа не мог возникнуть вдруг, на месте, благодаря лишь соответствующей обстановке, отличному сценарному материалу и высокому профессионализму. Этому волшебству предшествовал некороткий и не самый легкий путь, лишенный счастливых неожиданностей и чудесных золушкиных превращений.

...После школы Люда Зайцева поступала во все московские театральные училища. Лишь на четвертый год поступила. Кем только не приходилось работать девушке в перерывах между очередными попытками: штукатуром на стройке, разнорабочей на сахарном заводе, уборщицей в райкоме партии, лаборанткой... Но мечте своей не изменила. Как решила, так и сделала.

А решила еще в детстве, которое проходило у нее на Кубани, в маленьком хуторке Восточном, где не было тогда ни электричества, ни радио, и единственной связью с неведомым миром стало кино, что ходили смотреть всем хутором. Некоторые односельчане иногда ездили за двадцать два километра в Краснодар — там тоже кино смотрели, возвращаясь, пересказывали содержание. И всегда у них в пересказе любого фильма город назывался Краснодаром, будь это хоть Чикаго, а речка — все равно Кубанью, даже если протекала где-нибудь в Индии...

Мать Людмилы, Ольга Ильинична, очень уж не хотела отпускать единственную дочку. Думала, учительницей станет. Но что поделаешь, сызмала приучала ее к самостоятельности. Сама Ольга Ильинична колхозы организовывала, в красной косынке молодая бегала. После войны растила дочку одна. Бывало, посадит полуторагодовалую Люсеньку где-нибудь в избе, в уголок, наварит яиц, а сама бежит на работу. «Так уж я работала,— вспоминает теперь семидесятипятилетняя Ольга Ильинична,— что меня иные бабы не то что ругали... били!»

От матери унаследовала Людмила, кроме способности к самостоятельным решениям и поступкам, и необычайное трудолюбие. Тяжко ей сидеть без дела. А ведь профессия киноактера такова, что случаются и большие перерывы в работе. От съемок до съемок. Мучительны бывают перерывы для Зайцевой, снявшейся уже не менее чем в двадцати фильмах...

В такое время вынужденного «простоя» Людмила начинает жалеть, что не может, как все люди, чьи окна зажигаются каждым ранним утром в доме напротив, к определенному часу идти на работу. Конечно же, начинает тосковать по земле, по селу, убеждать себя, что там, на селе, человек никогда не бывает один, отношения там между людьми совсем другие...

Вот когда училась в театральном училище, совсем не было времени для подобных ностальгических настроений. Новый мир открылся! Все казалось, да и было на самом деле, таким необыкновенным, таким солнечным! Правда, заметим, что Людмила не обольщалась на свой счет, полагала, что «звездой» никогда не будет, что не так уж легко найти свою дорожку в искусстве... Трудовые будни начались вовсе не в театре, как мечталось, а на съемочной площадке картины «А зори здесь тихие...», где выпускнице Щукинского предложили небольшую роль сержанта Кирьяновой. Но это была настоящая работа, и дебютантка чувствовала себя счастливой.

Сейчас Зайцева имеет полное право говорить об этой роли так: «Спокойно могла бы и другая сыграть...» Имеет право говорить, потому что уже чувствует наверняка, какая роль написана будто специально для нее, Людмилы Зайцевой, а какая — нет. «Стараюсь играть то, что подходит для души...» Избегая ролей отрицательных, она упорна в своем желании делать то, в чем уверена, что умеет, что доподлинно близко.

А помог ей так хорошо узнать себя, раскрыть свои возможности режиссер Виталий Мельников, пригласивший начинающую актрису на главную роль в фильме «Здравствуй и прощай». Александра, мать троих детей, стала первым характером, созданным Зайцевой, вобравшим в себя лучшие черты русской женщины, ее души. Во многих своих последующих работах (в фильмах «Строговы», «Цемент», «Кадкина всякий знает», «Долги наши», «По семейным обстоятельствам» и других) актриса как бы старается высветить перед нами ту или иную черту народного характера, образа, в одном случае подчеркивая независимость своей героини, в другом — надежность и нравственную чистоту, в третьем — незащищенность и в то же время стойкость...

Есть немало актрис, которые боятся быть старыми на экране. Зайцева не из таких. Потому что знает: морщины, усталость на лице простой женщины не от старости, а от забот, от сердоболия, от болезней детишек, от неприятностей у мужа, от соседских бед. Но стоит русской бабе — вспомним все ту же Сашу из «Здравствуй и прощай» в исполнении Зайцевой — хоть на какое-то время избавиться от этих самых хлопот, и она на наших глазах расцветает: куда только деваются морщинки, откуда только берется этот блеск в очах, эта грациозная походка, это разудалое озорство... А как красива она в своей влюбленной доверчивости, такой желанной для нее зависимости от любимого человека, когда вместо прежней языкастой бойкости и ядовитой насмешливости вдруг выплеснется океан нерастраченной нежности...

— Сейчас в кино, да и на сцене,— говорит Людмила Васильевна,— существует мода на деловых женщин. Выходит такая на сцену или на экран — сама себе мужик, сама себе руководитель да и другими руководить любит. Ну чуть ли не любуется сама собой. Нет мужа — и не надо. Нет детей — и не надо. Главное — дело. Дела, дела, дела... А зачем в такие крайности впадать? Конечно, без дела женщине нельзя. Но всегда — во все времена — настоящей трагедией было для женщины остаться одной! Тут бы нашей «деловой женщине» лучше задуматься о своем неуживчивом характере, подумать, чья же все-таки вина, что семья рушится, а не отмахиваться от семейных проблем как от устаревших. И давайте подумаем: так ли уж это мало сейчас, как иные пытаются утверждать,— быть просто матерью? Не «деятелем», а женщиной, матерью, от которой ни много ни мало зависит будущее земли...

Вот поэтому в своей новой роли — а я буду играть рабочую (условное название картины «Наставница»)—хочу избежать момента «сильной женщины». Хочу рассказать о ее слабостях, чисто женских проблемах. Но вновь и вновь хочу напомнить зрителям, что сила моих героинь — в доброте и безотказности, в том, что живут они по своим законам мужества и долга и слово их никогда не расходится с делом...

Заслуженная артистка РСФСР Людмила Зайцева.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Гусейн АББАСЗАДЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

БЕЛКА

5

Проснулся Бахыш от телефонного звонка и с удивлением увидел, что солнце уже высоко. Звонил Фарман, интересовался, как провел отец ночь, как чувствует себя белка.

— Спал хорошо,— ответил Бахыш-киши,— и белка, кажется, поправляется.

— Ну и отлично! — заключил Фарман.— На работу едешь?

— А как же... Ты детишек поцелуй, а то мне вчера не до них было.

Повесив трубку, Бахыш-киши вышел на балкон. Белка неподвижно лежала на боку в углу клетки. Грудка ее не вздымалась. Бахыш-киши глазам своим не верил. Он отворил дверцу клетки, тронул белку рукой, хотя видел, понимал, что надеяться уже не на что.

Ноги еле шли. Бахыш-киши завернул белку в газету и, не выпив даже стакана чая, отправился в пансионат. Он выбрал в роще укромное место, где никогда никого не было, и стал копать. Потом сел в тени под сосной и только сейчас почувствовал, как на него навалилась усталость. Тогда он прилег и стал глядеть в бездонное синее небо. Двигаться ему не хотелось. Кажется, если бы не дела, он так бы и пролежал целую вечность. Ах, если бы он мог уснуть! Но мысли опять унесли его в прошлое.

Тогда, в суровую зиму сорок второго, младший сержант Бахыш Марданов, попрощавшись с Ширинбаджи, покинул родной город и прибыл на армейский перевалочный пункт. Там с ним беседовал майор с красными от бессонницы глазами. Бахыш до ранения окончил полковую школу связи и был опытным радистом. Майор предложил ему воевать в тылу врага, в партизанском отряде.

— Я поеду туда, куда меня пошлют,— коротко ответил Бахыш.

Потом была недолгая учеба партизанской науке, прыжки с парашютом, стрельбы, и вскоре темной ночью Бахыш вместе с еще одним мужчиной, одетым в гражданское, сидел на холодной металлической скамье транспортного самолета, летевшего над территорией, занятой врагом.

Бахыш помнил голос пилота «Пошел!», и черный провал люка, и то, как он, посчитав до шести, дернул кольцо, и рывок раскрывшегося парашюта, и свет партизанских костров внизу, на поляне.

Бахыш заменил в отряде радиста, погибшего в бою. Позже он узнал, что его попутчик — замечательный хирург, переброшенный сюда из-за линии фронта, чтобы оперировать партизан, получивших тяжелые ранения.

Бахыш быстро привык к партизанским будням, привязался к новым знакомым, полюбил их.

Над походной кухней всегда кружились вороны, весной чирикали воробьи — партизаны кормили их. Среди таких «состоящих на довольствии» при походной кухне была и белка с пушистым хвостом. Цвет у нее был необычным, темно-кофейным, и партизаны очень любили ее. Людей эта белка совершенно не боялась, охотно подходила на зов, брала прямо из рук кусочки хлеба, с хрустом разгрызала рафинад.

До этой поры Бахыш живых белок вообще не видел, может, поэтому он и привязался так к этой пушистой баловнице. Часто после обеда Бахыш, отойдя в сторонку, садился под ель, клал на колено кусочек хлеба и подзывал белку. Ему нравилось наблюдать, как зверек, подойдя, встает на задние лапки, обнюхивает хлеб, осторожно берет его и, утащив в сторону, ест, отщипывая маленькие кусочки.

Но однажды белка не появилась. Все ждали ее, искали, звали, но она не пришла и на следующий день. В отряде решили, что белка нашла себе корм в другом месте. Ничего, покормится там и вернется к нам, шутили партизаны, но белка не вернулась.

Примерно через месяц один из них нашел шкуру белки. Говорили, что ее кто-то убил. А через несколько дней нашелся и виновник. Молодой партизан из окрестного села, придя на базу в отряд, рассказал, что это он убил белку. Он простодушно поведал, что у его любимой девушки приближался день рождения, а в войну откуда взять подарок? Вот он и убил белку, чтоб подарить любимой пушистую шкурку. Надо было видеть, как напустились на него товарищи по отряду. А на следующий день было собрание. Бахыш отчетливо помнил выступление командира отряда — старого чекиста, человека сурового и немногословного. Он говорил о том, что все они воюют во имя победы, во имя счастливой, свободной жизни на родной земле. «Подлый враг не щадит наших домов,— сказал он,— наших жен и детей, он и земли нашей не щадит. Горят леса, гибнет все живое. Враг будет изгнан с позором, а мы с вами останемся жить на этой земле, здесь будут жить дети, внуки и правнуки наши. И мы с вами сегодня в ответе не только за то, чтобы как можно быстрее изгнать проклятых фашистов с родной земли, но и за то, чтобы сохранить ее и все живое на земле».

Бахыш помнил, что после этого собрания незадачливый влюбленный ходил с опущенной головой — видно, понял парень свою вину...

Сегодня впервые, пожалуй, Бахыш так отчетливо вспомнил эту историю сорокалетней давности. Будто вновь очутился он в белорусском лесу, в своей землянке, а потом, окончив очередной сеанс связи с Большой землей, вышел наружу и увидел висевшую на ветке высокой сосны беличью шкурку. В подарок она не пригодилась и вот уже сколько дней висела на дереве. И у кого взгляд нечаянно падал на шкурку, тот тут же, как бы стыдясь, отводил глаза.

...Солнце стояло в зените. Тень от дерева, под которым прилег Бахыш-киши, стала совсем короткой. Пекло немилосердно, но старик продолжал лежать, не двигаясь. Не давали ему покоя эти две белки — та, из прошлого, шкурка которой висела на ветке сосны в дремучей чащобе Полесья, и другая, которую он час назад закопал в песчаную землю Апшерона.

Бахыш-киши будто очнулся. Рубашка на нем была мокрая, пот ручьями стекал по лицу, брюки прилипли к ногам. Тяжело поднявшись, Бахыш привалился спиной к стволу сосны, достал из кармана платок, отер с лица пот.

Ну и жара! Во рту все пересохло, губы трудно было разлепить. Бахыш-киши вдруг понял, что он волнуется о судьбе двух других белок. Где они? Может быть, на тополях, перед корпусами пансионата? Или здесь, в роще?

Бахыш-киши решил немедленно отправиться на поиски. Он надеялся застать белок у пожарного крана. Был такой в роще, на светлой поляне. В пожарных целях им никто никогда не пользовался, зато его очень любили зверушки, поселившиеся в роще. Из стояка всегда тонкой струйкой текла вода, подле него была невысыхавшая лужица. Сюда и ходили на водопой белки. Хоронясь в тени деревьев, Бахыш-киши двинулся в сторону поляны. Идти было недалеко, от силы метров двести, но каждый шаг давался с трудом, ноги не слушались.

Вот и поляна. Бахыш-киши внимательно поглядел по сторонам — нет, белок не видно. Старик в растерянности топтался на месте, и решившись, пошел вправо. Он не видел, куда ступал, и чуть не раздавил маленького ежонка. Только этого не хватало! Еще бы и еж погиб по его, Бахыша, вине.

Прошел час, а белок лесник найти не мог. В конце концов он возвратился на поляну. Пить хотелось отчаянно. Он поймал губами струйку воды, но тут же сплюнул: она была теплая, видно, трубы в земле сильно прогрелись. Бахыш-киши с трудом повернул тяжелое колесо маховика. Теперь вода хлынула струей, и Бахыш-киши, выждав несколько минут, с наслаждением подставил лицо под эту струю, а потом уж напился, держа ладони лодочкой.

Надо было передохнуть несколько минут, собраться с мыслями. Где белки, куда они запропастились?

Неподалеку от корпусов пансионата недавно открыли новую красивую чайхану. Она никогда не пустовала. А поскольку в чайхане против обыкновения продавали не только чай, но и колбасу, хлеб, сыр и творог, а отдыхающие, конечно, особенной аккуратностью не отличались, то в кустах вокруг этого легкого стеклянного здания с большой верандой всегда валялись крошки съестного. Бахыш-киши вспомнил, что как-то раз видел там своих белок. И он побрел к чайхане. Давно уже не было старому леснику так тяжело, как в эти два дня после приезда из Белоруссии. С таким хорошим настроением возвращался Бахыш из Минска, столько интересного собирался рассказать родным и знакомым — и надо же, как все нелепо получилось...

Впереди, за деревьями, Бахыш увидел двух женщин в легких летних платьях и мальчугана. «Погулять пришли»,— решил Бахыш-киши и отвернулся.

— Мама, мама,— услышал он голос мальчугана.— Смотри, вон дедушка-лесник идет, он не разрешает трогать белок!

Бахыш-киши быстро направился к отдыхающим. Подойдя ближе, он увидел, что женщина кормит хлебом белочку, сидящую на ветке сосны. У Бахыша отлегло от сердца.

Услышав шаги лесника, женщина оглянулась.

— Чего ты испугался, малыш? Мы же кормим белочку, мы не делаем ничего плохого. Дедушка-лесник не будет нас ругать!

Тем временем Бахыш-киши увидел на сосне и вторую белку, и внезапно его охватила такая слабость, что дальше он и шагу сделать не мог. Сел под деревом, снял шляпу и стал обмахиваться ею, тяжело дыша. Видно, лицо у него изменилось, потому что женщины почуяли неладное.

— Вам нехорошо? — услышал над собой лесник, и тонкая рука обхватила его запястье.— Дядюшка, мы врачи. Скажите, что с вами?

Бахыш-киши отложил шляпу и в изнеможении откинулся на траву.

— Все хорошо, не волнуйтесь, дочки. Спасибо вашему мальчику: сказал про белку, а то я бы и не заметил, прошел стороной. А уж как я за них тревожился.

— Вам ведь говорили, наверное, врачи, что в вашем возрасте надо избегать волнений,— сказала женщина.— А уж гулять под солнцем в такой зной вам совершенно противопоказано. Пошли бы домой, отдохнули в тени.

Окончание. См. «Огонек» № 9.

— Эх, дочка, разве дома сердце успокоится? Душу отдаешь работе, силы, а тут...

Слова душили Бахыша-киши, ему необходимо было выговориться. И он, волнуясь и сбиваясь, рассказал женщине историю рыжей белки.

Женщины молча качали головами, а стоявший рядом с матерью мальчуган, глядя на Бахыша-киши широко раскрытыми глазами, вдруг сказал:

— Дедушка, я видел, как Наиб бросал в белку камнями.

— А как его фамилия, не знаешь?

Мальчуган покачал головой.

— Знаю, что отец вчера за ними машину прислал и они все уехали в город.

— А в каком корпусе они жили? Комнату ты их сумеешь показать?

— Конечно! В третьем корпусе, второй блок, второй этаж. Квартира терхкомнатная, только вот номер я не помню. Сбегать посмотреть?

— Спасибо тебе, детка! — от души сказал Бахыш.— Большое спасибо. Остальное я сам выясню.

В разговор вступила мать мальчика:

— Знаете, дядюшка, Кямран вчера целый вечер в себя не мог прийти. Все рассказывал, как этот паршивец Наиб ранил белку.

— А почему же вы позволили ему это сделать, малыш?—с горечью спросил Бахыш-киши.

— Да он нас не слушал, дедушка. Здесь есть одна девочка, ее Гюлей зовут, она плела зеленую корзинку из травы, а мы все смотрели. В это время Наиб пришел и говорит: «Смотрите, белка на дереве устроила гнездо. Белка красивая, я ее сейчас поймаю». И полез на дерево. Белочка, конечно, от него убежала на самую верхушку. Наиб только хотел ее схватить, а она прыг — и уже на другом дереве. Когда Наиб увидел, что не сможет ее поймать, он набрал камней и принялся швырять. Мы ему все говорили: перестань, жалко белочку,— а он не слушал. Он старше нас, сильнее... Мимо проходил один дядя, и так на Наиба рассердился, так закричал! Наиб струсил и ушел. А потом вернулся и опять принялся кидать камни. И вдруг как закричит: «Ура! Попал, попал. Теперь она от меня никуда не денется. Поймаю ее и отвезу в город».

Кямран всхлипнул.

— Наиб ранил белку. Я видел, ее кровь капала на скамейку,— продолжал он.— Тогда Гюля сказала, что если Наиб еще раз бросит в белку камнем, то она пойдет к главврачу и пожалуется. А Наиб испугался и отвечает: «Пусть кто-нибудь из вас хоть слово попробует сказать главврачу или леснику — изобью!»

Бахыш-киши вспомнил, как совещались вчера двое мальчишек. Наверняка знали Наиба, но не решились рассказать. Да, замечательный у кого-то растет сынок! Мало того, что сделал подлость, так еще и напугал малышей, чтобы не выдавали его. И что можно ожидать от этого самого Наиба, когда он вырастет, если и сейчас в его детском сердце нет ни жалости, ни сострадания?..

Мать Кямрана спросила у Бахыша:

— Дядюшка, вчера на обеде соседка по столу рассказала, что вы повезли белку в город, к врачу. Удалось ей помочь?

— Нет, дочка,— тяжело вздохнул Бахыш-киши.— Похоронил я белку в этом лесу. И врач не помог, видно, поздно было.

— Белочка умерла,— глотая слезы, проговорил Кямран и отвернулся.

Бахыш-киши погладил Кямрана.

— Не горюй, сынок. Вот приедете к нам через год — больше будет белок у дедушки Бахыша.

6

После обеда Бахыш-киши налил себе дымящегося, рубинового цвета чая и, ожидая, пока он остынет, неспешно размышлял, как ему быть завтра — поехать домой к Наибу или отправиться на работу к его отцу.

Бахыш-киши уже успел побывать в регистратуре, и теперь он знал домашний адрес семьи Наиба, место работы и должность его отца.

За дверью кто-то кашлянул, постучал о косяк.

— Войдите!

Аламдар-киши, откинув занавеску, шагнул в комнату. Под мышкой у него был большой арбуз.

— Добрый вечер, ай Бахыш, как дела?

— Добрый вечер! В комнате жарко, давай пойдем на балкон.

Просторный балкон выходил в сад. Аламдар-киши аккуратно положил арбуз так, чтобы он не скатился со стола, крякнул и сел на стул.

— Целый день тебя вчера не видел, уже беспокоиться стал. Спрашивал у ребят — никто толком не знал, где ты.

— Я сегодня утром вернулся...

— Ну что, помог врач?

— Нет, не помог. Умерла белка.

Аламдар-киши всплеснул руками.

— Правду тебе скажу, когда ты собрался везти белку в город, я хотел тебе отсоветовать. Видно было, что ей уже на свете не жить. А потом промолчал. Думаю, умрет белка, а ты после ни себе, ни мне простить этого не сможешь.

— Выходит, напрасно ездил...

— Да хватит тебе убиваться! Сто таких белок мизинца твоего не стоят.

Бахыш-киши принес стакан, хотел налить Аламдару чай, но старик жестом остановил его.

— Вот посмотри на этого красавца,— он хлопнул арбуз по боку,— с нашей бахчи. Я тут попросил, чтоб его положили в холо-

дильник. Знал, что ты в такую жару все равно из города сюда вернешься. А что может быть лучше холодного арбуза?

Он вытащил из кармана складной нож и вопросительно взглянул на Бахыша.

— Режь, дядя Аламдар, режь!

Аламдар вонзил нож в верхушку арбуза, и тот треснул, разломился на две части. Мякоть была ярко-алой, вся в кристаллах сахара, сквозь нее просвечивали черные точки семечек.

Отрезав большой кусок, он протянул его Бахышу. Тот с наслаждением откусил сочную мякоть, покачал головой:

— И вправду как мед.

— Это еще что! — скромно улыбнулся Аламдар-киши.— Бывают арбузы и повкуснее. Те, что уже, может, пятьсот лет, а может, и тысячу на Апшероне растут, привыкли к нашим ветрам, к горячим пескам, к зною, к соли морской... Но знаешь,— он с сожалением покачал головой,— многие фрукты теперь уже не те, что прежде. Возьми виноград: черный шаны, белый шаны уже почти исчезают, а о более редких я и не говорю... Сейчас многие молодые и не знают, какой вкус у шувелянской алычи, дыни джорабской или лука, что в Говсанах прежде рос. Это мы знаем, старики... Знаем, хотим сохранить, да только много ли нам осталось жить на свете? А что будет после нас? Эх! Не ценим мы нашу землю и щедрость ее не ценим, молодых не учим ценить.

— Верно, дядя Аламдар, а только ведь и на нас, стариках, тут вина немалая!

Бахыш взял второй кусок арбуза, откусил, зажмурился от удовольствия.

— Так вот мы и не ценим хорошего — ни старого, ни нового,— продолжал он, внимательно глядя на Аламдара.— Сохранять — это же всегда трудно, зато разрушать мы умеем быстро... Тут нам равных нет, тут мы первые.

Наступила долгая пауза. Аламдар-киши, причмокивая, ел арбуз, время от времени поворачивая голову, глядел в сад. Что же касается Бахыша, то разговор, видно, задел его не на шутку.

— Я тебе вот что скажу, дядя Аламдар: на молодых сваливать не надо. Если подумать и поглядеть как следует, выйдет, что виноваты мы. Если отец или мать не сумели воспитать в ребенке любовь к хорошему, семя добра в его душу заронить, чего же с ребенка спрашивать? Недаром говорят: что посеешь, то и пожнешь... Выяснял я сегодня адрес того мальчишки, который белку убил. Заодно поинтересовался и местом работы его отца. И что же ты думаешь? Отец большую должность занимает, уважаемый человек.

— И ты, зная это, собираешься ехать к нему и разговаривать о проделках его сына?

— И поеду, а как иначе?

— Не советую, Бахыш, не советую. Сам посуди: белку уже не воскресишь. Но представь, выйдешь ты завтра на дорогу, сядешь в автобус, поедешь в город в духоте, давке, толкучке... Что — твоя белка от этого оживет? А потом, милый ты мой, не забывай, что у палки два конца. Заваришь кашу, а потом сам не расхлебаешь. Ты простой человек, рабочий. Делай себе потихоньку свое дело, следи за рощей... Пусть люди здесь гуляют, воздухом чистым дышат и тебя благодарят.

Бахыш-киши крякнул.

— Дядя Аламдар, ты слышал о Сабире? Который стихи писал?

— Стыдно тебе, кто же Сабира не знает!

— Так вот, у него есть такие стихи, «Вопрос — ответ» называются. Там две беседуют. Один говорит другому: «Молчи»,— а другой отвечает: «А что же, и промолчу». «Не гляди»,— говорит первый, а второй ему отвечает: «А как же, и глядеть не буду». «Не слушай ничего». В ответ: «Обязательно». И в конце концов этот самый, который все запрещает, говорит собеседнику: «И ничего не понимай!» А тот отвечает: «Нет брат, уволь. Вот этого я не могу...»

Бахыш-киши тяжело вздохнул.

— Видишь ли, дядя Аламдар, не могу я прикинуться непонятливым. Говори как хочешь, а я человек государственный. Я не для себя эту рощу растил, для людей. Если шире взглянуть — для страны. А тут появляется какой-то барчук и труды мои уничтожает. А я, значит, должен сидеть и помалкивать, потому что он сын такого-то. Хотел бы я посмотреть — если этот «такой-то» сделает подлость и об этом станет известно его начальству, станут его держать или нет?!

Аламдар-киши разгладил седые усы, взглянул скептически:

— Этот «такой-то» знает, кому и что говорить, для кого и как делать... Как говорили отцы наши: он видит, кто половник в руках держит за обедом.

— Не те теперь времена, дядя Аламдар. Тем, кто хочет себе лишнее урвать, глядишь, и вообще ничего не достанется...

— Э, милый, я человек простой, темный,— горько сказал Аламдар-киши.— Зачем надо свои нервы тратить, свои силы? А сердце-то у себя одно, и инфаркт у тебя уже был, между прочим. Вот, честное слово, продавали бы белок в магазине, я бы купил одну, выпустил в лес — и дело с концом...

— Неужели ты не понимаешь, дядя Аламдар, что дело не в белке? Ты бы еще деньги мне за нее предложил! Хочу поглядеть в глаза отцу этого негодника и сказать ему несколько слов.

— Ага, ну и что ты ему скажешь?

— Скажу: товарищ Нагиев, вам государство доверило крупное учреждение, тысячи человек под вашим руководством работают! Вы, стало быть, их руководитель и воспитатель. А вот сын у вас растет невоспитанный...

Аламдар сокрушенно покачал головой:

— Не советую, ох, не советую. И сам ты разгорячишься, и твой товарищ Нагиев тоже. Выйдут неприятности.— Он стукнул себя кулаком в открытую грудь.— Видишь дядю Аламдара? Сколько мне, по-твоему, лет? Больше шестидесяти никто не дает. А на самом деле девятый десяток пошел. А в чем секрет? А в том, что мне на всех начальников плевать. И переживать из-за каждой мелочи, здоровье свое гробить я не собираюсь. Здоровье — мое богатство, чего его транжирить попусту? Учти, Бахыш, один раз живем. А потому не занимайся ерундой, гуляй себе в своей роще, дыши свежим воздухом... Свежий воздух теперь тоже редкость. Будет настроение — купи на базаре мяса, разведи на какой-нибудь тихой поляне костер, шашлык пожарь, поешь в свое удовольствие. А будешь есть — вспомни добрым словом мудрого дядю Аламдара, вот так-то!

Аламдар поднялся и стал прощаться.

7

В приемной начальника главного машиностроительного управления сидели двое. Молодая красивая секретарша, сидя в углу за столом, печатала на машинке, успевая при этом отвечать на телефонные звонки и улыбаться посетителям. Напротив нее, на одном из стульев, длинным рядом стоявших у стены, сидел Бахыш-киши. Пальцами правой руки лесник медленно водил по полям соломенной шляпы, лежавшей у него на коленях. Судя по всему, он ждал уже давно, и это занятие ему порядком надоело.

Войдя сюда, Бахыш-киши объяснил секретарше, что он приехал из Бильгя и ему необходимо поговорить с начальником управления по очень важному делу.

— Вы бы лучше пришли послезавтра к двум часам,— равнодушно сказала девушка, выслушав Бахыша-киши.— Сегодня у него иностранцы. Кто их знает, сколько они там пробудут, да и потом не знаю, сможет ли он вас принять.

Но Бахыш-киши ответил, что будет ждать. Трудно ему, старику, еще раз ехать в такую жару.

И вот Бахыш сидел.

Время от времени открывалась дверь, входили работники управления, интересовались у секретарши непонятными Бахышу вопросами, сообщали какие-то цифры, оставляли бумаги начальнику на подпись.

Бахыш с интересом наблюдал за ними, тихо сидя в своем углу. На него никто не обращал внимания. А старый лесник думал, что сейчас, наверное, Аламдар-киши ищет его в роще и, не найдя, ругает его на чем свет стоит за то, что не послушался совета.

Откровенно говоря, беседа с Аламдаром-киши поколебала Бахыша. Он долго думал вечером над словами садовника. Может, и в самом деле Аламдар прав? Может, не стоит погубленная белка разговора, крови, нервов?..

Так ничего и не решив, Бахыш тогда уснул. А когда проснулся, то почувствовал в себе бодрость, почти забытую. Утро было свежее, прохладное. Тихо плескались волны, доносилось издалека гудение моторной лодки — значит, вышли в море рыбаки.

Бахыш-киши встал, оделся. На минуту показалось: вот сейчас выйдет он из дому и очутится в лесу. В настоящем лесу — прохладном, тенистом, таком, каким виделся он во сне... «Может, и суждено мне дожить до этой минуты?» — подумал Бахыш-киши и с сожалением покачал головой: — Вряд ли... Сколько лет нужно!»

Одно точно знал Бахыш: пусть не доживет он до тех пор, когда зашумят на Апшероне зеленые леса, так что ж? Дети его доживут, внуки. Свою долю в то, чтобы красота окружающего мира дошла до наших потомков, Бахыш-киши внес. Велика ли эта доля, мала — неважно. Важно, чтобы каждый умел и любил ценить не на словах, а на деле истинную красоту. А мы-то не всегда ее ценим. Какие сады цвели в свое время на Апшероне! Где они теперь? Деревья высохли, строения полуразрушены... Так и будет, если человек не станет заботиться о природе. Но берегись лени и безделья! Природа не терпит равнодушия, и если ты не станешь поливать дерево — оно засохнет, и если ты не удобришь землю — она не будет плодоносить.

С такими мыслями Бахыш-киши спустился по крутой тропинке к утреннему морю. Пляж был совершенно безлюден, вода теплая, ласковая, словно хранила в себе лучи вчерашнего солнца. Бахыш отлично плавал, он заплыл в этот раз особенно далеко от берега, туда, где темнела в море гряда неприветливых скал, поросших зелеными водорослями. Старик долго лежал на спине, и морская волна мерно покачивала его, словно баюкала.

Из моря Бахыш вышел освеженным, окрепшим, чувствовал, как играет кровь в каждой клеточке тела. Быстро позавтракав, лесник отправился в рощу. На этот раз искать белочек не пришлось — они сами показались на ближнем дереве, будто только и ждали прихода Бахыша. Лесник накрошил белкам хлеба, ласково погладил их и со спокойной душой свернул на шоссе, к автобусной остановке...

Пожалуй, уже больше часа сидел Бахыш-киши в приемной. Монотонно гудел кондиционер, время от времени раздавались телефонные звонки, появлялись сотрудники, которым нужно было по делу зайти к начальнику.

— Занят! — коротко и категорично отвечала девушка-секретарь.

Ожидание порядком утомило Бахыша. Но что поделаешь, сам сказал, что будет ждать столько, сколько понадобится. В конце концов его сюда никто не звал...

Коротко, требовательно прозвучал звонок, и секретарша, мгновенно поднявшись с места, вошла в кабинет.

«Ох, быстрее бы ушли эти гости...» — прошептал Бахыш-киши.

Девушка вышла, набрала номер.

— Вас вызывает Джаби Мурсалович,— сказала она в трубку. Вскоре в приемную вошел статный седовласый человек. Он вполголоса переговорил о чем-то с девушкой-секретарем и вошел в кабинет. У Бахыша будто селезенка заныла. Так же может до бесконечности продолжаться! Он сейчас еще кого-нибудь вызовет... Знал бы Бахыш, сколько времени придется ему ждать, он бы лучше попил горячего чаю в чайхане на морском берегу.

А этого начальника, отца Наиба, выходит, зовут Джаби. А отца Джаби звали Мурсал... Про себя Бахыш-киши решил, что во время беседы и он будет называть начальника по-современному: Джаби Мурсалович...

Но не успел Бахыш-киши настроиться на долгое ожидание, как дверь кабинета широко распахнулась и вышли иностранцы — все в хорошем настроении, улыбчивые, громкоголосые.

Едва за гостями закрылась дверь, старый лесник подошел к секретарше.

— Дочка, я тебя очень прошу: зайди к нему, пока никого нет, доложи обо мне. А то не дождаться...

— Не тревожьтесь, я о вас не забыла.— Девушка поправила волосы.— Там есть еще сотрудник.

И снова потянулись минуты ожидания, и снова звонок вызова показался Бахышу резким и неожиданным. Не успела секретарша войти в кабинет, двери распахнулись, и на пороге показался тот седовласый мужчина, что вошел недавно. Он сделал шаг назад и любезно уступил девушке дорогу.

«Слава богу! — вздохнул Бахыш-киши.— Дождался, кажется».

Девушка вышла, поставила в шкаф бутылки и фужеры и, закрыв дверь, повернулась к Бахышу-киши.

— Я сообщила о вас Джаби Мурсаловичу... Он вас не может принять,— сухо сказала девушка.— Он сейчас должен уехать.

— Как это не может?

— Не может — и все...

Девушка начинала, кажется, терять терпение.

— Да ты ему сказала, из какой дали я приехал и сколько времени жду?

— Все сказала, дядюшка. А Джаби Мурсалович ответил, что он вам приема не назначал и чтобы вы явились в приемные часы — послезавтра.

Девушка говорила скорее сочувственно: видно, ей стало жаль старика.

— Если хотите, дядюшка, я вас отведу к заместителю Джаби Мурсаловича, Вахиде-ханум. Она очень хорошая женщина, может быть, она сможет вам помочь?

Бахыша-киши тронуло сочувствие этой городской девушки.

— Спасибо, дочка! — только и сказал он.— Не такое у меня дело, чтобы его мог решить самый хороший заместитель.

Бахыш-киши попрощался и вышел из комнаты. После прохладной приемной воздух в коридоре казался особенно влажным и тяжелым. Сердце в груди тяжело заворочалось, и Бахыш-киши испугался, что сейчас с ним случится сердечный приступ прямо здесь, среди чужих людей, у дверей начальника, который отказался его принять. Бахыш-киши еле дошел до окна, облокотился на подоконник, перевел дыхание.

Сердце забилось ровнее и тише, и былая решимость вернулась к Бахышу-киши. Нет, надо поговорить. Не здесь, так дома застанет он Нагиева! Не прогонит же тот его с порога в конце концов.

Скрипнула дверь. Из приемной начальника управления вышел мужчина в хорошо сшитом светлом костюме, улыбчивый, моложавый. В тонких пальцах он держал сигарету.

«Наверное, он! — сообразил Бахыш-киши.— Больше ведь в приемной никого не было...»

Мужчина в светлом быстро зашагал к лифту. Бахыш чуть не бегом пустился за ним.

— Простите! — крикнул он вдогонку.— Минуточку!

Тот остановился, в недоумении глядя на Бахыша.

— Вы товарищ Нагиев?

Бахыш дышал тяжело, хрипло.

— Да, я.

— Как раз вы мне и нужны!

— Я вам?

Недоумение во взгляде мужчины сменилось откровенной неприязнью. Видимо, он понял, что докучливый посетитель, о котором ему докладывали, дождался все-таки его в коридоре.

— Но послушайте,— Нагиев был раздражен.— Есть же правила приличия, есть порядок наконец! Кто же разговаривает в коридоре? Я велел секретарю передать вам, что могу принять вас в пятницу, вот тогда и приходите.

И Нагиев отвернулся и сделал шаг к лифту. Бахыш-киши догнал его и встал на дороге.

— Можно иногда и в коридоре поговорить... Я приехал к вам, товарищ Нагиев, чтобы сказать, что ваш сын совершил преступление!

Бахыш выпалил эту подготовленную заранее фразу одним духом и теперь следил, какое впечатление она произвела. К его удивлению, Нагиев и бровью не повел.

— Вы ошибаетесь, уважаемый. Поищите-ка преступника где-нибудь в другом месте.

— А я говорю: ваш сын Наиб совершил преступление,—упрямо повторил Бахыш-киши.

Нагиев побледнел от злости.

— Слушать не желаю! Мой сын, знаете ли, не так воспитан. Кроме того, по какому праву вы предъявляете мне такие обвинения? Кто вы такой?

— Я Бахыш Марданов, сын Идаята. Работаю лесником в том пансионате, где отдыхала ваша семья. Ваш сын Наиб...— И Бахыш-киши, волнуясь, коротко рассказал о случившемся.

Нагиев слушал поначалу внимательно и заинтересованно, даже напряженно, но узнав, что речь идет о гибели белки, улыбнулся с облегчением.

— Господи, да разве это преступление? Стоило ли из-за этого приезжать ко мне, да еще силой задерживать меня в коридоре? — Голос его снова стал жестким, раздраженным.

— Неужели надо человека убить или дом ограбить, чтобы стать преступником?

— Короче,— Нагиев полез в карман пиджака и вытащил кожаный бумажник.— Говорите, сколько стоит эта белка?

Он взглянул на остолбеневшего Бахыша и, приняв его молчание как согласие, отделил от солидной пачки купюр две новенькие двадцатипятирублевки.

— Достаточно, я думаю?

Бахыш-киши глядел неприязненно и молчал, но Нагиев расценил его молчание посвоему.

— Что, мало? Я добавлю еще...— Он положил к двум еще одну хрустящую бумажку.— И нечего было говорить высокие слова, время тратить попусту. Время дорого! Берите — и идите с богом.

— Как вам не стыдно! — Гнев душил Бахыша.— Как бы я ни был беден, денег я у вас не просил. Знайте: это я купил на свои, кровные, белок и привез их в рощу — и ни у кого оплаты не требовал. Для людей я это делал, для души! А не для того, чтобы дети таких родителей, как вы, истребляли животных... Теперь я вижу, что это не случайность! Оставьте ваши деньги при себе вместе с вашим воспитанием...

Бахыш-киши круто повернулся и стал спускаться по лестнице. Нагиев стоял, точно окаменев, держа в руке деньги. К нему подошел один из сотрудников, случайно заставший конец разговора.

— Джаби Мурсалович, этот человек, кажется, угрожал вам? Позвольте, я позвоню дежурному милиционеру, его задержат! Подумайте, какая наглость!..

— Займитесь лучше своим делом,— сквозь зубы процедил Нагиев, опуская деньги в карман. Он проводил недовольным взглядом сотрудника и, сам не зная зачем, вернулся в свой кабинет.

— День добрый, Бахыш-киши! — окликнули лесника у подъезда огромного здания, где находились десятки министерств и ведомств.

Подняв голову, Бахыш увидел мужчину, подвозившего его два дня назад из пансионата в город.

— Здравствуйте!

— Как белка? Помог врач?..

— Да нет,— вздохнул Бахыш-киши,— ничего не вышло.

— Ну, а кто ее убил, вы узнали? Наказан он?

— Эх, кто я такой, чтобы наказывать? — покачал головой лесник.— Говорил сейчас с отцом этого мальчика. Если он поймет мои слова — хорошо, а нет, так и говорить нечего.

— Садитесь в машину, шофер вас отвезет куда надо,— предложил собеседник.

— Спасибо, я уж лучше пешком. Пойду к внукам, давно их не видел, соскучился. Такие они сладкие, эти малыши, дай вам бог тоже дожить до тех дней, когда у вас внуки появятся.

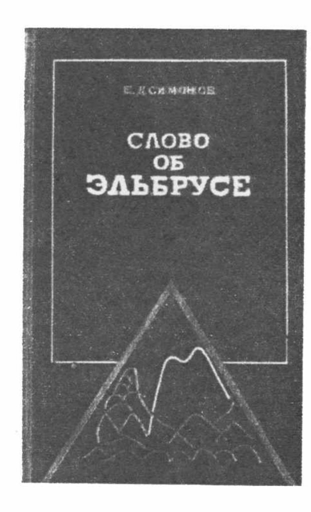
— Благодарю! — улыбнулся мужчина.—Время еще есть. А в пансионат вы сегодня не вернетесь?

— К вечеру, когда прохладнее будет...

— Тогда позвоните, мы за вами заедем! Договорились?

— Договорились,— сказал Бахыш-киши.

Перевел с азербайджанского Александр ГРИЧ.

ЛЕТОПИСЕЦ МУЖЕСТВА

«Необыкновенные путешествия» — название новой серии книг, выпускаемых издательством «Физкультура и спорт». Недавно появилась на прилавках и быстро разошлась третья книга этой серии — «Слово об Эльбрусе» Е. Д. Симонова. Это документальная книга, а в оценке и толковании истории покорения и освоения Эльбруса мало кто может поспорить с таким специалистом, как ее автор. Многие документы получены Е. Д. Симоновым, что называется, из первых рук: он сам стал свидетелем и участником эльбрусской эпопеи, развивавшейся в основном уже в советское время. Будучи репортером «Вечерней Москвы» и «Известий», Симонов еще в довоенные годы рассказывал читателям этих газет о первых советских альпиниадах, о взрыве всеобщего интереса к новому тогда для нашей страны спорту — альпинизму. «Огонек» печатал его очерки о первых советских горовосходителях, а в книгах, принадлежащих его перу, главным героем часто становился Эльбрус, как гора-символ, гора — воспитатель целого поколения советских спортсменов.

Евгений Дмитриевич написал к сегодняшнему дню более пятидесяти книг. Но мне кажется (да и сам автор этого не скрывает), что «Слово об Эльбрусе» стало как бы завершающей ступенью многолетнего восхождения Симонова к главной теме своего творчества. Он рассказывает, что начинал собирать материал об Эльбрусе еще в 1935 году, участвуя в первой альпиниаде ВЦСПС, когда ему поручили редактировать первую альпинистскую газету «Школа мужества». Газета выходила на высоте 2200 метров... А потом, что вполне естественно для журналиста, он сам захотел проверить, «что там наверху», и стал горовосходителем. А потом уже почти ежегодно он приезжал на Кавказ и все накапливал, накапливал в записных книжках собственные впечатления.

Книга густо заселена людьми, одни лишь имена которых многое скажут всякому, кто хоть как-то знаком с историей Кавказа.

И еще об одном герое книги несколько слов — о ее авторе. Его походную судьбу журналиста, писателя, горовосходителя предопределило, быть может, то, что родился он в поезде — в последнем эшелоне, уходившем из осажденного Порт-Артура. Было это ровно восемьдесят лет назад, и о богатой событиями судьбе этого человека можно было бы, наверное, написать интересную книгу. Впрочем, эта судьба и так тысячами мельчайших зеркальных осколков разбросана в его очерках, корреспонденциях, больших книгах и маленьких заметках — такова доля журналиста, отдающего всего себя раз избранной теме. И счастлив тот, кто достиг в этой теме вершин своего Эльбруса.

Б. СМИРНОВ

Е. Д. Симонов. Слово об Эльбрусе. М. «Физкультура и спорт», 1983. 278 с.

МИР ОЧАГУ — МИР ДОМУ ТВОЕМУ

Лариса
СОКОЛОВА

Я ШЛА К ТЕБЕ...

Я шла к тебе...
Вокруг дрожали тучи
от частых вспышек белого огня.
Пылал закат,
и проволокой колючей
опутывала молния меня.
Как будто хохот
злой судьбы в ушах,
звучало эхо бешеного грома.
Я подошла к дверям родного
дома...
Чужой замок остановил мой шаг.

* * *

Первый луч выплывает навстречу,
умываясь молочной росой.
Стрекотать начинает кузнечик,
слившись с мягкой, высокой
травой.
Свежесть мятная русской
природы,
я с тобой не расстанусь вовек!
Солнце вяжет лучи в хороводы
и ведет по течению рек.

ПРЕГРАДА

Молчанье ночной тишины,
на главном пути преграда!
Река — мосты сожжены,
а мне на тот берег надо!
Ее невозможно взять:
воронки в шальном вращенье.
Но мне нельзя отступать:
тот берег — мое спасенье!
С теченьем крутым борюсь,
от злости мужая силой.
Ему я не покорюсь —
не выношу насилий!
Лютый водоворот
судорогой тянет ниже.
Берег меня зовет!
И я к нему ближе, ближе!..

Брянск.

Нина
ЛЕМАНОВА

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Тюрингия. Немецкая земля.
Безмолвные осенние поля.
А над простором убранных полей
Стоит гора, и Бухенвальд за ней.
А на горе — Набат,
Тот, бухенвальдский,
Как голос мщенья тысяч павших.
Проклятье слышится
Мне в тишине полей,
Зловещей кажется гора,
Ведь Бухенвальд за ней.
И слышит гул Набата
Целый свет.
Гудит Набат —
Вы не забыты. Нет!

ПРОЩЕНИЕ

Ты мне сказал: «Прости,
Беру слова обратно».
Но разве можно взять слова,
Как будто вещи из ломбарда,
У памяти их выкупить сполна?
Без срока в ней хранятся
те обиды,
Которые слова нам нанесли,
Но я ничем себя не выдам,
Спокойно говорю: «Пожалуйста,
возьми...»

Москва.

Инара
РОЯ

ПРОВОДЫ РЫБАКА

1

О засилье дождливых линий!
О как холодно чайке смелой!
Моря цвет — серовато-синий.
Лодки цвет — синевато-серый.
Клоним головы, провожая
И взывая с соленой мукой.
Жизнь в отливе. Душа нагая.
Только память звучит порукой.

2

Море! Мне ли от тебя да уйти?
Ты цветами мне шаги оплети,
Ты травою мои руки сцепи,
Сердце каменным клыком
защепи.
Только силушки на это не трать
И клыки свои не вздумай терять...
Чтобы снова человека спасти,
Если счастье захлебнется в пути.

3

Тебе, о море, привычны бури,
привычны смерти,
И не в новинку тебе кораблей
останки...
Волна прощенья бьется о твой
берег.
Скала терпенья крошится,
а все же верит.
В пучину каменную не сойдет
милосердье...
Тебе, о море, привычны бури,
привычны смерти.
Тебе, о море, янтарь привычен,
привычна чайка.
Ты не желаешь, о море, видеть
новинки...
В глаза твои поглядишь —
и как в бездну канешь.
Руки твои пожмешь —
и вечность приманишь...
Утром парус надеждой белой —
поди поймай-ка!
Тебе, о море, янтарь привычен,
привычна чайка.

ЕЩЕ РАЗ УВИДЕТЬ

Мне бы еще раз увидеть тебя!
Вспыхнут деревья в огне
листопада...
Камни и травы горящего сада,
Не преграждайте дорогу,
не надо,—
Вызволю, чтобы погибнуть не мог!
Весь в паутине и так одинок...
Прикосновением чутким
и хрупким
Я разбиваю мозолей скорлупки.
Я помышляю о новом поступке.
Ты мне свиданье под солнцем
назначь!
Дерева взор листопадный горяч.
Угли подземные. Мудрость
и тьма.
Скоро зима.

**Перевела с латышского
Татьяна БЕК.**

Бося
САНГАДЖИЕВА

Я в каждом дне, и каждый день
во мне,
И новый день, на прежний
непохожий,
Стучится в сердце. Тень его —
в окне,
Его дыханье ощущаю кожей.
И каждый день из тысяч мелочей,
Сплетенных меж собой,
неразделимых,
Становится самой судьбой моей,
Где ни минуты не проходит мимо.
Всему есть место: счастью, и беде,
И свадьбе, и прощальному обряду.
Когда проходят в длинной череде
За днями дни, их провожаю
взглядом:
Судьбу скрепив, нетленна эта
нить,
Чужая боль чужою не осталась.
Что мне досталось, что другим
досталось,
Все наше — не стереть и
не забыть.
В лихие времена, и дни, и годы
Мы выжили. И потому стократ
Дороже счастье нашему народу,
Огонь теплее, ближе брату брат.
Всему есть место, что бы
ни случилось.
Едино время, и земля одна,
И наша жизнь не виделась,
не снилась,
Не кем-то нам от века суждена.
Мы сами — жизнь. Мы — дни,
года, столетья,
Мы сами — путь, что нелегко
пройти.
В конце концов ведь мы и живы
этим —
Идти вперед, не падая в пути!

**Перевел с калмыцкого
М. ХЕМЛИН.**

ПЛАТОК ДРУЖБЫ

М. Агашиной

Песни ты слагаешь всем
в подарок.
Мне в знак дружбы ты платок
дала.
Мягок он, и радостен, и ярок.
Жизнь теплее от его тепла.
Ты сказала:
— Краше нет платочка,
Это дар родителей одних:
Первая у них родилась дочка
В день, когда гостила я у них.
Нынче я гощу у вас и встречу
Дату юбилейную твою.
Твой платок накинула на плечи,
За тебя со всеми вместе пью.
Зря учили бабки нас и деды,
Что дареное дарить нельзя.
Не всегда заветам дедов следуй:
Нам важней традиции — друзья.
Мы закон изменим устарелый,
Ты и я — мы обе не робки.
В мир поэзии вошли мы смело,
Может, чьей-то воле вопреки.
Твой платок в причудливых узорах
И шуршит и блещет на плечах,
Волжских волн я различаю
шорох,
Свет степных лучей — в его лучах.
Если ж гостья, чье лицо мне мило,
Завтра переступит мой порог,
Подарю ей так, как ты дарила,
От тебя и от меня — платок.
Пусть летит по кругу друг
от друга
И приносит счастье и весну,
Озарит кого-то солнцем юга,
У кого-то скроет седину...
Песни ты слагаешь всем
в подарок,
Мне в знак дружбы ты платок
дала.
Тепел он и, словно полдень,
ярок,
Сердцу легче от его тепла.

**Перевела с калмыцкого
Юлия НЕЙМАН.**

Татьяна
УЛЬЯНОВА

ВЕСТЬ

Весть о Победе лучшая на свете!
От радости летела я, как ветер,
И всем о ней в волненье
сообщала,
Кого я на пути в тот миг
встречала.
А было это в Праге, в Праге
было.
И все звало, и все меня любило.
И чайки, чайки белые над Влтавой
Кричали так, что слышно
до Остравы!..
Весть о Победе — лучшая
на свете —
Меня застала в Праге на рассвете.
Я всем о ней в волненье
сообщала,
Кого в счастливый миг тогда
встречала.

* * *

Снег расцветает в небе синем,
Роняет тихо лепестки...
И на рассвете всю Россию
Покрыли белые цветки.
От них светло, они искрятся,
Полны чудес и красоты...
Недаром мне весною снятся
Такие белые цветы!

* * *

Я думала: люблю
в последний раз,
А оказалось все совсем иначе:
Из-за любви опять я сердце
трачу.
И выбираю снова только вас!
Любви последней в жизни
не бывает:
И сердце замирает-замирает,
И светлой-светлой стала голова.
И по снегу бежит, бежит трава...

Москва.

Весенние вопросы задавали и фотографировали своих собеседниц Д. Дебабов, В. Засеев, Б. Клементьев, О. Петриченко, Г. Розов, Б. Смирнов, Л. Шерстенников.

ДВА ВЕСЕННИХ ВОПРОСА

Любовь ФИЛИППОВА,
старший библиотекарь Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината

— Идеальный мужчина — это тот, который никогда не забывает, что «от любви к женщине родилось все прекрасное на земле». Это слова Алексея Максимовича Горького, и, мне думается, лучше сказать можно едва ли.

А вообще-то говоря, я против формулы «идеальный мужчина». Мне больше по душе, когда говорят «настоящий мужчина». А это в первую очередь означает: рыцарь, самостоятельно мыслящая личность и никогда не унывающий человек, способный понять юмор, умеющий оценить тонкую шутку и забавную ситуацию.

Пожелание же мое будет единственным. От всей души хочу, чтобы на пути всех женщин было побольше таких мужчин не только Восьмого марта, но и каждый день.

Нина ЯБЛОКОВА,
астроном Пулковской обсерватории

Окончив математико-механический факультет ЛГУ имени А. А. Жданова, Нина Яблокова совсем оторвалась от земли и вот уже четвертый год витает в облаках. Говорит, что работа такая. А когда я выразил желание познакомиться с этой работой поближе, засмеялась:

— Поближе никак не получится. До нее несколько сот или тысяч световых лет добираться надо. А вот в Пулковскую обсерваторию к нам приезжайте, посмотрите на нашу работу хотя бы издали.

И обещала показать в телескоп шаровые скопления, находящиеся в созвездиях Геркулес и Пегас.

Пока я прособирался, ни Геркулеса, ни Пегаса на месте не оказалось — ушли из зоны видимости. «Но уж коли дорвался до телескопа,— рассудил я,— надо сделать хоть какое-нибудь открытие». И сделал — «порылся» немного во Вселенной и обнаружил несколько симпатичных звездочек, расположенных рядышком в виде восьмерки.

— Ур-ра! — воскликнул я.— Есть созвездие имени 8 Марта. Поздравьте первооткрывателя и примите от лица всех мужчин...

— Поздравляю,— вежливо ответила Нина Викторовна.— А принять не могу. Ведь это же Орион, его невооруженным глазом видно.

И чтоб я не сомневался, даже рисунок показала.

М-да... Во Вселенной, как в универмаге — такая уйма товаров, то бишь звезд, а выбрать в качестве подарка нечего. Пришлось протереть очки и сделать вид, что это я так, пошутил.

— Да вы не огорчайтесь,— успокоила меня Нина Яблокова.— Сама идея — созвездие имени 8 Марта! — это уже подарок. Остается пожелать коллегам-астрономам и в самом деле отыскать в небе нечто подобное.

— А что бы вы хотели пожелать к празднику всем остальным мужчинам?

— Всегда быть для нас, женщин, путеводными звездами. Подобно им щедро расходовать свою энергию, гореть самозабвенно и светить как можно дольше.

— Ну, а каким же в таком случае вы представляете идеального мужчину?

— Идеальных, боюсь, не существует,— вздохнула Нина.— На земле, во всяком случае. Одна надежда на шаровые скопления — как-никак несколько тысяч звезд. Может быть, там водятся...

А вот ответы трех работниц Ярославского шинного завода:

Елена ФИЛАРЕТОВА,
техник-конструктор

— Мой идеал — рыцарь. Умный, добрый, снисходительный к женским слабостям. К таким, например, как страсть к сидению перед зеркалом или «лишним» покупкам. Идеальный мужчина, несомненно, красив и душой и телом.

Пожелание не слишком обременительно: мне бы хотелось, чтобы мужчины, став идеальными Восьмого марта, оставались такими круглый год.

Светлана САТАНОВСКАЯ,
секретарь комсомольской организации цеха № 6

— А мой идеал — мужчина, который все умеет делать по дому: убирает квартиру, стирает, гладит, ходит в магазины, воспитывает детей, гуляет с ними. И, конечно, хорошо работает на производстве. Он должен быть передовиком на работе, но при этом обязательно воспитанным человеком.

На мой взгляд, многим мужчинам не хватает силы воли. Вот я и хочу пожелать им стать волевыми.

Татьяна ДОМБРОВСКАЯ,
лаборант центральной лаборатории

— Среди многих требований к идеальному мужчине есть, с моей точки зрения, одно главное: он должен быть добрым и внимательным по отношению ко всем женщинам. Я бы не ревновала.

Мне бы очень хотелось хотя бы раз в году почувствовать себя мужчиной: лежать на диване и читать книгу, газету. А мужчины в это время поменялись бы местами со своими избранницами.

Зара МАГОМЕДОВА,
председатель профкома совхоза «Автуринский» Чечено-Ингушской АССР

— Хотя идеальных людей (мужчин), как утверждают мудрецы, на белом свете нет, я все же мысленно представляю его себе в первую очередь возвышенным в чувствах, смелым в поступках, трудолюбивым, мастеровым, душевным и обаятельным. Непременное условие для идеального мужчины — любовь к детям, постоянная забота о семье и о собственном культурном развитии. А это значит, чтобы с ним можно было поговорить не только о работе, футболе, автомашине или скачуне, но и о хорошей книге, удачном спектакле, интересной выставке.

С пожеланиями мне, как профсоюзному работнику, выступать приходится часто. Желаю, чтобы он был общительным, умел нравиться людям, мужчинам и женщинам, и всегда оставался внимательным к старикам. И еще чтобы следил за своей фигурой, хорошо танцевал горские танцы, был джигитом, но никогда не лихачил за рулем автомобиля.

К 60-ЛЕТИЮ БОРИСА ПРИВАЛОВА

МЕТКОЕ СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Тридцать лет назад на одном из заседаний секции московских сатириков к нам с Борисом Егоровым подошел плотный, круглощекий человек с веселыми глазами и представился:

— Борис Привалов. Читал вас, мальчики. Ничего, можете...

У «мальчиков» была лишь фельетонная практика в газетах, несколько совместно написанных рассказов и одна тоненькая книжка, вышедшая в библиотечке «Крокодила». А Борис Привалов уже был в маститой компании сатириков как свой среди своих. И мы, давно читая его рассказы и юморески в центральной прессе, зная его книги, с искательным пиететом взирали на усевшегося рядом с нами мужчину.

— Закрутился у меня в голове один сюжет,— сказал Привалов,— предлагаю втроем — для эксперимента — написать сатирический роман. Давайте завтра соберемся и обмозгуем, если вы не имеете лучших предложений.

На следующий день мы собрались, обмозговали и сели за работу. Ох, и нелегки были эти три «романных» года! Наш коллективный труд мы нарекли «романом-фельетоном», дали ему имя «Не проходите мимо». Изданный «Молодой гвардией» неожиданно большим тиражом роман, оправдывая наши самые фантастические надежды, получил много лестных отзывов в прессе, был переведен на разные языки, издан за рубежом. (Кстати говоря, первые отрывки из «Не проходите мимо» задолго до выхода книги были напечатаны в «Огоньке».)

С той поры мы много работали втроем. Писал он в те годы быстро и легко. Перо его почти не знало неудач. Достаточно вспомнить новожанровый роман-водевиль «Садовое кольцо, или Тысяча одна неприятность» (лихая фабула которого вызвала добрую зависть даже у некоторых авторов популярных детективов), или веселую повесть «Трое из одного патруля» (в ней были сделаны весьма любопытные, на мой взгляд, сюжетные изобретения), или рассказы-памфлеты на международную тему, или многочисленные переводы сатиры и юмора.

Но самой главной работой Бориса Привалова в те годы был цикл повестей, написанных по мотивам сатирического фольклора народов СССР (пока их девять, а всех книг, как автор планирует, будет двенадцать). О них писалось много, они не раз переизданы. Любителям юмора хорошо известны повести о похождениях Ходжи Насреддина, об озорном белорусском мужике Нестерко, о молдавских острословах Тындалэ и Пэкалэ, веселой узбечке Майсаре, карельском шутнике Кумохе, о каракалпакском шутнике Омирбеке, о русских скоморохах и кукольниках.

Над веселым фольклором Борис Привалов работает уже более сорока лет. В этой работе у него были замечательные наставники — Алексей Толстой, Джамбул, Гафур Гулям, Владимир Гиляровский, С. К. Шамбинаго, Александр Нечаев. В разное время все они — лично! — направляли творческий поиск молодого литератора, делились с ним сюжетными замыслами, помогали найти верное решение той или иной фольклорной проблемы.

Если уж вспоминать тех, кто помогал моему другу-юбиляру стать писателем, то необходимо помянуть классика нашей советской сатиры — Евгения Петровича Петрова, который на страницах редактируемого им «Огонька» опубликовал первый приваловский рассказ.

За сорок лет литературной и журналистской работы Борис Привалов сделал немало. На редкость широк его творческий спектр: среди его книг есть сборники рассказов о его товарищах времен Великой Отечественной войны, литературно-критические очерки, теоретические статьи по вопросам сатиры и юмора, публицистика, книги для малышей и юношества, драмы и комедии, оперетты и киносценарии.

В последние годы именно сценарии были основной творческой работой Бориса Привалова. Совместно с Камилем Яшеном и Шухратом Аббасом им был создан литературный сценарий художественного многосерийного фильма «Огненные дороги», познакомившего телезрителей с жизнью и революционной деятельностью основоположника советской узбекской литературы Хамзы Хакимзаде Ниязи.

Я завидую Борису Привалову, его юношеской жизнерадостности, творческой неиссякаемости, огромной работоспособности. И хочу пожелать ему сохранить эти качества еще на много лет.

Ян ПОЛИЩУК

ВОЛШЕБНИКИ ИЗ «АРСА»

Н. ХРАБРОВА

Тонкие занавеси и плотные шторы для окон; коричневые с золотом чашки и блюдца; стройные керамические вазы; мохнатые ковры на диванах, на полу, на креслах; домашние туфельки с узором, вполне достойные Золушки-принцессы, чтобы переобуться ей после бала; шейные платки. И еще платки и купоны на платье, варежки и вязаные косынки, свитеры, джемперы, кофты, безрукавки, шарфы, шапки; стеклянные сосуды как декоративного, так и прикладного назначения сугубо модных, нарочито лабораторных форм; медные чайники и кофейники, металлические ожерелья в виде древней гривны с аметистом, кольца и элегантные изделия из кожи натурального дубления. Обложки для книг и паспортов, блокноты, кошельки, шкатулки, кармашки для ключей. Эти кожаные вещи украшены и вытиснены с необычайной пластичностью.

И все это создано в Эстонии мастерами художественного комбината «Арс».

— Можно ли как-то выразить в цифрах неистощимость художественного вымысла? Иначе говоря, сколько видов изделий выпускает «Арс»? — спрашиваю давнего работника объединения Эвальда Мейера.

— Никак не меньше двух тысяч артикулов!

Естественно, что эти «две тысячи артикулов» в течение десятилетий выпускались большими тиражами и попали не только в эстонские дома, но и в квартиры тысяч туристов.

Я попросила рассказать об успехах эстонского прикладного искусства.

— Это — народное творчество, и с древних времен оно было своеобразным и искусным. Но оно угасло бы без творческого участия профессионально образованных художников! Как и в России, где столетия назад художники почувствовали глубокий интерес к развитию народных промыслов, эстонские мастера обратились к народным изделиям... Но это лишь предыстория, хотя она длилась веками.

В развитие своей мысли он привел пример с художественной обработкой металла.

В Таллине выросло несколько поколений умелых эстонских мастеров. Они-то в 1944 году, сразу после освобождения Эстонии от фашистских оккупантов и создания первых художественных мастерских, начали воспроизводить из серебра и мельхиора броши, браслеты, ожерелья по эстонским национальным мотивам.

Развитие остальных видов народных промыслов началось с 1927 года: было создано паевое общество «Кодукяситёэ», что можно перевести на русский язык как «Домашнее рукоделие». Поначалу, правда, рукоделия не было, а скупались по деревням старинные украшения, народные костюмы и предметы быта, и в том доме, где теперь кафе «Таллин», был открыт магазин. Продавщицами в магазине работали молодые женщины. Заметив интерес к эстонскому рукоделию, они взялись за иглы и спицы, даже поставили в своих городских комнатах бабушкины ткацкие станки.

— Я вам советую навестить одну из этих продавщиц, Миральду Мадар,— прощаясь, сказал Эвальд Мейер.— Она продавщица в том магазине и одна из основательниц общества «Кодукяситёэ».

В старинном доме на тихой улочке Херне в комнате Миральды Мадар на полу ковер ее собственной работы, до сих пор он сохранил чистые краски, на диване подушки палево-розоватых тонов.

— Люблю стиль «ретро», как говорят теперь,— улыбается хозяйка дома.

Она моложава и остроумна и, невзирая на пенсионный возраст, живет сегодняшними проблемами искусства.

— У нас в Советском Союзе всемерно поощряется национальное народное творчество, оно индивидуально, следовательно, не фабричное, а ручное. Потому так велик во всем мире интерес к русским, эстонским, литовским, грузинским, таджикским и другим народным изделиям.

Народное творчество — наше общее богатство, и сегодня многое делается для того, чтобы оно не оскудело. Но проблемы есть, и о них рассказал мне молодой директор «Арса» Карл Арусоо:

— Забот у комбината немало. В Эстонии много художников-прикладников, в процентном отношении к населению, полагаю, их больше, чем в любой другой республике. Творческий потенциал их высок, и «Арс» должен суметь в полной мере реализовать его, но техническая база сегодня отстает от творческих возможностей. У нас много заказов как из братских республик, так и из-за рубежа, и, чтобы их выполнить, нам надо перестраиваться, увеличить тиражи наших изделий. Волнует нас и такая проблема. Осташковский завод поставляет нам кожу натурального дубления. Но он реконструируется, и как бы в процессе реконструкции цех натурального дубления не уменьшил выдачу продукции. У нас на комбинате есть художники и скульпторы-монументалисты. Сейчас их заботят строящиеся в республике школы, большую общественно важную работу по украшению школы проводят также художники-оформители, надо разработать школьный интерьер и внешнее окружение так, чтобы все воздействовало на детей облагораживающе, прививало им хороший вкус. Там, где всегда живет искусство, там живет и доброта.

В. Рижко. Род. 1957. БАБКА ОКСАНА. 1983.

Е. Романова. Род. 1944. ЛЕТО. 1982.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ЦК КПСС О ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЕ

УЧЕНЬЕ И ТРУД

И. ЗВЕРЕВ,
вице-президент Академии педагогических наук СССР

Социальное и научно-техническое развитие выдвигает перед всеми областями общественной жизни, в том числе перед образованием, все новые требования. Важно закрепить и развить то лучшее, что есть в жизни школы, преодолеть существенные недостатки, которые тормозят ее дальнейшее развитие.

Современная школа испытывает трудности в обеспечении учителями, ощущаются пробелы в учебно-воспитательной работе, не все выпускники подготовлены к труду, активной общественной жизни, в улучшении нуждается материальная база, теснее должна быть связь школы с производством. Обучение и воспитание активного труженика, обладающего высокими гражданскими качествами, способного защищать отечество, здорового и физически развитого,— вот в чем выражается социальный заказ общества школе сегодня.

Подчас высказывается мнение, что предстоящая реформа требует коренной ломки школы; в других случаях утверждается, что в «основных направлениях», наоборот, не предусмотрено ничего нового, просто предстоит «косметический ремонт». На мой взгляд, обе эти оценки неверны.

Реформа подготовлена всем процессом становления и развития советской школы, бережно сохраняющей все ценное, добытое трудом нескольких поколений ученых, педагогов, учителей. Наши зарубежные друзья, педагоги социалистических стран, высоко оценивают направления реформы советской школы и видят в ней много общего с тем, что происходит в развитии образования НРБ, ГДР, ЧССР. Прогрессивные деятели капиталистических стран также отмечают наши успехи в области образования.

Что же нового несет реформа?

Вводится новая структура среднего и профессионального образования: начальная школа — I—IV классы; неполная средняя школа — V—IX классы; X—XI классы общеобразовательной школы; средние профессионально-технические училища; средние специальные учебные заведения (техникумы). Предусмотрен постепенный переход на обучение с шестилетнего возраста. Большее значение придается гуманитарным предметам, обществоведению. Укрепляется связь школы и внешкольных детских учреждений. Ведущая роль в формировании молодого человека отводится трудовой деятельности школьников. Базовое предприятие обязано будет обеспечить необходимые условия для полноценного труда учащихся.

Особое место в реформе отводится укреплению авторитета учителя, повышению престижа педагогического труда. Высокое положение учителя в социалистическом обществе должно подкрепляться заботой о его духовном развитии и материальном положении. Намечается повышение зарплаты всем категориям педагогических работников средней школы. Конкретные меры касаются улучшения подготовки учителей, повышения их квалификации. Намечено укрепление материальной базы; расширится производство учебного оборудования, современных технических средств обучения, мебели, станков, приборов, сельскохозяйственных машин для школ.

Реформа школы — это долговременная программа, глубокие изменения, требующие больших капиталовложений, будут осуществлены главным образом в период с 1986 по 1990 год.

Неудивителен огромный интерес, который проявляют к проекту реформы люди различных специальностей. Остро обсуждается снижение начального возраста обучения детей, создание необходимых условий для полноценного развития детей, вопросы материального положения учителя, намечаются различные подходы к изучению предметов с учетом способностей учащихся. Должен сказать, что предстоит еще большая работа по уточнению учебного плана школы, ждет своего решения вопрос о наборе учебных предметов по классам и распределении учебного времени.

Научно-исследовательские коллективы, отделения и президиум АПН СССР наметили конкретные меры помощи школе. Уже к началу нового учебного года будут подготовлены методические рекомендации, усовершенствованные программы, пособия для учителей, учебники, монографии, статьи по актуальным проблемам, предназначенные для работников управления народным образованием, директоров и педагогов школ и ПТУ, родителей. Часть материалов будет подготовлена непосредственно для учащихся.

Освобождение программ и учебников от излишне усложненного материала, рекомендации по совершенствованию методов обучения, устранение перегрузки учащихся дадут учителю возможность больше внимания уделить воспитанию.

Предстоит внедрить в практику рекомендации по наблюдению за психическим развитием учащихся подготовительных классов школ, групп детских садов.

Большое внимание уделяется разработке проблем физического воспитания и развития. Впервые создан учебник по физической культуре для учащихся IV—VI классов. К январю 1985 года будет подготовлен учебник для VII—VIII классов. В старших классах вводится новый предмет — «Этика и психология семейной жизни».

Задача коренного улучшения трудового воспитания, обучения и профориентации в общеобразовательной школе, усиления политехнической, практической направленности преподавания определяет необходимость научно-педагогической разработки содержания и организации общественно полезного, производительного труда. Конкретную помощь учителю окажут методические рекомендации, а также факультативный курс «Основы выбора профессии». Разрабатываются методические рекомендации по комплексному планированию трудового воспитания учащихся в условиях агропромышленного объединения. Готовится проект «Положения о самообслуживании учащихся в школе и семье», а также новые правила для учащихся, которые усилят их ответственность за качество учебы, за соблюдение учебной и трудовой дисциплины.

В проекте ЦК КПСС подчеркивается: «Цели реформы благородны, высоконравственны, гуманны». Нет никаких сомнений, что реализация их будет иметь огромное значение для прогресса нашего общества.

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

ВЫПУСКНИК. А КТО ОН?..

Каждый год из школы уходят будущие конструкторы и юристы, строители и офицеры, преподаватели, артисты, ткачихи, токари... И все-таки редко их учителя могут предсказать с уверенностью: «Этот мальчик, например, станет архитектором! Мы увидели в нем нужные для этого задатки и помогли раскрыть их, помогли тем самым определить судьбу человека». А ведь как много значит это и для него самого и для государства!

Перестраивая систему народного образования, мы должны предусмотреть максимум возможностей для педагогов заниматься формированием личности, чтобы как можно раньше раскрыть в ребятах способности, склонности, интересы и помогать развивать их.

Максимум возможностей... Говорю, а сама думаю: да хотя бы приличный минимум таких возможностей. Все мы знаем, что сегодня учитель невероятно загружен и, что самое досадное, часто загружен делами, имеющими к воспитанию отношение весьма отдаленное. А ведь помочь человеку сформироваться куда сложнее, чем приучить его готовить уроки, объяснить, как решать уравнения, приучить запоминать даты исторических событий и элементы таблицы Менделеева. Надо заниматься с детьми, заниматься в так называемое неурочное время, много и добросовестно готовиться к таким занятиям — ездить по стране, читать, бывать в театрах, не пропускать интересные концерты. Все это нужно предусмотреть, вписать в систему, подкрепить материально, перестать уповать на самодеятельность, на вдохновение энтузиастов-одиночек (сейчас мы как о редком явлении говорим о способности и желании учителя ходить, например, с ребятами в походы по родному краю).

Надо что-то менять в планировании строительства школ. В большинстве их кабинеты тесны и не очень-то пригодны для кружковой работы. Мало помещений вообще, и мы сплошь и рядом ждем, пока иссякнет приток детей и появится возможность вести занятия в одну смену.

Я верю в успех школьной реформы, потому что записанное в проекте — живое, выношенное и, как правило, где-то уже апробированное. Значит, необходимо лишь, посоветовавшись, отобрать самое лучшее, утвердить и сделать доступным.

К. СУПОНЕВА, педагог

Минск.

ШКОЛА И ФИЗКУЛЬТУРА

В проекте ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» уделяется внимание и проблемам физического воспитания.

В 16-м параграфе проекта реформы школы записано о подготовке и воспитании молодого поколения физически развитым, здоровым, жизнерадостным, готовым к труду и защите Родины. И далее говорится, что для этого должны быть созданы условия, надо построить спортивные залы и площадки, хорошо оснащенные оборудованием и инвентарем, а также предлагается шире использовать базы спортивных организаций и клубов, предприятий и учреждений.

Все это, конечно, и будет осуществляться в следующей пятилетке, когда появятся нужные средства — и финансовые и материальные.

...На пришкольном участке Николаевской средней школы № 1 города Славянска Донецкой области с начала 1981/82 учебного года стало шумнее, веселее, чаще раздаются судейский свисток, ребячий смех, возгласы. Здесь, кроме старого школьного стадиона, появился сооруженный новый спортивно-гимнастический комплекс. Энтузиастом строительства этого комплекса стал коммунист, учитель физического воспитания Виктор Николаевич Сердюк. Круглый год комплекс не бывает пустым. Здесь занимаются учащиеся начальных классов и воспитанники групп продленного дня, а их свыше двухсот. Тренируются на снарядах и старшеклассники. Приходят сюда для спортивных занятий и из других школ поселка.

Как же не быть благодарным тем, кто, не считаясь со временем, помогал на строительстве комплекса и работал безвозмездно! Активное участие принимали в этих работах родители Ю. Ф. Асташенко, В. Д. Крутько, Г. В. Аношкин, Г. И. Роговец, В. В. Токарев, И. И. Москвиец и другие.

В школе систематически работают секции по баскетболу, легкой атлетике, футболу, стрельбе, по настольному теннису. Активно работает группа ОФП — общей физической подготовки. Учителям помогают лучшие спортсмены-разрядники из старших классов.

М. ЗАПЕВАЛОВ,
ветеран педагогического труда

Славянск,
Донецкой области.

«О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера Музу нам явил...»

(А. С. Пушкин — Н. И. Гнедичу.)

«Пой нам по-своему, русский баян!
Небом родным вдохновенный,
Будь на Руси ты певец несравненный».

(Н. И. Гнедич — А. С. Пушкину.)

Пушкин, Жуковский, Гнедич.

Фрагмент литографии Г. Г. Чернецова. 1830-е годы.

ПУШКИН И ГНЕДИЧ

В литературном кружке «Арзамас», членом которого был Пушкин (Сверчок — его арзамасское прозвище), на потеху была вывешена строка из «Тилемахиды» Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». В. К. Тредиаковский почитался пророком у непримиримых противников «Арзамаса» — в обществе «Беседа любителей русского слова». Николай Иванович Гнедич, старший современник Пушкина, хоть и иронизировал над «Беседой», но тяготел к ней, ходил на ее собрания, печатался в «Чтениях Беседы». Еще в юности он поражал товарищей своей исключительной любовью к «Тилемахиде». Когда Пушкин по выходе своем из лицея познакомился с Гнедичем, тот уже несколько лет переводил «Илиаду» Гомера гекзаметром — размером греческого подлинника. Но это был **русский** гекзаметр, разработанный Тредиаковским и насыщенный архаизмами. Именно таким способом считал Гнедич возможным передать «простоту, силу и важное спокойствие», присущие стилю Гомера. Чуткий Пушкин с постоянной заинтересованностью следил за работой переводчика и еще задолго до окончания называл труд его **подвигом.** Здесь сказалась гениальная проницательность великого поэта, сумевшего, несмотря на свой арзамасский радикализм, почувствовать правильность выбора и подлинное значение этого подвижнического труда. Позже мнение Пушкина разделит Белинский: «С именем Гнедича соединяется мысль об одном из тех великих подвигов, которые составляют вечное приобретение и вечную славу литератур».

Николай Иванович Гнедич родился 2 февраля 1784 года в Полтаве в небогатой дворянской семье. Перенесенная в раннем детстве оспа обезобразила его лицо и лишила правого глаза. Он будет постоянно пытаться компенсировать уродство изысканной одеждой, вызывая иронические усмешки окружающих. Всю жизнь проживет он холостяком. Гнедич учился сначала в Полтавской духовной семинарии, затем в Харьковском коллегиуме, благодаря чему в совершенстве знал древние языки. Завершил образование он в Московском университетском пансионе. С раннего возраста определились его интересы: литература и театр. Гнедич служил в Петербурге в Публичной библиотеке под началом А. Н. Оленина и был частым гостем его имения Приютино, где собирались литераторы, художники, артисты. Для приютинского домашнего театра писал пьесы, сам играл на сцене. Занимался он и с профессиональными артистами, обучая их искусству декламации.

Двадцатилетний Пушкин в статье «Мои замечания об русском театре» довольно пренебрежительно отозвался о «вечно восторженном поэте Гнедиче». Статья была посвящена выдающейся трагической актрисе Е. Семеновой, которую тот обучал по своей системе и для которой перевел «Танкреда» Вольтера. Гнедич, безответно влюбленный в Семенову, простил юному поэту несправедливую оценку и не затаил обиды. «Благодарю за участие и беспокойство»,— пишет Пушкин Гнедичу весной 1820 года в тревожные дни перед ссылкой. А в кишиневский период Гнедич довольно частый пушкинский корреспондент. Он принимает участие в издательских делах поэта, причем пользуется его позволением наравне с Жуковским и Плетневым «исключать, марать с плеча». Известны высокие оценки Пушкиным не только переводов, но и оригинального творчества Гнедича. В письме к брату Льву Сергеевичу Пушкин восхищается стихотворением «Тарентинская дева»: «Гнедич у меня перебивает лавочку — Увы, напрасно ждал тебя жених печальный и проч.— непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнасе». В «Примечаниях к «Евгению Онегину» Пушкин цитирует довольно большой отрывок из гнедичевой идиллии «Рыбаки», замечая: «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича». Но особенно пристально следит за переводом «Илиады»: «...что вы делаете, что делает Гомер?»; «Это будет первый классический, европейский подвиг в нашем отечестве»; «Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг». Когда здоровье Николая Ивановича пошатнулось, Пушкин пишет Плетневу: «Гнедич не умрет прежде совершения **Илиады** — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк». Пророчество Пушкина сбылось: в конце 1829 года после двадцати двух лет кропотливого труда вышел в свет перевод «Илиады». Древним гомеровым размером русскому читателю излагался легендарный эпос:

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
Словно как на небе звезды вкруг месяца ясного сонмом
Яркие блеском являются, ежели воздух безветрен;
Всё кругом открывается — холмы, высокие скалы,
Долы; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится...

Пушкин писал в «Литературной газете»: «Русская **Илиада** перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность». Гнедич послал Пушкину письмо с изъявлением глубокой благодарности: «Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, что было бы сказано так благородно и было бы мне так утешительно и сладко!»

И вот осенью 1830 года — знаменитой болдинской осенью! — Пушкин, видимо, заканчивает внимательное и сосредоточенное чтение «Илиады». Там он сначала набрасывает эпиграмму: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера. Боком одним с образцом схож и его перевод». Но тут же тщательно ее вымарывает. Однако в начале XX века дотошные пушкинисты сумели разобрать двустишие и сделали достоянием широкой публики отражение минутного озорного настроения поэта, им самим немедленно осужденное и, по сути, уничтоженное. Но вырвалось же оно все-таки. Были какие-то причины?

Со стороны Гнедича отношение к Пушкину можно определить как безусловное пылкое восхищение. Пушкин к Гнедичу испытывал глубокое уважение, вызванное прежде всего самим фактом появления «русской Илиады», титаническим трудом переложения античной поэмы с подлинника (Жуковский перелагал Гомера с немецкого перевода). Вместе с тем Пушкин, конечно, чувствовал некоторую напыщенность, чопорность, свойственные Гнедичу в жизни и отчасти в творчестве. Недаром В. А. Соллогуб писал о нем: «Он, кажется, и думал гекзаметрами и относился ко всему с вершины Геликона».

Но вот Пушкин здесь же, в Болдине, явно под впечатлением от «Илиады», сам пишет гекзаметром четыре «анфологических» стихотворения: «Труд», «Царскосельская статуя», «Рифма», «Отрок». И что же? В этих стихах тоже появляются архаизмы: «дева», «отрок», «приявший», «брег», «мрежи», «уловлять» и т. п. Видимо, сам размер требует определенной «высокой» лексики, иначе не достичь «важного спокойствия». Раздумья над переводом «Илиады», собственные упражнения в гекзаметре способствовали утверждению высокой оценки труда Гнедича. В эти же дни Пушкин пишет: «...наша словесность с гордостию может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года Жуковского, перевод «Илиады»...» И в конце концов спустя месяц после зачеркнутой эпиграммы рождается величавое пушкинское двустишие:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Пушкин окончательно признал победу Гнедича. Жаль, однако, что в н е ш н е эпиграмма оказалась связана с именем Гнедича, а панегирик — только с Гомером!

Спустя два года Пушкин напишет еще одно стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...», в котором даст синтетический портрет Гнедича — поэта, переводчика, театрального деятеля.

В начале 1825 года из Михайловского Пушкин писал Гнедичу, советуя ему по окончании перевода «Илиады» заняться русским эпосом. Н. М. Карамзин, завершив «Историю государства Российского», отметил в посвящении: «История народа принадлежит царю». Декабрист Н. М. Муравьев возразил ему: «История принадлежит народам». Пушкин в письме к Гнедичу предлагает свою формулировку: «История народа принадлежит поэту». Гнедича привлекала история России, «невоспетые тени» русского эпоса. Он уже составил план эпической поэмы о Святополке. К сожалению, тяжелая болезнь не позволила осуществить намеченные замыслы. Н. И. Гнедич умер в Петербурге 3 февраля 1833 года. Пушкин был в числе хоронивших его.

А. КАСЬЯНОВА

Марк ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный
обозреватель «Огонька»

...ТЕПЕРЬ СХОДИТЕСЬ!

Приступая к статье о крупном шахматном событии, каждый комментатор непременно обращается к фактам истории, стремясь в аналогиях найти основу для своих оценок и прогнозов. На этот раз на такое подспорье рассчитывать не приходится. Предстоящий поединок В. Смыслова с Г. Каспаровым во многих отношениях беспрецедентен.

Впервые почти за столетие борьбы за первенство мира в матче встретятся соперники, которых разъединяет сорок два года — целых два поколения! Шутка ли сказать, когда Гарри Каспаров только появился на свет, Василий Васильевич Смыслов уже перешагнул вершину своей славы (во всяком случае, первую!), успев и завоевать высший шахматный титул и потерять его. Никогда еще не случалось, чтобы один из претендентов вступил в поединок, имея за плечами 36-летний опыт борьбы за шахматную корону, а его соперник предпринимал лишь первую попытку восхождения на шахматный Олимп. Впрочем, далеко не ясно, кому это даст преимущество. У шахматистов особые критерии.

Слово Смыслову: «Отвергаю точку зрения, что возраст является серьезной помехой для шахматиста,— говорит ветеран.— Если кто-то считает, что я перешел свои возрастные границы, то Каспаров, возможно, еще не достиг пика своего творчества».

Это высказывание тем более справедливо, что, как показали недавние полуфинальные матчи, игра Василия Васильевича заметно «помолодела», а Гарри, напротив, во время суровых лондонских испытаний обрел недостававшее мужество. Но самое любопытное в предыстории их поединка — это то, что именно В. Смыслов предрек своему нынешнему сопернику большое шахматное будущее.

Когда 9 лет назад они впервые встретились за шахматной доской (разумеется, это было в сеансе одновременной игры), маститый гроссмейстер сказал в утешение юному поверженному партнеру: «Если я выигрываю у мальчика, то ему предстоит большое шахматное будущее. Так уже было со Спасским. Я у него выиграл, и со временем он стал чемпионом мира».

Но не только разница в возрасте определит драматургию предстоящего единоборства. Творческий конфликт не в меньшей степени заложен в противоположности шахматных индивидуальностей и характеров партнеров. Здесь столкнутся в извечном споре классик с романтиком, мудрый исследователь — с дерзким экспериментатором, ревнитель истины — с ниспровергателем канонов.

Игра В. Смыслова на редкость гармонична, кристально ясна и последовательна. В автобиографической книге с программным названием «В поисках гармонии» он сам говорит: «Я всегда искал в шахматной партии не только победы, но и торжества логики. Эстетика шахматного творчества для меня означает прежде всего правильность идеи, ее истинность, раскрытую в ясной логике мысли».

Но было бы большим заблуждением полагать, что такое классическое кредо накладывает отпечаток сухого академизма на игру Смыслова. От этой опасности его гарантирует прирожденный артистизм. Посмотрите партии лондонского матча. Сколько в них выдумки, фантазии, наконец, азарта! Не случайно седьмой поединок матча с З. Рибли отмечен как один из красивейших в прошлом году.

Давний друг Василия Васильевича и его нынешний секундант Ю. Авербах как-то поделился со мной: «Это прозвучит парадоксально и идет вразрез с установившимся мнением, но мне кажется, что главная сила Смыслова... в тактической изобретательности».

Поистине большой художник всегда неожидан!

Все более многогранным и универсальным становится и стиль Гарри Каспарова. Еще недавно в его игре подмечали главным образом взрывчатую энергию, комбинационную фантазию, юную отвагу. А в матче с В. Корчным Гарри предстал уже и как тонкий стратег, и как большой знаток эндшпиля, и, что особенно примечательно, как хладнокровный боец. Ему не доставляли, как прежде, затруднения позиции, требовавшие медлительного маневрирования или терпеливой обороны. Гарри Каспаров стал «не мальчиком, но мужем».

Такая метаморфоза не происходит сама собой. К чести молодого гроссмейстера, она явилась следствием его углубленной аналитической работы. Недаром патриарх наших шахмат Михаил Моисеевич Ботвинник, уделивший в свое время немало внимания совсем юному Гарри, недавно назвал Каспарова не только великолепным практиком, но и многообещающим исследователем. В устах скупого на похвалы Ботвинника это высший комплимент!

И все же главными козырями Г. Каспарова остаются стремительность в атаке, комбинационная изобретательность и быстрый и точный расчет многоходовых вариантов. Вспомните поединок Каспаров — Портиш из турнира в Никшиче, столь характерный для игры нашего гроссмейстера (см. «Огонек» № 46 за 1983 год). В том поединке было все, что радует сердце любителя шахмат,— смелая дебютная идея, эффектные жертвы, необычное преследование короля. И не случайно эта партия наряду с уже упомянутой — Смыслов — Рибли — признана авторитетным жюри лучшим творческим достижением прошлого года!

В сравнении партий-лауреатов, где победители как раз и являются соперниками будущего поединка, ключ к объективным прогнозам. Наслаждаясь их разбором, можно заодно сделать вывод, что иррациональные ситуации на доске — к выгоде Каспарова, а логичные классические построения — на руку Смыслову. При столкновении столь противоположных стилей успех обычно сопутствует той из сторон, которой удается навязать «свою» игру в поединке, овладеть творческой инициативой. А это уже зависит и от предматчевой подготовки, от умения точно «запрограммировать» партнера, и от многих других факторов, которые и предсказать невозможно...

Пока же некоторое психологическое преимущество на стороне Г. Каспарова. В трех партиях, сыгранных до сих пор между ним и В. Смысловым (исключая, разумеется, давний поединок в сеансе одновременной игры), Гарри Каспарову удалось одержать две победы при одной ничьей. И хотя тому уже три года, но определенный эмоциональный фон накануне старта этот результат создает...

До начала интригующего поединка остаются считанные дни. Это ощущается во всем. В штабах соперников уже закончена подготовка к грядущим сражениям и генеральные стратегические планы сторон определены во всем объеме; для журналистов истекло время предматчевых прогнозов; организаторы баталий в Вильнюсе наводят последний блеск в Белом зале Дворца работников искусств, отведенном для поединка; а любители шахмат во всем мире с нетерпением ждут ярких впечатлений от встречи двух замечательных советских гроссмейстеров.

В единоборство вступают В. Смыслов и Г. Каспаров!

КАК НАС ЧИТАЮТ

БУМАГА-ТО ТЕРПИТ...

Не вызывает сомнения, что фактические ошибки, неточности, искаженные цитаты, опечатки — самый настоящий брак печатной продукции. Поэтому упорную борьбу, которую ведет с этими досадными явлениями «Литературная газета», можно только приветствовать. Однако, прежде чем напечатать на страницах критический материал, редакции «Литературной газеты» следовало бы тщательно проверять его достоверность, особенно если информация была получена «со стороны», от не всегда компетентных читателей.

Так, в «Литературной газете» № 8 от 22 февраля 1984 года Нат. Иванова в заметке «Бумага стерпит?..», основываясь на письме внука поэта П. Г. Антокольского А. Л. Тоома, утверждает, что в журнале «Огонек» № 29 за 1983 год было «безжалостно искажено» стихотворение П. Антокольского «Маяковский». Приведя некоторые слова стихотворения, не совпадающие с текстом в «авторитетных» (?), как их определяет Нат. Иванова, изданиях, упомянув различие в пунктуации, автор высказывает весьма неожиданное и, прямо скажем, смелое предположение, что «редакция «Огонька» решила немного усовершенствовать известное стихотворение».

Мы вынуждены разочаровать автора заметки в «Литературной газете» — стихотворение «Маяковский» перепечатано в юбилейной подборке «Огонька» из сборника «Советские поэты о Маяковском» (М., «Советский писатель», 1976) точно в той редакции, в которой оно опубликовано в сборнике. Издание это появилось при жизни Антокольского и, насколько нам известно, эта редакция стихотворения не была им дезавуирована.

Кстати, разве сборник, специально посвященный Маяковскому и вышедший в издательстве СП СССР «Советский писатель», следует отнести к странной категории «неавторитетных»? Или Нат. Иванова просто не знает о его существовании?

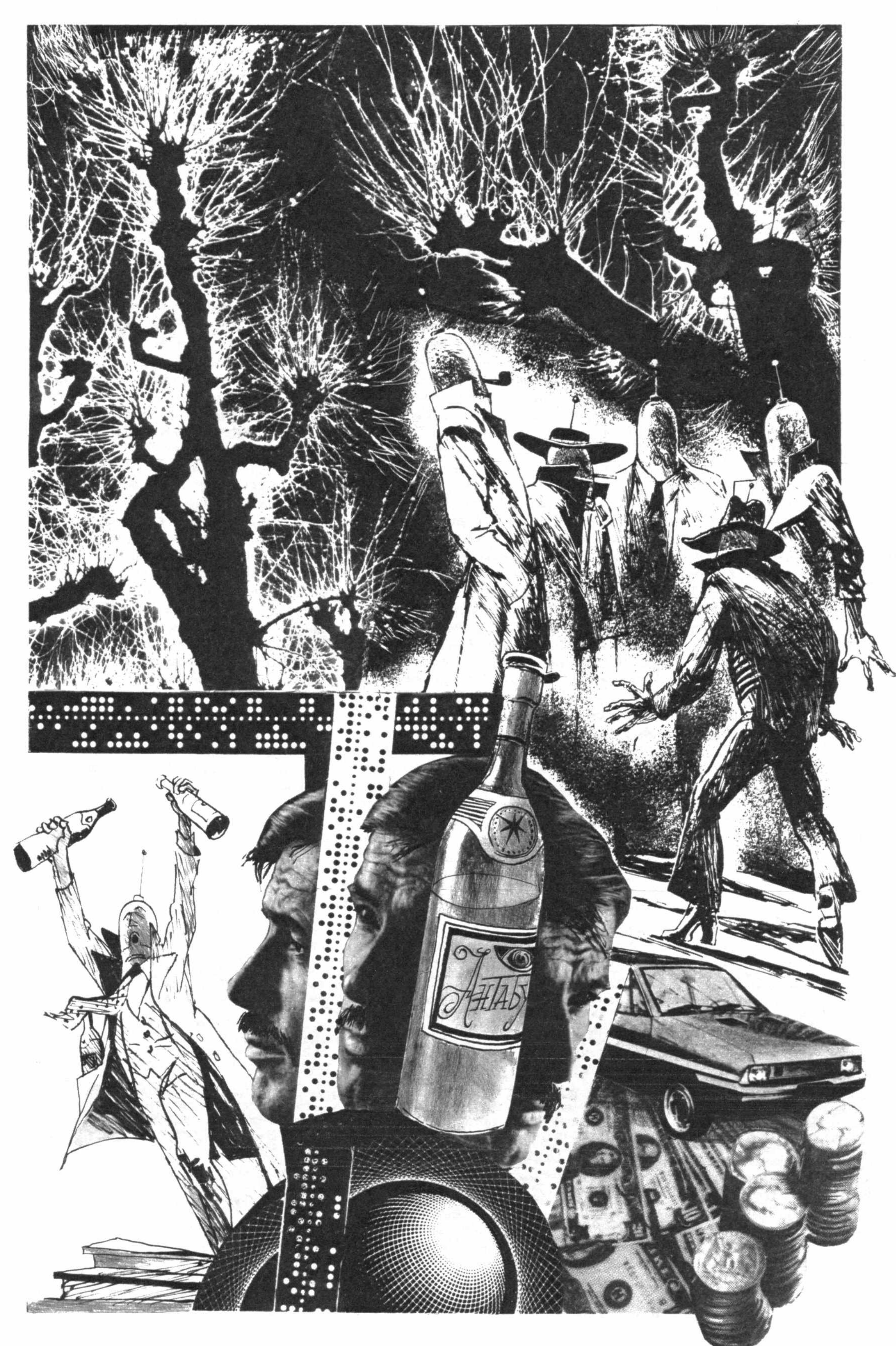
Ясно лишь одно — А. Л. Тоом слишком поздно стал проявлять внимание к творчеству знаменитого деда, иначе свои сомнения он выяснил бы восемь лет тому назад, не введя ныне в заблуждение излишне доверчивых автора и сотрудников авторитетного органа.

ЖЕРТВА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

СПОРТИВНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Пролетающий над Бермудским треугольником самолет неожиданно терпит аварию и вместе с пассажирами таинственным образом оказывается в антимире. Руководство одной из футбольных команд антимира, узнав, что среди пассажиров находится. футболист Олег Ящиков, договаривается с ним о его зачислении в команду «Антилопа». Ящиков с удивлением узнает, что футболу антимира присущи проблемы, прямо противоположные тем, к которым он привык: засилье наступательных построений, проблема своего поля, воинствующая вежливость соперников... Едва освоившись, Олег вступает с этими тенденциями в решительную борьбу.

СХВАТКА В НОЧИ

К великому неудовольствию Ящикова, должность старшего антигравитатора, которую он для себя выбрал, заключала в себе функции бригадира грузчиков на базе антисырья. Причем силы гравитации преодолевались здесь в основном методом «раз-два, взяли!». Из техники на базе был лишь старенький автокар, который к тому же мог передвигаться только задним ходом. Автокаром управлял одноклубник Олега — Кондратьев, а капитан «Антилопы» Пантилеев и его приятель Бантиков, едва успевшие наскоро пообедать после сегодняшнего матча, с энтузиазмом толкали по двору тяжелые ящики с антисырьем. Увидев Ящикова, одноклубники бережно опустили свой груз на землю и бросились пожимать ему руку.

— Ну и что за радость? — сухо заметил Олег. — Для того, чтоб таскать с места на место эти грязные ящики, не обязательно быть классным футболистом!

— Ну, что вы! — застенчиво возразил Кондратьев. — Если бы вы не были известным футболистом, вам ни за что бы не устроиться на эту должность. Специальность антигравитатора у нас самая престижная. Ведь на этой базе антисырья из разных отходов после переработки изготовляют товары широкого потребления.

Ящиков пожал плечами и почему-то вспомнил, что «там» отходы всякие — или, как здесь говорят, антисырье — сжигают или запросто сбрасывают в реки, что, как ему показалось, гораздо проще.

Однако вслух он не сказал об этом, а, обратившись к Кондратьеву, спросил:

— Неужели тебе всерьез нравится это дело?

— Очень! — прочувствованно сказал Кондратьев.— У нас вся молодежь сюда стремится. Конечно, ее можно понять! Кому охота в наше время быть, скажем, киноактером, писателем или, например, каким-нибудь начальником?! Что за радость протирать штаны за письменным столом да ездить по заграницам?! На это разве что какой-нибудь неудачник согласится... А антигравитатор — это профессия для настоящего мужчины!

Ящиков хмыкнул и, сославшись на то, что ему надо получить ключи от новой квартиры, исчез с базы, оставив вместо себя за старшего Пантилеева.

...Как и обещал Антимоньев, жилье Олегу предоставили из антикварного фонда. Видимо, поэтому, сколько ни крутил Ящиков ключом

Продолжение. См. № 9.

в замочной скважине, дверь открываться и не думала. Какой-то прохожий, увидев мучения Ящикова, остановился и с изумлением уставился на него. Он стоял так минут десять, не произнося ни слова, и наконец не выдержал:

— Простите мою бесцеремонность, вы не скажете, что это вы делаете?

— Что, что! — огрызнулся Олег. — Сам, что ли, не видишь? Дверь отпираю!

— Дверь?! — еще больше удивился прохожий. — А зачем ее отпирать, если она не заперта?

— Не заперта?! — не поверил Ящиков.— А чего же она тогда не открывается?

— А в этом доме ни одна дверь не открывается, — с готовностью объяснил прохожий.— Они все с самого начала были перекошены. Разве вам не говорили, что этот дом — из антикварного фонда?

— Говорили. Ну и что из этого?

— А то, что относящиеся к этому фонду антиквартиры нельзя трогать руками. Поэтому не советую вам так наваливаться на дверь — она может рухнуть вместе с косяком.

— А как же мне попасть в квартиру? — растерялся Олег.

— Как все, — пожал плечами собеседник.— Через окно. Тем более, что ваша квартира на первом этаже и вам не придется взбираться по водосточной трубе.

Ящиков внимательно поглядел на него, пытаясь понять, не морочит ли ему этот тип голову. Убедившись наконец, что тот не шутит, Олег отошел от двери и сердито поинтересовался:

— А может, окна в этом сумасшедшем доме тоже не открываются?

— Нет, нет,— заверил его мужчина.— Окна, наоборот, не закрываются. Так что вы легко сможете попасть к себе домой.

Ящиков вышел на улицу, обогнул угол дома. Окна действительно были нараспашку. Квартира, распахнув объятия, приветствовала своего нового владельца. Олег поплевал на руки, взобрался на подоконник и, спрыгнув внутрь, приступил к осмотру отведенной ему скромной антикварной обители.

Комната была обставлена просто, но со вкусом. Больше всего Ящикова заинтересовал диван, широкий и зеленый, как штрафная площадка. И такой же жесткий. Это выяснилось, когда Олег с размаху сел на него. Диван громко крякнул и, набирая скорость, поехал вдоль стены. Волосы зашевелились на голове у Ящикова. Он на полном ходу спрыгнул на пол и завороженно смотрел, как диван самостоятельно, без седока, добрался до окна и, вздрогнув, остановился. Только теперь Олег заметил, что пол возле окна был значительно ниже, чем у противоположной стены, так что оставалось только удивляться, почему диван не съехал под откос еще раньше, при прежнем владельце.

Скользя по натертому паркету, Ящиков поднялся по нему в гору и прошел в кухню. Слегка взволнованный увиденным, Олег открыл кран с холодной водой и подставил под него разгоряченный лоб. Когда он понял, что этого делать не следовало, было уже поздно. Из крана мощной струей хлынул кипяток. Ящикову пришлось бы совсем плохо, но в тот же миг чья-то уверенная рука решительно завернула кран и знакомый голос взволнованно произнес:

— Осторожно! Какое отчаянное безрассудство! Разве можно так легкомысленно обращаться с бытовыми приборами? Вы пренебрегаете техникой безопасности!..

Олег повернулся и увидел того самого прохожего, который столь любезно ознакомил его со спецификой антикварного жилого фонда.

— Вы что тут делаете?— подозрительно прищурился Ящиков.— Как вы сюда попали?

— Как все,— пожал плечами гость.— Видите ли, я из жилищной конторы, пришел к вам по поводу квартплаты...

— Еще чего не хватало!— возмутился Олег.— Какая может быть квартплата, когда я и въехать-то толком не успел! Наоборот, чуть не выехал на этом дурацком диване!

— Квартплату у нас принято вносить вперед,— твердо возразил пришелец.

— Да у меня еще и денег нет!— беззастенчиво соврал Ящиков.— Получка только через две недели будет...

— Об этом не беспокойтесь,— великодушно сказал гость.— Деньги вам не понадобятся. Я вам дам без сдачи.

— Что... что дадите?— не понял Олег.

— Как что? Квартплату. Неужели вы не в курсе? За жилье из антикварного фонда мы сами выплачиваем жильцам квартплату. Нам ее перечисляют строители, которые возвели эти дома. Мы стараемся вносить квартиросъемщикам деньги вперед, а то, сами понимаете, всякое может случиться. Я вчера одному жильцу не успел заплатить, а он сегодня ногу о паркет сломал. Теперь ищи его по всем больницам... Так что вы уж не взыщите!

Он отсчитал опешившему Ящикову несколько купюр, добавил мелочи и, пожелав всяческих успехов, исчез в окне.

...Утомленный событиями дня, спать Олег лег рано. Решив больше не иметь никаких дел с диваном, Ящиков облюбовал для отдыха могучую полированную кровать, рассчитанную, по-видимому, на две семьи. Помня уроки прошлого, он опустился на нее робко и нежно, словно стрекоза на одуванчик. Кровать лязгнула зубами, но осталась на месте. Тогда он несмело вытянулся на ней во весь рост, укрылся одеялом и осторожно, соблюдая все правила техники безопасности, закрыл глаза...

Среди ночи Олег проснулся от какого-то неясного шума. Жалобно звякнуло стекло, потом еще раз. Тихо заскрипела рама. Ящиков испуганно открыл глаза и всмотрелся в темноту. Над подоконником показалась какая-то тень, потом исчезла. Кто-то тихо, но вежливо выругался, ему ответили, и снова мелькнула тень. Сомнений быть не могло: в квартиру пытались проникнуть злоумышленники.

Первой мыслью Олега было броситься бежать. Он уже потянулся за носками, но в этот момент вспомнил, что все пути для побега отрезаны: дверь не открывалась, а в окне зловеще маячила чья-то преступная голова.

«Что делать? — билась в мозгу судорожная мысль.— И как эти жулики узнали, что я квартплату получил? Ладно бы уж только деньги взяли, а то ведь еще убьют, мерзавцы, ни за грош!»

Ящиков инстинктивно вжался в кровать, но она в ответ не проявила ни малейшего великодушия и так недовольно, хрипло заворчала, что Олег в панике соскочил с нее и заметался по комнате, ища, куда бы спрятаться. Медлить было нельзя. Один из злоумышленников уже взобрался на подоконник и, сидя на корточках, протягивал руку второму. Все решали секунды. Ящиков подбежал к дивану, слегка отодвинул его от стены и, юркнув в образовавшийся просвет, затаил дыхание.

Тем временем грабители неловко спрыгнули в комнату и принялись шарить по углам.

— Куда же он подевался?— шепотом спросил один.— Кровать пустая...

— На диване тоже нету,— недоуменно отозвался второй.— Я же говорил тебе, надо было прийти пораньше!

— Раньше никак не мог! Ты же знаешь, я в операции участвовал...

— Как будто твои ребята без тебя не могли там управиться!

— Не могли. Никак не могли. Операция очень сложная была...

Пока незваные гости шарили по квартире, Ящиков лежал за диваном и пытался потихоньку смахнуть с носа прилипшую паутину.

«Только бы не чихнуть,— мысленно заклинал он себя.— Только бы не чихнуть...»

— Надо в ванной посмотреть,— снова подал голос первый грабитель.— Может, он там?

Натыкаясь в темноте на мебель, он на ощупь выбрался из комнаты и направился к совмещенному санузлу. Олег замер. Под ванной у него была спрятана самая заветная вещь, которая только и связывала его последней тоненькой ниточкой с тем далеким, когда-то родным ему миром. И вот теперь грабитель покушался на самое дорогое, что было у Ящикова.

Неожиданно из санузла послышался звон, и в тишине что-то жалобно забулькало.

— Что ж ты наделал, гад!— вскипел Олег.— Ты же мне последнюю водку разбил! Жулик проклятый!

Забыв об опасности, он одним яростным прыжком выскочил из-за дивана и, словно раненая пантера, бросился на грабителя. Тот испуганно отпрянул и, таща на плечах повисшего на нем Ящикова, кинулся искать защиты у напарника. Тем временем второй грабитель, услышав шум, нашарил на стене выключатель и зажег свет.

— Добрый вечер,— извиняющимся голосом произнес он.— Вы меня не узнали? Я тот самый десятый номер команды «Атлантида», который в сегодняшнем матче нанес вам травму... Пожалуйста, извините нас за столь поздний визит, но я... я никак не мог уснуть сегодня... Я причинил вам боль... Я видел, вы так страдали...

— Чего-о?..— изумленно протянул Олег.— Кто страдал?!

— Вы,— кротко пояснил ночной посетитель.— Вы страдали из-за моей неловкости. Но поверьте, это получилось случайно... Я так боялся... боялся — вдруг у вас вывих или перелом?.. Я привел к вам своего приятеля... Он очень опытный врач, и он... любезно согласился осмотреть вашу ногу... Скажите... скажите честно: вы больше не сердитесь на меня? Мне это очень важно знать...

— Пошел ты...— задохнулся от возмущения Олег.— Пошел ты со своим приятелем... к чертовой теще! Ты... ты...— он хотел добавить что-то очень выразительное, но тут силы оставили его, колени сами собой подогнулись, и, закрыв глаза, Ящиков медленно опустился на штрафную площадку ставшего ему родным зеленого дивана.

КОНЕЦ ОДИНОЧЕСТВА

Прошло три недели. Авторитет Ящикова в местном футболе рос, результативность команд падала. В очередном матче «Антилопа» встречалась с командой «Антибиотик». На установке Антей Антипыч был краток и откровенен.

— Команда у них, сами знаете, слабоватая, но бдительности терять нельзя. Особенно надо опасаться их седьмого номера, Антиресова. Он у них лучший бомбардир. Активный игрок! Хорошо бы его разменять на кого-нибудь...

Тренер обвел глазами команду, и взгляд его остановился на Ящикове.

— Возьми его на себя. Твоя задача — выключить его из игры. Пускай сам не сыграешь, но и ему не дашь. Чтоб он у тебя шагу не мог ступить. Да что мне тебя учить, сам все знаешь... Ну, а теперь — все на поле! Соперник уже ждет.

...Едва начался матч, Олег подбежал к Антиресову и встал так близко от него, что даже в очереди за пивом в родном мире Ящикова расстояние между людьми бывало больше.

— Добрый день,— вежливо сказал Антиресов.— Как хорошо, что вы сами явились. А я только собирался бежать за вами.

— Чего это я тебе понадобился?— удивился Олег.

— Задание тренера,— доверительно произнес соперник.— Согласно последним тактическим веяниям, мне поручили вас опекать по всему полю.

— Да что ты? — обрадовался Ящиков.— Значит, ты от меня не отойдешь?

— Ни на шаг! — подтвердил Антиресов.— И не надейтесь. А вы, наверно, рассчитывали нам гол забить? Сразу вас предупреждаю: только через мой труп.

— Во чудак! — пожал плечами Олег.— Да зачем мне забивать? У меня и задания-то такого не было. Не, ты не думай, я к тебе со всей душой, без всякой задней мысли. Мне просто надо тебя нейтрализовать.

— А, это другое дело! — облегченно вздохнул противник.— Значит, уважает меня ваш тренер?

— Если б не уважал, не приставлял бы к тебе персонального сторожа. А ты меня уважаешь?

— Конечно, еще бы! Я вас очень ува... Извините, мне пас дали. Побегу!

— Какой смысл? — возразил Ящиков.— Все равно я помешаю тебе как следует его принять. В лучшем случае, уйдет мяч на аут.

— А если я сделаю рывок?

— У меня скорость, как у трамвая! — предупредил Олег.— Я тебе не уступлю. В крайнем случае, наступлю. Нечаянно, конечно.

— М-да...— заколебался Антиресов.— Действительно... Но пас же мне адресовали. Както неудобно игнорировать...

— Сделай вид, что не заметил,— посовето-

вал Ящиков.— И потом, какую тебе установку дали: за мячом бегать или за мной?

— За вами.

— Ну и плюнь на мяч! Представь себе, что я побежал в другую сторону...

— Гм... Тогда... В таком случае, я вас попрошу: сделайте хоть несколько шагов, чтобы у меня было алиби...

Олег слегка сместился к центру. Соперник последовал за ним.

— Так вы считаете, что нам лучше всего стоять здесь и ни во что не вмешиваться?

— Факт! Ты ведь, надеюсь, не хочешь прослыть нарушителем игровой дисциплины?

— Нет, конечно.

— Ну так стой рядом со мной, и будем выключать друг друга. Кстати, можешь называть меня на «ты». Чего нам считаться? Одно дело делаем...

Они помолчали.

— А ты хороший парень,— после паузы сказал Антиресов.— Рассудительный и неглупый...

— Еще бы! — хмыкнул Ящиков.— Старшим антигравитатором кого попало не назначат!

— Да, это верно,— согласился соперник.— У меня брат давно мечтает антигравитатором стать, да ничего не получается. Претендентов слишком много...

— Пусть зайдет как-нибудь,— покровительственно заметил Олег.— Постараюсь помочь...

— Правда? — обрадовался Антиресов.— Вот спасибо! А вы... а ты приходи ко мне в субботу в гости! Посидим, повеселимся...

Постепенно разговор приобретал все более оживленный характер. Вскоре Ящиков и его новый приятель так увлеклись, что перестали обращать на игру всякое внимание. Однако минут через двадцать темы начали иссякать.

— Скучно! — зевнул Антиресов.— Не знаешь, чем заняться...

— Может, в «балду» сыграем? — предложил Олег.

— А я не умею...

— Ерунда! Я тебя научу. Называй какую-нибудь букву...

Сражение в «балду» было в самом разгаре, когда на голову Антиресова неожиданно опустился мяч.

— Тьфу ты! — выругался он.— Вот досада! Нужное слово из головы выбили! Разве можно заниматься интеллектуальными играми в таких условиях?

— Да, то и дело отвлекают! — поморщился Олег.

— А знаешь что? — задумчиво сказал Антиресов.— Что мы здесь, как пни, торчим? Кому это нужно? Пойдем лучше в раздевалку, доиграем!

— А не будет это нарушением дисциплины? — недоверчиво спросил Ящиков.

— Какое же это нарушение? — удивился соперник.— Тренеры же решили нас разменять друг на друга. Решили или нет?

— Ну, решили... Так что из того?

— Ну, вот мы друг друга из игры и выключим. Пошли, пошли, не будь формалистом!

И, не слушая возражений, он дружески обнял Олега за плечи и увлек в раздевалку. Игра продолжалась.

Олег Ящиков не был больше одинок в антимире. У него появились здесь друзья и единомышленники...

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Новый приятель Ящикова жил в пригороде. То и дело сверяясь с бумажкой, на которой был написан адрес, Олег долго плутал по незнакомым улицам, пока, наконец, не вышел к большому неосвещенному скверу.

«Про сквер мне Антиресов говорил,— вспомнил он.— Сразу за сквером должна быть парикмахерская, а потом его дом...»

Ящиков сунул бумажку в карман и свернул в безлюдную темную аллею. Неожиданно от дерева отделилась высокая тощая фигура и загородила ему дорогу.

— Простите, у вас закурить не найдется? — с нехорошей ухмылкой поинтересовалась фигура.

Олег сделал шаг назад и нерешительно оглянулся. Однако отступать было уже поздно: из кустов выходили еще четверо. Они окружили Ящикова плотным кольцом и принялись молча ждать развития событий.

Поняв, что достойно ретироваться не удастся, Олег решил быть предельно корректным. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда пачку «Явы», которую еще в том далеком, нормальном мире всегда держал при себе для представительства.

— Вот, угощайтесь... Как говорится, чем богаты...

Высокий взял у него пачку, посветил на нее фонариком и, брезгливо поморщившись, выбросил в кусты.

— Что же ты меня угощаешь такой гадостью? Ты разве не знаешь, что они без антиникотина? Хочешь меня на тот свет отправить?..

— Вот мерзавец! — рассвирепел широкоплечий приземистый тип в тельняшке и зеленой шляпе.— Таких наказывать надо! Врежь ему как следует, Антипат!

— Погоди! — осадил его высокий.— Не горячись раньше времени. Может, мы с ним похорошему договоримся... Слушай, ты, отравитель! — обратился он к Ящикову.— Деньги у тебя есть?

Олег побледнел и сдавленным голосом пробормотал, инстинктивно втягивая голову в плечи:

— Не захватил, к сожалению...

— Ну вот и отлично! — обрадовался Антипат! — На, держи!

Он достал из-за пазухи толстую пачку денег и протянул ее Ящикову.

— Держи, тебе говорят! Да поторапливайся, а то сейчас схлопочешь!

Увидев, что жертва плохо соображает, чего от нее хотят, Антипат рванул на себя пиджак Ящикова, небрежно запихал деньги в карман и застегнул его английской булавкой. Затем критически оглядел Олега с ног до головы и остался недоволен.

— А почему на тебе плаща нет?

— Так ведь... жарко...

— Я тебе дам, жарко! На-ка вот, надень!

Он снял с себя какой-то длинный балахон и напялил на Ящикова.

— Вот, носи на здоровье! Импортный! В магазине такой не достанешь!

Пока Антипат любовался делом своих рук, два его сподвижника молча и яростно напяливали на запястье Олега две пары наручных часов, а мордастый ловко подвязал Ящикову на шею ярко-оранжевый галстук с изображенной на нем полуодетой негритянкой.

Покончив со всеми хлопотами, налетчики на прощание дали Олегу пару подзатыльников и, велев не поднимать шума, исчезли так же внезапно, как и появились. А изумленный Ящиков еще долго стоял в раздумье, не зная, что ему предпринять. Потом он вытащил из кармана деньги, тщательно пересчитал их, вздохнул и, пожав плечами, отправился в гости.

ЧЕЛОВЕК КРАСИВОЙ ДУШИ

Антиресов встретил Олега в фартуке.

— Наконец-то! — обрадовался он.— Ты чего так долго? А я тут, понимаешь, хозяйством занимаюсь... Да раздевайся, чего стоишь!

Ящиков трясущимися пальцами попытался расстегнуть подаренный ему плащ, но от волнения никак не мог найти пуговицы. Хозяин наконец заметил его состояние.

— Да что это с тобой? На тебе лица нет! И одет ты как-то странно...

— Я... на меня какие-то злоумышленники напали,— сбивчиво произнес Олег.— Ну, и вот, одели... с головы до ног... Я сопротивлялся, двоих чуть не убил. Но их там пятеро было. Силой заставили...

— Да что ты! — побледнел Антиресов.— Вот негодяи! Я давно слышал, что у нас тут шайка орудует, но как-то не верил... И что же... что же они с тобой сделали? Издевались, наверно?

— Ага... Денег кучу надавали. И вот, часы еще...

— Ну и подлецы! — покачал головой хозяин.— У них это любимое занятие — оскорбить человека подачкой! Унизить деньгами его достоинство... Деньги ты уже, конечно, выбросил?

— Конечно,— не моргнув глазом, соврал Ящиков.— Как только они разбежались, я деньги тут же в урну сунул. Да еще плюнул сверху!

— Вот это правильно! — одобрительно кивнул Антиресов.— А эти тряпки мы сейчас в мусоропровод спустим.

Он решительно сорвал с Олега импортный плащ и вместе с галстуком бросил в ведро. Туда же он хотел отправить и две пары часов, но Ящиков воспротивился.

— Нет, часы пока оставь. Я на обратном пути брошу их этой шпане прямо в лицо!

Антиресов с уважением взглянул на него и, ничего не говоря, крепко пожал руку.

— Слушай,— задумчиво произнес Олег.— Я тут человек новый и никак в толк не возьму: для чего им надо было меня одевать?

— А! — со злостью махнул рукой хозяин.— Ничтожные личности! Жулье! В основном это недобросовестные торговые работники. Понимаешь, импортную одежду никто не хочет покупать. Так они, вместо того чтобы улучшить рекламу, проводить беседы с покупателями, убеждать их — вместо всего этого они пошли по скользкому пути: подкарауливают людей в укромных местах и натягивают на них силком импортные вещи! Конечно, милиция борется с этим, но пока недостаточно.

— Поня-ятно...— кивнул Ящиков.— С барахлишком все ясно. Вот только насчет денег до меня не доходит. Деньги-то они мне зачем сунули?

— Так они ведь понимают: кто же будет бесплатно в этой импортной дряни ходить? Вот и суют, вроде как взятку. Если человек деньги у них взял, он себя как бы обязанным будет чувствовать. Придется ему эти вещи носить, служить ходячей рекламой. У этих деляг тонкий расчет!.. Ну ладно. Постарайся забыть. Да проходи ты, чего у двери стоишь!

В это время в дверь неожиданно позвонили.

— К-кто это? — испуганно спросил Олег.— Может быть, опять они... Дай-ка я на всякий случай плащ из ведра достану...

— Не бойся,— похлопал его по плечу хозяин.— По квартирам хулиганы не ходят. Это скорей всего наш старший тренер. Он меня попросил с тобой его познакомить...

Антиресов открыл дверь и впустил высокого, как давление гипертоника, интеллигентного мужчину.

— Антипирин Анатольевич,— представился вошедший и дружески протянул Олегу узкую ладонь.— Прошу любить и жаловать! А вы, значит, и есть тот самый, знаменитый Ящиков? Наслышан, наслышан о вас... Ну, что ж мы стоим? Давайте пройдем в комнату, у меня к вам серьезный разговор имеется...

Он провел Олега к дивану, сам сел в кресло напротив и с места в карьер предложил:

— Не хотите ли вы, голубчик, перейти в нашу команду?

Ящиков поперхнулся от неожиданности, но марки не уронил и с достоинством поинтересовался:

— А какие будут ваши условия?

— О, условия прекрасные! — обрадовался Антипирин Анатольевич.— Поймите меня правильно, я не хочу сказать ничего плохого о вашей «Антилопе», но у нас, в «Антибиотике», условия намного лучше! Во-первых, у нас гораздо богаче библиотека. Во-вторых, при нашей команде организованы курсы антильского языка. В-третьих, мы намного чаще ходим в театры, проводим диспуты, встречи с интересными людьми...

— И это все? — спросил Олег.— А где же главное?

— Ах, да! — хлопнул себя по лбу тренер.— Главное-то я и забыл! У нас ведь на голову выше поставлена лекционная работа!

— Ну, вот что, батя! — с чувством сказал Ящиков.— Я человек образованный, ваши лекции для меня — это позавчерашний день. Поэтому давай так договоримся: дадите машину — перехожу в ваш «Антибиотик». Не дадите — тогда не взыщи. Мне и в «Антилопе» неплохо. Как-никак, я у них там старший антигравитатор!

— Гм, машину...— стушевался Антипирин Анатольевич.— Насчет машины я не уверен.

— Ну, не уверен, тогда и говорить нечего!

— Но я... я попробую поговорить с кем нужно...

— Попробуй, попробуй. А пока что отложим этот разговор.

— А может, вы сначала к нам перейдете, а потом мы решим вопрос с машиной, а? Так сказать, в рабочем порядке...

— На это не рассчитывай! — отрезал Олег.— Пока машины не будет, разговаривать не о чем!

— Ладно,— решился наконец тренер.— Будет вам машина! В лепешку разобьюсь, но достану. Только к нам вы перейдете прямо на этой неделе.

— Вот это деловой разговор! — одобрил Ящиков.— Значит, решено и подписано. А теперь это дело надо обмыть. А то я уже целых три недели в рот не брал.

— Как это, обмыть? — не понял Антипирин Анатольевич.

— Водочкой, батя! Водочкой! — усмехнулся Олег.— Как она у вас там называется? Антиповка какая-нибудь?

— Антабусовка,— хмуро сказал тренер.— Только стоит ли обмывать? Ведь это же все-таки нарушение режима...

— Никто не узнает! — махнул рукой Ящиков.— И потом, я же пока не в твоей команде числюсь. Тебе же самому приятно будет, что в какой-то там «Антилопе» игроки режим нарушают. Так что доставай, батя, бутылочку — и к делу...

— А где ее взять? — растерянно спросил Антипирин Анатольевич.— Антабусовку у нас только до одиннадцати утра отпускают...

— Это ничего! — успокоил Олег.— Можно достать у таксиста.

— У таксиста?! — вытаращил глаза тренер.— Таксисты антабусовку не продают.

— Извини, батя, не могу поверить,— возразил Олег.— Жди меня здесь.

Он накинул на плечи пиджак и весело застучал каблуками по лестнице...

Ящиков вернулся через полчаса и вытащил из карманов три пол-литровые бутылки. На лице его лежала печать задумчивости.

— Вот чудак... — бормотал он себе под нос.— Ну и чудак этот таксист! Это ж надо — отдать водку за полцены! «Что вы, что вы,— говорит,— она же теплая, да еще в машине целый день болталась, растряслась вся...» С ума сойти! Нет, что он все-таки имел в виду?... Может, тоже унизить меня хотел?

Однако вид накрытого стола немедленно заставил Олега забыть свои сомнения. Он потер руки, откупорил бутылку зубами и наполнил стаканы...

Вкус у антабусовки оказался знакомым, но на организм она подействовала как-то странно. Вместо приятного опьянения Ящиковым вдруг овладело острое недовольство собой. Пробудившаяся совесть, словно изжога, начала жечь грудь. По всему телу энергично разливалось благородство.

— Вот что, батя! — рубанул рукой воздух Олег.— Не надо мне машины! Я так, даром к вам перейду!

— О чем ты говоришь! — возмутился Антипирин Анатольевич.— Разве я это допущу? Через три дня будет у тебя машина.

— А я говорю, не надо!

— Нет, надо! — упорствовал тренер.— Раз я сказал, что дадим тебе машину, значит, дадим!

— Я подарю ее детсаду! — заявил Ящиков.

— Это очень благородно! — согласился Антипирин Анатольевич и, помолчав, добавил: — Слушай, а может, тебе к нам не переходить? «Антилопа» такая хорошая команда! А у нас, честно говоря, играть-то некому. Загубишь ты у нас свой талант... Не переходи — и все тут!

— Нет, раз я обещал, то перейду! Но перейду с тем условием, чтобы вы наладили у них, в «Антилопе», лекционную работу. Иначе вы не наладите, я знаю. Все некогда будет...

— Решено! — кивнул тренер.— Ты человек красивой души! Жаль только, что имя у тебя сложное, никак его не запомнишь... Слушай, можно я тебя буду называть просто Антиох?

— Валяй, батя, раз тебе так приятнее...

— У тебя большое сердце, Антиох! Мы выделим тебе целый дом с гаражом и сараем!

— Я буду жить в сарае,— скромно сказал Олег.— И не будем больше об этом. Давай лучше поговорим о чем-нибудь возвышенном...

Разговор по душам продолжался. Последнее, что запомнил Ящиков в этот вечер, была толстая пачка денег и две пары часов, которые он брезгливо вытащил из кармана и с презрением бросил в форточку...

Окончание следует.

ПОБЕДУ ЖДАЛИ 22 ГОДА

Олег Божьев — абсолютный чемпион мира по скоростному бегу на коньках.

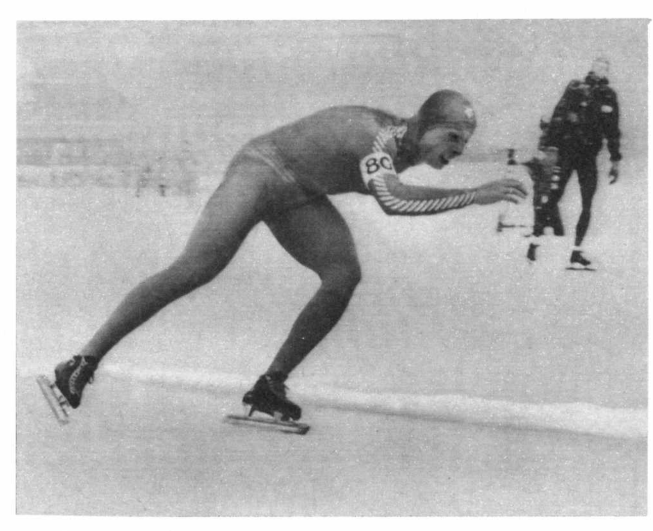

Фото А. Бочинина

18 февраля 1962 года в Москве Виктор Косичкин был увенчан лавровым венком победителя чемпионата мира в конькобежном многоборье. С тех пор никому из советских спортсменов не удавалось повторить его успех. Это сделал Олег Божьев.

В день победы Косичкина Олегу было всего полгода, столько же, сколько сейчас его сыну, которого родители назвали Димкой в знак любви и уважения к Дмитрию Бочкареву, нашему известному конькобежцу. Бочкарева прочили в лидеры сборной, каким, впрочем, он и был еще недавно. Но, увы, не сложился у него сезон, проиграл он и в Сараеве, и теперь на чемпионате мира в Гетеборге лидером стал Олег.

Прогнозы в спорте — дело скользкое, тем более в таком скользком виде, как скоростной бег на коньках. Победа Божьева — еще одно тому подтверждение. Ее могли предвидеть разве что тренер Борис Михайлович Васильковский да сам Олег. Судя по всему, даже руководители сборной команды страны на нее не рассчитывали, иначе Борис Михайлович находился бы в эти трудные для ученика дни рядом с ним. Но Васильковский был в Москве. Олег Божьев справился сам. В борьбе с такими сильными соперниками, как скороход ГДР Андреас Эриг и голландец Хилберт Ван дер Дюйм, Олег набрал в сумме четырех дистанций 169,663 очка и завоевал первенство.

Олег Божьев москвич. Причем как по прописке, так и по спортивной принадлежности: вырос в спортклубе «Москвич» автозавода имени Ленинского комсомола. 13 лет было Олегу, когда он неожиданно для приятелей бросил футбольную секцию, где, кстати, весьма преуспевал, и надел беговые коньки.

Впрочем, сначала не беговые. Дело в том, что однажды дружок Генка Тепляков «завел» его сразиться в беге на коньках. Так и поспорили. Только Генка на беговых, а Олег на простых. Ну, Олег, как обещал, так первым и примчался.

Примчался, да и ладно. Никто б на это внимания не обратил и потом не вспомнил, но только произошло все это на глазах у Валентины Васильевны Смирновой, детского тренера спортклуба «Москвич» по конькам. Она и уговорила Олега изменить футболу. Златые горы не сулила, но сказала, будешь трудиться, дело пойдет.

В хорошей, доброй семье рос парень. И трудовой. Мать Мария Ивановна техником работает. Отец Феликс Петрович бригадир слесарей на знаменитом заводе «Динамо».

Олег медленно, но верно шел по всем ступеням возрастных категорий молодого спортсмена. Стал рекордсменом страны среди юношей. Год назад завоевал звание чемпиона РСФСР в многоборье, выполнил норму мастера спорта международного класса. Его включили в состав сборной команды страны, он даже поехал на чемпионат мира, потому что выиграл отборочные соревнования. Однако выступить там не удалось, так и остался запасным. Не поверили в него.

К новому — олимпийскому — сезону он подходил не без тревоги: как бы снова что не случилось. Но свой последний шанс он использовал успешно: в конце января в Москве, на чемпионате СССР завоевал золотую медаль на дистанции 1500 метров. А в Сараеве на этой дистанции — бронзовую медаль.

И вот 25 марта начался чемпионат мира, чемпионат, на котором в отличие от Олимпиады победитель выявляется по итогам выступления на четырех дистанциях — от 500 до 10 000 метров. Начало было как будто бы малообещающее: пятое место на 500 метров. На трех остальных дистанциях Олег выступал все более и более уверенно, а 1500 метров выиграл. Так Олег Божьев стал абсолютным чемпионом мира.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Умер Абрам Старков. Коммунист, писатель-публицист, который больше четверти века проработал в нашем журнале.

Его очерки любили читатели. Старков писал просто, ясно. Он и сам был ясный человек, мужественный и честный. Биография Старкова под стать героям его очерков. С шестнадцати лет он стал профессиональным журналистом. До войны служил на флоте, участвовал в далеких заграничных плаваниях матросом, ходил в Арктику на ледоколах Главсевморпути, был парторгом правительственной экспедиции по спасению Седова. Войну встретил на ледокольном пароходе «А. Сибиряков» помощником капитана. Воевал на Северном флоте, редактировал газету подводников.

Вернувшись с фронта, работал в ленинградской печати. А потом — корреспондент журнала «Огонек»...

После войны Абрам Лазаревич возглавлял секцию очеркистов в Московском отделении Союза журналистов, где со свойственной ему добросовестностью учил молодых...

Живой отклик читателей вызывали его книги «Здравствуйте!», «Сильная душа», «Вечера с Моряковым», «Они среди нас», «В одной тачанке»...

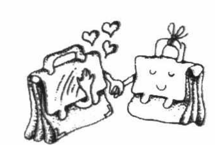
Абрам Старков не изменял себе до последних часов своей жизни. Будучи тяжело, неизлечимо болен, зная, что дни его сочтены, он держался удивительно стойко и мужественно, не жаловался, а работал, работал... И успел сдать последнюю рукопись, где рассказывал о своем времени — о встречах с интересными людьми и где предстает перед читателями человеком высокого духа, бескомпромиссным. Таким мы и будем помнить его всегда.

ОГОНЬКОВЦЫ

КОЕ-ЧТО О ЖЕНЩИНАХ

ФРАЗЫ

Плохо, когда жена умнее мужа, но еще хуже, когда муж получает меньше жены.

Сначала была творческая командировка. Потом уже — служебный роман.

Женская логика: все свое — тряпки, все чужое — вещи.

У всех мужчин — недостатки. У женщин это — слабости.

Женщины живут дольше мужчин потому, что они не перестают заботиться об их здоровье.

Медовый месяц начался с недели демонстрации женского характера.

Брак по любви закончился разводом по расчету.

Ефим ФУРМАНОВ

Ленинград.

Стоит ли каждое яблоко раздора нести в районный суд?

Семь бед, пора на обед, а жены дома нет.

Тот, кто постоянно холост, тот, по-моему, просто глуп.

За каждый роман писателю приходилось расплачиваться алиментами.

В. КОНЯХИН

Кухня—это отдельный кабинет для жены.

Любовный треугольник: она любит его, он любит себя.

Хочешь увидеть летающую тарелку, утаи от жены зарплату.

Первое упражнение утренней гимнастики для женщин — разбудить мужа.

Одни девушки имеют современный вид, другие — просто красивы.

М. НОВГОРОДСКИЙ

Львов.

Рисунки
Э. ДЕСЯТНИК

Дорогие читатели!

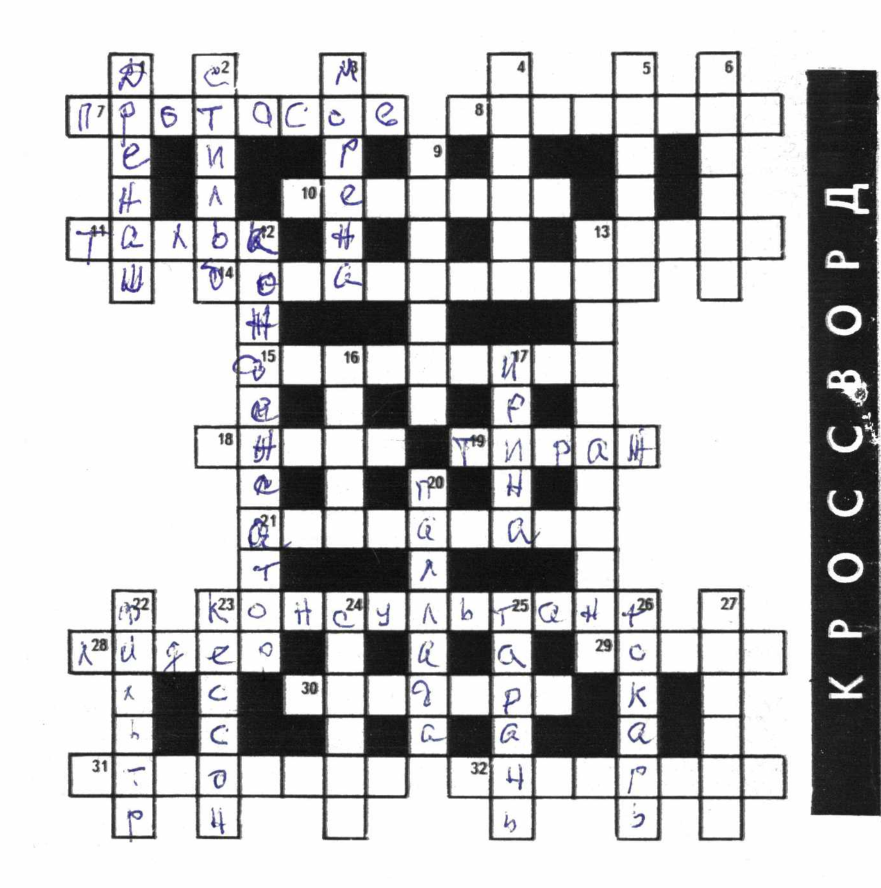
В соответствии с распоряжением Министерства связи СССР вся письменная корреспонденция с 1 марта с. г. должна отправляться с обязательным указанием шестизначного индекса. Редакция просит вас, дорогие читатели, четко, разборчиво писать на конвертах свой адрес, не забывая проставить почтовый индекс. В противном случае мы не сможем ответить на ваши письма, которым всегда рады.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Они будут голосовать впервые. Молодые избиратели — студентки Московского орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции института нефтехимической и газовой промышленности имени академика И. М. Губкина Галина Сафронова, Луиза Фахретдинова, Светлана Ибрагимова, Нина Щербина и Татьяна Грекова (во втором ряду).

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Все это создано мастерами художественного комбината «Арс». (См. в номере материал «Волшебники из «Арса».)

Фото В. САЛЬМРЕ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 8. Южный орех. 10. Область медицины. 11. Слоистый минерал, употребляемый в технике и медицине. 13. Болгарский поэт, антифашист. 14. Симфония А. П. Бородина. 15. Казахская певица, народная артистка СССР. 18. Стихотворение А. С. Пушкина. 19. Розыгрыш по займу, лотерее. 21. Город в центральной части Индии. 23. Специалист, дающий советы по определенным вопросам. 28. Участник спортивных состязаний, идущий впереди. 29. Народный архитектор СССР. 30. Грузинский музыкальный инструмент. 31. Пушной зверь, енот. 32. Соотношение двух музыкальных звуков по высоте.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Система подземных каналов для осушения сельскохозяйственных земель. 2. Единица яркости. 3. Ледниковые отложения. 4. Самая яркая на небе звезда. 5. Роман О. Гончара. 6. Советский хоккеист, двукратный олимпийский чемпион. 9. Поэт, один из зачинателей реалистической дагестанской литературы. 12. Устройство, способное накапливать электрические заряды. 13. Грузинский композитор, народный артист СССР. 16. Декоративное растение, цветущее однажды. 17. Героиня поэтического произведения Н. А. Некрасова. 20. Малая планета. 22. Устройство для отделения твердых частиц от газа. 23. Ограждающая бетонная камера для работы под водой. 24. Устав, собрание правил определенной организации. 25. Промысловая пресноводная рыба. 26. Рабочий, специалист по обработке металла, дерева. 27. Город в Новгородской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Скалолаз. 8. Гоголева. 10. Стопа. 11. Иссоп. 13. Эскиз. 15. Сортамент. 19. Здание. 20. Ужение. 21. Нейгауз. 22. Транец. 24. Изонцо. 26. Магнетизм. 29. Непал. 30. Метан. 31. Сфера. 33. Микролит. 34. Наличник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Парусина. 2. «Космос». 3. Фарс. 4. Сова. 5. Подуст. 6. Вершинин. 9. Кова. 12. Потенциал. 13. Энтузиазм. 14. Позитив. 16. Трайнин. 17. Малахит. 18. Эсенова. 23. Атлетика. 25. «Накануне». 26. Майкоп. 27. Еней. 28. Метчик. 31. Скиф. 32. Адан.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 13.02.84. Подписано к печати 28.02.84. А 00329. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 611. Заказ № 2142.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Свободно» голосуешь в каждом штате —
Но для рабочих места нет в сенате.

«Свободно» выбираешь депутатов,
Но у руля — правительство богатых.

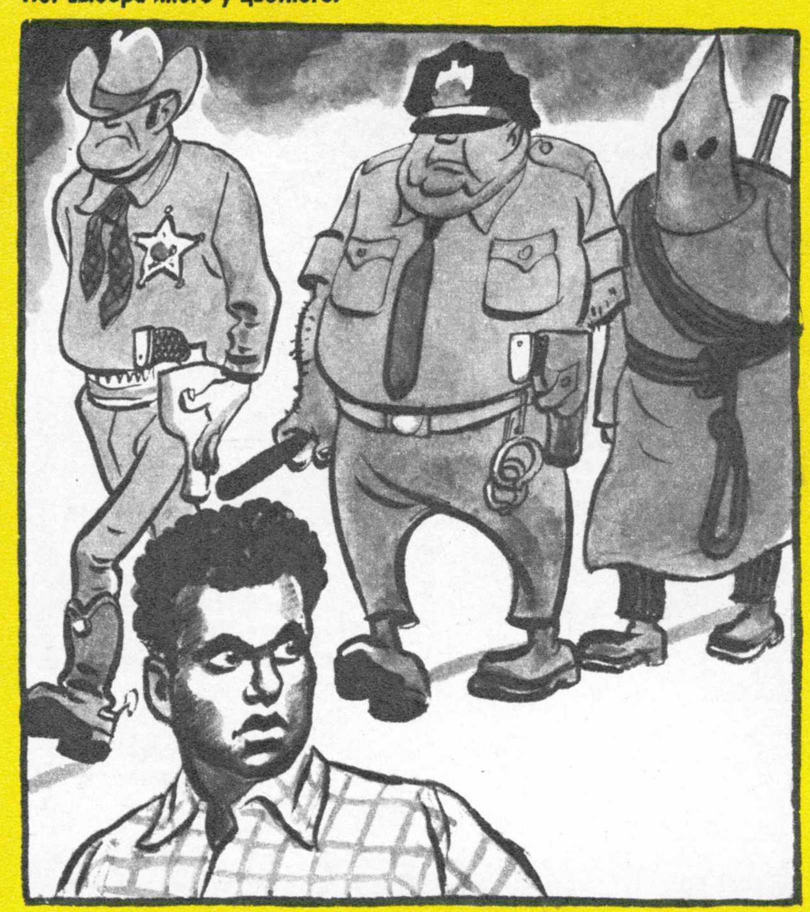
В «СВОБОДНЫХ И БОГАТЫХ» СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Для молодежи «выбор» преогромный:
То новый безработный, то бездомный...

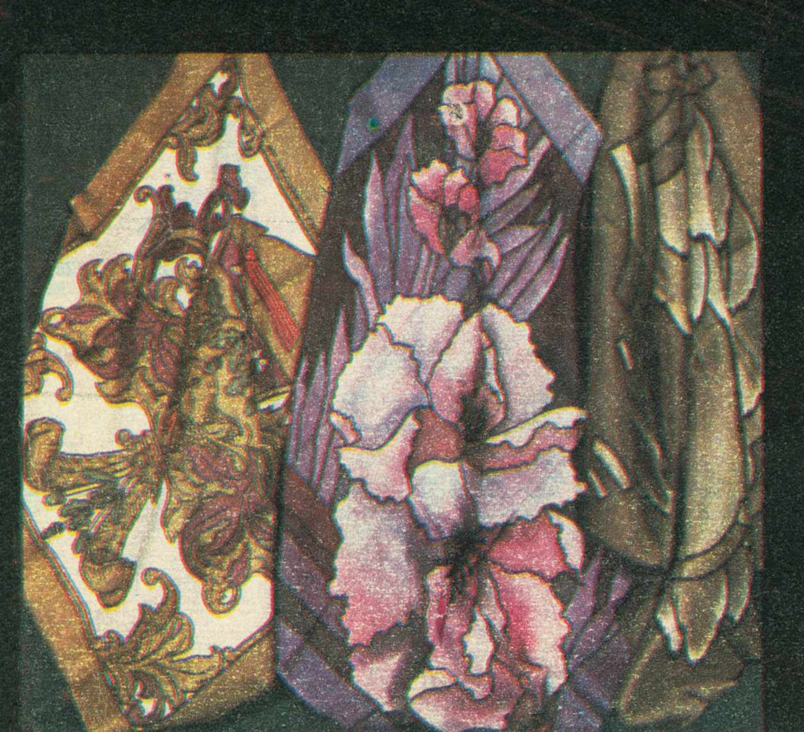
Бесправье, унижения, оковы —
Нет выбора иного у цветного.

КОРОЧЕ, В ШТАТАХ ПРОСТО БЛАГОДАТЬ:
ЛЮБОЙ «СВОБОДНО» МОЖЕТ «ВЫБИРАТЬ»!

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

